

ISSN 2313-8920 (Print)
ISSN 2587-8174 (Online)
<http://www.postsovietarea.ru/>
<http://www.postsovietarea.com>

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
ПРОСТРАНСТВА
Научный журнал

Т. 7, № 4
2020

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 7, № 4
2020

Проблемы
ПОСТСОВЕТСКОГО
пространства
Научный журнал

Т. 7, № 4
2020

Post-Soviet Issues
Scientific journal

Vol. 7, № 4
2020

ПРОБЛЕМЫ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

«Проблемы постсоветского пространства» — рецензируемый научный журнал, посвященный актуальным теоретическим и научно-практическим проблемам развития постсоветского пространства и входящих в него стран.

Миссия журнала — содействовать развитию междисциплинарных исследований, связанных с научным изучением стран постсоветского пространства. На страницах журнала публикуются материалы, связанные с изучением проблем становления и трансформации политических систем стран постсоветского пространства, формирования новой политической идеологии и культуры, модификации социально-политических, национальных и конфессиональных отношений и процессов, внешней политики и многостороннего взаимодействия, а также вопросов экологии и гуманитарного сотрудничества.

Журнал ориентирован на публикацию научных обзоров, исследований, статей, связанных с изучением комплекса теоретических и научно-практических проблем развития и взаимодействия стран постсоветского пространства.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Научный журнал «Проблемы постсоветского пространства» входит в Перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук, рекомендованный Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки России (вступил в силу 18 июля 2019 г.) по следующим специальностям:

- 07.00.15 — История международных отношений и внешней политики (исторические науки)
- 08.00.14 — Мировая экономика (экономические науки)
- 23.00.02 — Политические институты, процессы и технологии (политические науки)
- 23.00.04 — Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития (политические науки)

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Сергей Сергеевич Жильцов, д. п. н., заведующий кафедрой политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- *Владимир Иванович Аникин*, д. э. н., Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия
- *Евгений Петрович Бажанов*, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Анджея Вержбицки*, д. п. н., Варшавский университет, Варшава, Польша
- *Светлана Михайловна Гаврилова*, к. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Майкл Глянц*, Университет Колорадо, США
- *Олег Евгеньевич Гришин*, к. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- *Лукаш Донай*, д. п. н., университет им. Адама Мицкевича, Познань, Польша
- *Игорь Сергеевич Зонн*, д. геогр. н., Инженерный научно-производственный центр по мелиорации,

водному хозяйству и экологии «Союзводпроект», Москва, Россия

- *Андрей Вячеславович Ишин*, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- *Леонид Александрович Карабешкин*, к. п. н., Евроакадемия, Таллин, Эстония
- *Балташ Нурмухамбетович Карипов*, д. п. н., Кокшетауский государственный университет им. Ш. Уалиханова, Казахстан
- *Олег Геннадьевич Карпович*, д. п. н., д. ю. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- *Геннадий Владимирович Косов*, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- *Андрей Геннадьевич Костяной*, д. ф.-м. н., Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН, Москва, Россия
- *Елена Михайловна Кузьмина*, к. п. н., Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия

- **Рустам Мамедов**, д. ю. н., Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан
- **Алексей Михайлович Мастепанов**, д. э. н., Институт проблем нефти и газа РАН, Москва, Россия
- **Николай Павлович Медведев**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Марк Афроимович Неймарк**, д. и. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Ольга Алексеевна Нестерчук**, д. п. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Юлий Анатольевич Нисневич**, д. п. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
- **Владимир Николаевич Панин**, д. п. н., Институт международных отношений «Пятигорского государственного университета», Пятигорск, Россия
- **Лидия Александровна Пархамчик**, Евразийский научно-исследовательский институт, Алма-Ата, Казахстан
- **Александр Вячеславович Семенов**, д. э. н., Московский университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия
- **Пётр Иванович Толмачёв**, д. э. н., Дипломатическая академия МИД РФ, Москва, Россия
- **Сергей Борисович Филимонов**, д. и. н., Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия
- **Владимир Анатольевич Цвык**, д. ф. н., Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
- **Вячеслав Григорьевич Циватый**, к. и. н., Дипломатическая академия Украины при МИД Украины, Киев, Украина
- **Александр Андреевич Шириняц**, д. п. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Нарцисс Шукуралиева**, д. п. н., Университет Казимира Великого, Варшава, Польша
- **Андрей Юрьевич Шутов**, д. и. н., МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия
- **Владимир Владимирович Штоль**, д. п. н., Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ, Москва, Россия
- **Валерий Теодорович Юнгблюд**, д. э. н., Вятский государственный университет, Киров, Россия

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 27 марта 2014 г. (Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-57418 от 27 марта 2014 г. — печатное издание)
ISSN	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель:	Автономная некоммерческая организация по исследованию внедрения научных инноваций и анализу общественного мнения «Центр региональных исследований»
Адрес издателя и редакции:	127576, Москва, ул. Абрамцевская, д. 8А
Типография:	«Бean», Россия, 603003, г. Нижний Новгород, ул. Баррикад, д. 1, корп. 5
Тираж:	500 экземпляров
Сайт:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Подписано в печать:	01.12.2020
	© «Проблемы постсоветского пространства». Все опубликованные материалы распространяются под лицензией CC BY 4.0

POST-SOVIET ISSUES

FOCUS AND SCOPE

«Post-Soviet Issues» is a peer-reviewed scientific journal dedicated to current theoretical, scientific and practical problems of the post-Soviet area and its countries development.

The mission of the journal is to contribute to interdisciplinary research development, related to the scientific study of the post-Soviet area countries. The materials related to the studying of the political systems of the post-Soviet countries formation and transformation, emerging of new political ideology and culture, modification of social and political, national and confessional relations and processes, foreign policy and multilateral cooperation as well as the questions of ecology and humanitarian cooperation are published in the journal.

The journal is focused on publishing of scientific reviews, researches, articles related to the studying of theoretical, scientific and practical development problems and cooperation of the post-Soviet area countries.

The journal publishes authentic articles, comprehensive studies of Russian and foreign authors, having not been published scientific reports.

Academic periodic journal «Post-Soviet Issues» is published quarterly. It is included in the List of the Russian reviewed academic journals in which the main scientific results of the dissertations for the bestowing of the academic degrees of doctors and candidates of sciences are to be published as recommended by the Supreme Attestation Commission (VAK) under the RF Ministry of Education and Science (came into force on July 18, 2019).

- 07.00.15 «The history of international relations and foreign policy»;
- 08.00.14 «World economy»;
- 23.00.02 «Political institutions, Processes and Technologies»;
- 23.00.04 «Political problems of international relations, global and regional development».

CHIEF EDITOR

- **Sergey S. Zhiltsov**, Doctor of Political Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Leonid A. Karabeshkin**, PhD in Political Science, EuroAcademy, Tallin, Estonia

- **Baltash N. Karipov**, Doctor of Political Science, Kokshetaush University, Kokshetaush, Kazakhstan

EDITORIAL BOARD

- **Vladimir I. Anikin**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Oleg G. Karpovich**, Doctor of Political Science, Doctor of Law, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Evgeni P. Bazhanov**, Doctor of History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Gennadi V. Kosov**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

- **Lukasz Donay**, Doctor of Political Science, Adam Mickiewicz University, Poznan, Poland

- **Andrej G. Kostyanov**, Doctor of Physics and Mathematics, P.P. Shirshov Institute of Oceanology (Russian Academy of Science), Moscow, Russia

- **Sergey B. Filimonov**, Doctor of History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Elena M. Kuzmina**, PhD in Political Science, Primakov National research institute of world economy and international relations of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

- **Svetlana M. Gavrilova**, PhD in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia

- **Michael H. Glantz**, Colorado, USA

- **Rustam Mamedov**, Doctor in Law, Baku State University, Baku, Azerbaijan

- **Oleg E. Grishin**, PhD in Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Nikolai P. Medvedev**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia

- **Andrej V. Ishin**, Doctor in History, V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia

- **Alexey M. Mastepanov**, Doctor of Economic Science, The Institute of Oil and Gas problems of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
- **Mark A. Nejmark**, Doctor in History, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Olga A. Nesterchuk**, Doctor of Political Science, RUDN University, Moscow, Russia
- **Yuli A. Nisnevich**, Doctor of Political Science, Higher School of Economics, Moscow, Russia
- **Vladimir N. Panin**, Doctor of Political Science, Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
- **Lidiya A. Parkhomchik**, Eurasian Research Institute, Alma-Ata, Kazakhstan
- **Aleksandr V. Semenov**, Doctor of Economic Science, The Moscow Vitte S.Yu. University, Moscow, Russia
- **Alexander A. Shirinyants**, Doctor of Political Science, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Narcissus Shukuralieva**, Doctor of Political Science, Kazimierz Wielki University, Warsaw, Poland
- **Andrey Y. Shutov**, Doctor of History, Moscow State University, Moscow, Russia
- **Vladimir V. Shtol**, Doctor of Political Science, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia
- **Peter I. Tolmachev**, Doctor of Economic Science, Diplomatic Academy of Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia
- **Viacheslav G. Tsivatiy**, PhD in History, Diplomatic Academy of Ukraine at MFA of Ukraine, Kiev, Ukraine
- **Vladimir A. Tsvyk**, Doctor of Philosophy, RUDN University, Moscow, Russia
- **Andrzej Verzhbitski**, Doctor of Political Science, Warsaw, Poland
- **Valery T. Yungblud**, Doctor of Economic Science, Vyatka State University, Kirov, Russia
- **Igor S. Zonn**, Doctor of Geography, Research and Production Centre on Melioration, Water Economy and Ecology “Soyuzvodproekt”, Moscow, Russia

ISSN:	2313-8920 (Print) 2587-8174 (Online)
Publication Frequency:	Quarterly
Founder:	Autonomous Non-profit organization on research of introduction of scientific innovation and public opinion analysis “The Centre of regional research”
Publisher’s address:	Moscow, 127576, Abramzevskaj str. 8A
Printing house:	“Bean”, Nizhny Novgorod, Barricade str., 1, bld. 5
Number of Copies:	500
Web-site:	http://www.postsovietarea.com
E-mail:	postsowetskoe.prostranstvo@yandex.ru
Signed for printing:	01.12.2020
	© “Post-Soviet Issues”. All materials are distributed under CC BY 4.0

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

- Черноморское направление политики Евросоюза и интересы России** 414
Светлана М. Гаврилова
- Стратегические документы арктических государств** 429
Игорь С. Дорошенко
- Об основных направлениях политики США в Центральной Азии** 445
Владимир А. Пономарев
- Энциклопедизация Средиземноморского пространства** 460
Александр В. Семенов, Игорь С. Зонн

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

- Российско-узбекское сотрудничество: риски и потенциал развития** 470
Аза А. Мигранян
- Развитие цифровой экономики Казахстана** 485
Олег Г. Карпович, Балташ Н. Карипов, Аделина Ш. Ногмова

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

- Миграционная политика России: новые точки отсчета** 495
Марк А. Неймарк
- Итоги местных выборов на Украине: переформатирование власти** 508
Сергей С. Жильцов
- Правый радикализм на Украине: история и современность** 516
Николай В. Работяжев
- Влияние украинского фактора на политическую элиту и гражданское общество Приднестровья** 532
Алексей К. Скочилов, Ольга В. Леонтьева, Владимир В. Ястребчак

ИСТОРИЯ И РЕЛИГИЯ

- Геополитические подходы к исследованию понятия «Центральная Азия»** 550
Елена Г. Гарбузарова

Contents

INTERNATIONAL RELATIONS AND GLOBAL POLICY

- Black Sea Vector of the European Union's Policy and Russia's Interests.....** 414
Svetlana M. Gavrilova
- The Strategic documents of the Arctic states.....** 429
Igor S. Doroshenko
- U.S. Main Policies in Central Asia.....** 445
Vladimir A. Ponomarev
- Mediterranean Region Encyclopedia.....** 460
Aleksandr V. Semenov, Igor S. Zonn

ECONOMY

- Russian-Uzbek Cooperation: Risks and Development Potential.....** 470
Aza A. Migranyan
- Development of the Digital Economy of Kazakhstan.....** 485
Oleg G. Karpovich, Baltash N. Karipov, Adelina S. Nogmova

POLITICS

- Russian Migration Policy: New Starting Points.....** 495
Mark A. Neimark
- Local elections results in Ukraine: the authorities reframing.....** 508
Sergey S. Zhiltsov
- Far-right Radicalism in Ukraine in Past and Present.....** 516
Nikolai V. Rabotyzhev
- The Impact of the Ukrainian Factor Over the Political Elite
and the Civil Society of Transdnistria.....** 532
Alexei K. Skovikov, Olga V. Leonteva, Vladimir V. Yastrebnchak

HISTORY AND RELIGION

- Geopolitical Approaches to the Term Study of the "Central Asia".....** 550
Elena G. Garbuzarova



Черноморское направление политики Евросоюза и интересы России

Светлана М. Гаврилова

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

smgavrilova@gmail.com

Аннотация: Черноморский регион является важной геополитической и геостратегической областью, в которой пересекаются интересы различных авторов мировой политики — как региональных, так и глобальных. Значимость региона как транзитной области энергоресурсов и важного транспортного узла привлекает внимание в том числе и европейского союза. Интересы Евросоюза в Черноморском регионе охватывают целый ряд направлений: экономика, транзит энергоресурсов, безопасность, экологические и климатические проблемы, общественные и культурные инициативы. Энергетические и транспортные потоки, проходящие через Черноморский регион, а также возможность доступа к широким рынкам сбыта, являются ключевыми факторами интереса ЕС к региону. С 1990-х гг. Евросоюз последовательно наращивает интерес к Черноморскому региону. Среди ключевых инициатив в данном направлении необходимо выделить «Черноморскую синергию» и программу «Восточное партнерство», которые позволяют ЕС поступательно наращивать свое присутствие в регионе и влияние на отдельные страны, географически относящиеся к нему. Внимание Евросоюза к региону и проводимая там политика вступает в конфронтацию с внешнеполитическими интересами Российской Федерации в данной географической области.

Ключевые слова: Европейский союз, Черноморский регион, Восточное партнерство, Черноморская синергия, энергоресурсы, региональная безопасность, национальные интересы Российской Федерации.

Для цитирования: Гаврилова С. М. Черноморское направление политики Евросоюза и интересы России. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(4):414-428. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-414-428>

Статья поступила 25.10.2020

Принята в печать 22.11.2020

Опубликована 01.12.2020

Black Sea Vector of the European Union's Policy and Russia's Interests

Svetlana M. Gavrilova

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia,

smgavrilova@gmail.com

Abstract: The Black Sea region is an important geopolitical and geostrategic area where the interests of various authors of world politics — both regional and global — intersect. The importance of the region as a transit area of energy resources and an important transport hub attracts the attention of the European Union as well. The EU's interests in the Black Sea region cover a number of areas: economy, energy transit, security, environmental and climate issues, social and cultural initiatives. Energy and transport flows through the Black Sea region, as well as access to broad markets, are key factors in the EU's interest in the region. Since the 1990s, the European Union has consistently increased its interest in the Black Sea region. Among the key initiatives in this direction, it is necessary to highlight the “Black Sea Synergy” and the “Eastern Partnership” program, which allow the EU to progressively increase its presence in the region and influence individual countries geographically related to it. The EU's attention to the region and its policies are in conflict with the foreign policy interests of the Russian Federation in this geographical area.

Keywords: European Union, Black Sea region, Eastern Partnership, Black Sea Synergy, energy resources, regional security, national interests of Russian Federation.

For citation: Gavrilova S. M. Black Sea Vector of the European Union's Policy and Russia's Interests. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):414-428. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-414-428>

Received 25.10.2020

Revised 22.11.2020

Published 01.12.2020

ВВЕДЕНИЕ

Геополитическая и стратегическая важность Черноморского региона определяется его географическим положением на границе Европы, Центральной Азии и Ближнего Востока, разнообразием природных ресурсов и высоким экономическим потенциалом. Это привлекает к нему внимание различных политических акторов. Особое значение региона имеет в сфере транзита энергоресурсов, что повышает его геополитическую значимость, как связующего звена между Европой и Каспийским регионом. Это же обостряет проблемы в сфере обеспечения безопасности. В регионе существует ряд проблем в области экологии, незаконной миграции, пограничного контроля. Именно высокий уровень потенциальной конфликтности является одним из факторов, препятствующих интенсивному развитию Черноморского региона.

литическую значимость, как связующего звена между Европой и Каспийским регионом. Это же обостряет проблемы в сфере обеспечения безопасности. В регионе существует ряд проблем в области экологии, незаконной миграции, пограничного контроля. Именно высокий уровень потенциальной конфликтности является одним из факторов, препятствующих интенсивному развитию Черноморского региона.

Все более отчетливо регион выступает в качестве арены борьбы интересов глобальных и региональных игроков. Не стал исключением и Европейский союз, интерес которого к Черноморскому региону неуклонно растет на протяжении последних десятилетий. Важное значение в рамках данного вектора политики ЕС имеет энергетическое измерение, транспортная сфера и вопросы безопасности восточных границ интеграционного объединения. Политика ЕС в данном направлении не может не вызывать интерес Российской Федерации. Россия традиционно является одним из наиболее значительных акторов на Черном море. Черноморские интересы РФ, имеющие глубокие исторические корни и обусловленные объективными географическими факторами, касаются геополитической и экономической сфер. Активная политика России на Черном море может, с одной стороны, послужить катализатором экономического развития региона, а с другой — способствовать налаживанию отношений Российской Федерации со странами Запада.

ЕС НАРАЩИВАЕТ ПРИСУТСТВИЕ В РЕГИОНЕ

В течении длительного времени Европейский союз не проводил последовательной политики в Черноморском регионе. Однако, если в начале 1990-х гг. контакты с причерноморскими странами оставались в рамках отдельных региональных проектов, таких как проект ТРАСЕКА, то уже во второй половине 1990-х гг. была признана необходимость более широкого вовлечения европейских государств в дела региона [1]. В ноябре 1997 г. было опубликовано «Сообщение Еврокомиссии по региональному сотрудничеству», содержащее оценку потенциала черноморских областей и открывающих возможностей взаимодействия ЕС со странами региона. В декабре того

же года Европейский Совет декларировал важность данного направления для Европы, а в 1998 г. Совет министров ЕС издал заявление о необходимости развития маршрутов экспорта каспийских энергоресурсов, в том числе для роста процветания черноморских областей.

В 2004 г. был дан старт «Бакинской инициативе» — региональному политическому диалогу, направленному на укрепление сотрудничества ЕС с причерноморскими и прикаспийскими странами в энергетической и транспортной сферах. В программном заявлении в рамках инициативы указывалось, что благодаря своим природным ресурсам и стратегическому географическому положению по отношению к Европейскому союзу, страны Восточной Европы, Кавказа и Центральной Азии обладают важным потенциалом как страны — транзитеры и страны — производители энергии, и «ЕС, осознавая этот потенциал, стремится принимать участие в его развитии» [2]. В рамках инициативы была проведена конференция министров транспорта Европейского союза и стран Каспийского региона и созданы рабочие группы экспертов по вопросам безопасности на всех видах транспорта и транспортной инфраструктуры. Целью этих рабочих групп было способствование укреплению сотрудничества Евросоюза со странами-партнерами в Черноморском и Каспийском регионах, а также сотрудничества между странами внутри регионов. В 2006 г. в рамках программы была принята Декларация министров по вопросам энергетики, включавшая проекты по энергетической безопасности, устойчивой энергетике, интеграции энергетических рынков, привлечению инвестиций. Эти инициативы, как указывается в официальных заявлениях Европейской Комиссии, заложили устойчивую основу для будущего сотрудничества между государствами-партнерами в регионах и ЕС [2].

«ЧЕРНОМОРСКАЯ СИНЕРГИЯ»

Интенсификация европейской политики в Черноморском регионе была обусловлена вступлением в ЕС Румынии и Болгарии в 2007 г. Главным вопросом в данном контексте стало обеспечение безопасности «новых границ» Евросоюза. Перед ЕС встала объективная задача интеграции «новых соседей» в систему своих внешнеполитических интересов. Черное море было провозглашено «зоной европейской ответственности», и в 2007 г. была принята программа «Черноморская синергия», предусматривающая расширение сотрудничества в сфере энергетики, транспорта и окружающей среды. «Черноморская синергия» стала инициативой, направленной на укрепление региональной кооперации через конкретные проекты при использовании широкого спектра инструментов [3] и определила общие направления деятельности Евросоюза в регионе, такие как демократия, права человека, безопасность и «замороженные конфликты», энергетика и транспорт, рыболовство и торговля [4]. «Черноморская синергия» стала принципиально новой региональной инициативой ЕС, открытой для всех черноморских государств. В число государств — партнеров Синергии в 2010 г. вошла и Россия. Задачей этой программы стало развитие кооперации как между черноморскими странами, так и между регионом в целом и Евросоюзом.

Инициатива «Черноморская синергия» была направлена на то, чтобы привлечь политическое внимание к проблемам на региональном уровне и активизировать процессы сотрудничества. При этом учитывается ряд направлений политики и программ ЕС, применимых к дифференцированным отношениям Евросоюза со странами региона. Основная цель инициативы — дальнейшее сотрудничество в рамках Черноморского региона и меж-

ду регионом в целом и ЕС. «Синергия» задумана как гибкая структура, которая обеспечивает высокую степень согласованности действий. Она предусматривает прогрессивный подход к разработке проектов, нацеленных на конкретные результаты в области окружающей среды, морских проектов, рыболовства, морского транспорта, энергетики, образования, гражданского общества, трансграничного сотрудничества и исследований [5].

«Черноморская синергия» нацелена на развитие связей с существующими организациями, в частности — с Организацией Черноморского Экономического Сотрудничества (ОЧЭС). Среди целей программы — интенсификация демократического развития и экономических реформ и содействие разрешению конфликтов в регионе. «Синергия» предназначена для обеспечения большей согласованности в рамках осуществления совместных проектов по целому ряду направлений сотрудничества. Одним из итогов принятия программы стало получение Евросоюзом статуса наблюдателя в ОЧЭС.

Важное значение для расширения европейского присутствия в Черноморском регионе имело принятие в 2008 г. Рамочной директивы по морской стратегии (Marine Strategy Framework Directive), целью которой декларировалась «более эффективная защита морской среды по всей Европе». Относительно Черноморского региона в рамках Стратегии внимание уделяется эффективности трансграничной кооперации Румынии и Болгарии, а также вопросам рыболовства и сохранения биоразнообразия на Черном море [6].

В январе 2011 г. была принята резолюция Европарламента «Стратегия ЕС в отношении Черного моря», ставшая важным шагом, конкретизирующим программу «Черноморской синергии». Главной особенностью

Стратегии стало требование предусмотреть в бюджете ЕС финансирование приоритетных региональных программ. Особое место в рамках Стратегии отводилось проблемам безопасности в Черноморском регионе в свете конфликтов в Абхазии, Приднестровье и Южной Осетии. В целом, Стратегия направлена на расширение влияния ЕС в регионе. Так, в 2011 г. была подписана совместная декларация ЕС и Азербайджана по проекту «Южный коридор» (газопровод «Набукко»). Инициатива была поддержана Турцией, Украиной, Молдавией и странами Южного Кавказа, однако в 2013 г. было объявлено о закрытии проекта.

РОЛЬ «ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА»

Важным этапом политики ЕС в районе Черного моря стала программа «Восточное партнерство» 2008 г. Она представляла собой проект развития интеграционных связей Европейского союза с Беларусией, Украиной, Молдавией, Азербайджаном, Арменией и Грузией и частично дублировал содержание «Черноморской синергии». Программа, фактически, определила круг приоритетных партнеров для Евросоюза на всем постсоветском пространстве. «Восточное партнерство» направлено на укрепление **политической ассоциации и экономической интеграции** шести стран-партнеров из Восточной Европы и Южного Кавказа и представляет собой особый восточный аспект **Европейской политики** соседства (ЕПС). В широком контексте, посредством ЕПС Европейский союз работает со своими южными и восточными соседями для достижения максимально возможной политической ассоциации и максимально возможной степени экономической интеграции [7]. Ключевое различие между «Черноморской синергией» и «Восточным партнерством» заключается в том, что первая базируется

на общерегиональном подходе, тогда как второе предусматривает развитие отношений со странами региона в индивидуальном порядке.

«Восточное партнерство» предполагает обсуждение и совместное осуществление проектов в энергетической сфере, торговле и по вопросам общей безопасности и подразумевает заключение соглашений об ассоциации нового типа, предусматривающих не только более тесное политическое сотрудничество, но и согласованное законодательства, а также корреляцию внешнеполитических действий. Целью многостороннего взаимодействия в сферах демократии, экономики, энергетической безопасности, межличностных контактов является содействие большей интеграции государств, входящих в регион. Помимо этого, программа включает вопрос о либерализации или отмене визового режима с ЕС. Среди приоритетных направлений сотрудничества в рамках программы «Восточное партнерство» уже на начальном этапе ее существования были выделены экономическая интеграция, энергетическая стабильность, обеспечение стабильности и совершенствование системы управления, контакты между людьми [8].

Программа была утверждена в 2009 г., после охлаждения отношений ЕС и России в связи с грузино-абхазским конфликтом в августе 2008 г. Тогда же был принят энергетический проект «Южный коридор — Новый шелковый путь», предусматривающий увеличение поставок энергоресурсов в Европу через Турцию и Балканы. Российская Федерация, не являясь участником данных программ, не может оказывать никакого влияния на их реализацию. Очевидно, что реализация данных инициатив ЕС непосредственно затрагивает интересы РФ. В данном контексте вызывает повышенный интерес постулат от том что «безопасность,

стабильность и процветание, демократия и верховенство закона в Восточной Европе и на Южном Кавказе являются приоритетом для ЕС» [7]. Фактически, это показало, что интересы Евросоюза прочно закрепились на пространстве, в которое входят шесть стран «Восточного партнерства».

ЕС УТОЧНЯЕТ ПРИОРИТЕТЫ

После событий 2014 г. программа претерпела заметные изменения: акценты в проводимой Евросоюзом политике в отношении стран — участниц «Восточного партнерства» сместились с «демократических» принципов к «геополитическим». В программу были внесены коррективы, в том числе — переход к дифференцированным подходам в отношении стран-участниц. Так, например, по итогам данного этапа реализации программы Украина, Грузия и Молдавия подписали соглашение об Ассоциации с ЕС. Подобная политика демонстрировала стремление Евросоюза к дальнейшему вовлечению постсоветских государств в правовое поле ЕС [9]. Увеличились и объемы финансирования ряда проектов в рамках программы, в первую очередь — в отношении Армении, Белоруссии и Украины.

В Декларации, принятой по итогам саммита «Восточного партнерства», прошедшего в ноябре 2017 г., было отдельно отмечено стремление участников содействию мирному урегулированию конфликтов в регионе. Кроме того, как приоритетные направления выделялись улучшение и повышение безопасности транспортных связей, соблюдение энергетической безопасности, повышение эффективности управления, борьба с дезинформацией и поддержка независимых СМИ [10]. Важным этапом стало заключение на саммите Соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве между Арменией и ЕС [11], которое

стало подтверждением стремления Евросоюза к созданию надежной «буферной зоны» вокруг своих границ. Получил развитие декларируемый ранее тезис о «разных скоростях сближения с ЕС, было подтверждено право стран-объектов самим выбирать уровень сотрудничества, к которому они стремятся в своих отношениях с ЕС» [12].

Очередная встреча на высшем уровне в рамках «Восточного партнерства» состоялась в Брюсселе в мае 2019 г. На ней была принята дорожная карта, уточняющая ряд конкретных целей программы. Были утверждены рамочные документы поддержки с каждой из стран-участниц, предусматривающие определение приоритетных направлений сотрудничества, инструментов их реализации и ожидаемых итогов, а также осуществлено планирование приоритетов гуманитарного взаимодействия [9]. Среди главных вопросов, рассматривавшихся участниками, выделяется тема взаимоотношений с Россией и вопрос о санкциях, а также проблема прекращения конфликтов в Восточной Европе и кавказских странах. Линия на снижение конфронтации с Россией очевидно просматривается в данном контексте. Однако необходимо отметить, что «Восточное партнерство», скорее, остается полем для противостояния Российской Федерации и Евросоюза. При этом можно предположить, что программа способна выступить инструментом для взаимодействия двух интеграционных объединений — ЕС и ЕАЭС и тем самым открыть новые возможности для налаживания отношений России и ЕС.

18 марта 2020 г. Европейская комиссия опубликовала совместное коммюнике «*Политика Восточного партнерства на период после 2020 года: Укрепление устойчивости — Восточное партнерство, которое приносит пользу всем*» (*Eastern Partnership policy beyond 2020: Reinforcing*

Resilience — an Eastern Partnership that delivers for all). В нем изложены **Пять целей политики**: «гибкая, устойчивая и интегрированная экономика; подотчетные учреждения, верховенство закона и безопасность; экологическая и климатическая устойчивость; цифровая трансформация; справедливые и инклюзивные общества. Цели направлены на решение новых приоритетов, повышение устойчивости для решения общих проблем, содействие устойчивому развитию и достижение конкретных результатов для граждан» [13]. Принятые цели указывают как на высокую заинтересованность ЕС в расширении и углублении своего влияния в странах программы, так и на явное стремление «вмешаться» в традиционные сферы интересов Российской Федерации в странах, входящих в постсоветское пространство. Кроме того, на официальном ресурсе Европейского Совета указано, что «в рамках глобального реагирования на вспышку коронавируса ЕС мобилизует пакет экстренной поддержки для стран Восточного партнерства на сумму до 1 миллиарда евро; Евросоюз поддерживает страны-партнеры в области общественного здравоохранения, а также в смягчении социально-экономических последствий пандемии» [14], что является уже прямым воздействием на внутреннюю политику государств — участников программы. При этом Черноморский регион, и в частности страны — участницы «Восточного партнерства», рассматриваются Россией в качестве сферы своих геополитических интересов, в том числе — в контексте тесных экономических и культурных связей [12]. Министр Иностранных дел Российской Федерации С. В. Лавров в своей статье отметил, что «Еще до 2014 года тревожным знаком в отношениях Россия — ЕС стал запуск инициативы “Восточное партнерство”, направленной по существу —

как подтвердилось в дальнейшем — на отрыв от России наших ближайших соседей, с которыми нас связывают многовековые узы. Печальные последствия этой эгоистичной политики ощущаются и по сей день» [15].

В июне 2020 г. состоялся очередной саммит «Восточного партнерства», прошедший в формате видеоконференции. В преддверии саммита был опубликован ряд документов, в которых особо выделяется акцент на индивидуальном подходе к каждой из стран — участниц программы, при котором учитываются специфические интересы и степень «прогресса» во взаимодействии. На встрече обсуждались меры, предпринимаемые для борьбы с коронавирусной инфекцией и ее последствиями, а также стратегическое партнерство и его будущее [16]. Участники встречи согласовали Пять целей в качестве приоритетов взаимодействия в рамках программы.

Таким образом, «Восточное партнерство» за более чем десятилетний срок существования, продемонстрировало устойчивый рост интереса Евросоюза к взаимодействию со странами — участницами программы и стремление ЕС укрепиться в статусе надежного политического и экономического партнера для них.

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИНИЦИАТИВЫ В РЕГИОНЕ

Среди европейских инициатив, выходящих за рамки «Черноморской синергии» и «Восточного партнерства», необходимо отметить финансовую поддержку Европейской Комиссией ряда проектов, связанных с морской и прибрежной экологией Черного моря [17]. Еще в 2009 г. был создан Стратегический план действий по охране окружающей среды и реабилитации Черного моря. Одновременно ЕС осуществлял в Черноморском регионе реализацию программы координации действий местных органов

власти с привлечением организаций гражданского общества (Black Sea Basin Joint Operational Programme 2007–2013).

В 2018 г. министрами причерноморских стран была принята Декларация «На пути к общей морской повестке дня для Черного моря», в которой были определены общие для сотрудничества между этими странами и Евросоюзом морские отрасли: судоходство, морской и прибрежный туризм, пассажирские линии, а также научные исследования в морской отрасли [18].

В июне 2019 г. Европейский Совет принял документ под названием «Выводы совета относительно участия ЕС в Черноморском региональном сотрудничестве», в котором декларировалась «давняя приверженность делу обеспечения процветания, стабильности и устойчивости в регионе Черного моря», а также подчеркивалась «возрастающая стратегическая значимость региона для ЕС и необходимость более активного участия ЕС в региональном сотрудничестве на основе инициативы “Черноморская синергия”» и важность использования новых возможностей для экономического развития, устойчивости и взаимодействия в регионе и за его пределами» [19]. В документе также сделан акцент на обеспокоенность Евросоюза проблемами безопасности в регионе Черного моря. В данном контексте особый интерес представляет заявление о том, что «Политика в отношении незаконной аннексии Крыма является фундаментальной для подхода ЕС к региональному сотрудничеству в Черноморском регионе» [19]. Таким образом, политика ЕС на черноморском направлении демонстрирует прямое столкновение с интересами РФ в регионе.

Интерес Евросоюза к Черноморскому региону был обусловлен его важностью в качестве транспортного узла. Как отмечал М. Л. Колесникова, «Политика ЕС

в данной сфере направлена на преобразование комплекса европейских автомобильных и железных дорог, внутренних водных путей, аэропортов, внутренних и морских портов, а также железнодорожных и автомобильных терминалов в единую сеть, охватывающую все государства-члены. Элементом транзитного потенциала Черного моря, обеспечивающим морские грузовые перевозки Евросоюза в регионе, оказывается транспортная инфраструктура Румынии и Болгарии. Усилия Европейского союза на данном направлении нацелены на расширение транспортных возможностей этих стран» [20]. Помимо этого, инфраструктура Черноморья является для Евросоюза ключом к Кавказу и Центральной Азии — регионам — производителям энергоресурсов и связующему звену с Китаем и Юго-Восточной Азией. Перспективными направлениями деятельности ЕС в Черноморском регионе являются развитие прибрежного туризма и промышленного рыболовства.

События 2014 г. и воссоединение Крыма с Россией оказали заметное воздействие на позицию Евросоюза в отношении Черноморского региона. Еще 11 июня 2015 г. Европарламентом была принята резолюция по стратегической военной ситуации в Черноморском регионе в связи с присоединением Крыма к Российской Федерации, резко критикующая внешнеполитическую линию России [21]. В данном документе подчеркивалась необходимость пересмотра внешней политики и политики безопасности стран-членов ЕС в связи с действиями России, а сама Российская Федерация лишалась статуса «стратегического партнера». В резолюции также отмечалось, что присоединение Крыма к России, которое, по мнению Европарламента, носит незаконный характер, внесло глубокие изменения «в стратегическую ситуацию» в бассейне Черного моря и прилегающих

к нему областях. Проект резолюции, принятый еще в мае 2015 г., содержал заявление о необходимости сотрудничества ЕС с США и НАТО в обеспечении безопасности в черноморских областях (общее морское и воздушное превосходство в бассейне Черного моря) [22].

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ПОЛИТИКИ ЕС

Евросоюз, получив с присоединением Болгарии и Румынии выход к Черному морю, стал непосредственным региональным актором Черноморья. Важным фактором является повышающаяся роль Причерноморья и Южного Кавказа как транзитных путей транспортировки энергоресурсов. В связи с этой тенденцией интенсифицировались контакты ЕС с ОЧЭС. Это взаимодействие способно сыграть значительную роль в развитии черноморских экономических проектов, однако, в отношениях наблюдается расхождение по приоритетам сотрудничества и характере взаимоотношений субъектов.

Важным фактором в области транспортировки энергоресурсов для Евросоюза в Черноморском регионе является Южный газовый коридор. Основное внимание в данном контексте уделяется сотрудничеству с Азербайджаном [23]. Еще в 2006 г. был подписан Меморандум об энергетическом партнерстве ЕС и Азербайджана, призванный обеспечить безопасность европейских рынков за счет каспийской нефти. Данный шаг был одним из первых на пути интеграции партнеров ЕС среди восточноевропейских и южно-кавказских стран в европейский рынок энергоресурсов, призванный обеспечить энергетическую безопасность Евросоюза. Заключение подобных соглашений, однако, необходимо дополнять программами более широкого спектра, включающими кооперацию

в социальной и культурной сферах, такими, как программа «Восточное партнерство».

Безопасность в Черноморском регионе, несомненно, также является одной из основных задач для Евросоюза, поскольку его границы вышли уже непосредственно к берегам Черного моря. Однако в настоящее время ЕС все еще не уделяет этой проблеме такого широкого внимания, как вопросам экономики и транзита энергоресурсов. Очевидно, однако, что рост заинтересованности Евросоюза в энергетических проектах и его экономическая и политическая вовлеченность в дела региона будут способствовать увеличению внимания к вопросам безопасности.

В связи с черноморской политикой Европейского союза необходимо отметить и эволюцию Морской стратегии ЕС: в мае 2020 г. была принята новая Стратегия ЕС по сохранению биоразнообразия на 2030 год, направленная на усиление защиты морских экосистем и их восстановление для достижения «хорошего экологического статуса», в том числе посредством расширения охраняемых территорий и создания строго охраняемых территорий для местообитаний и восстановления рыбных запасов. В стратегии подчеркивается необходимость экосистемного подхода к управлению деятельностью человека на море [6]. В рамках новой Стратегии внимание уделяется и Черному морю, которое выделяется в отдельный регион морских интересов Евросоюза наряду со Средиземным морем, Балтийским морем и Северо-Восточной частью Атлантики. В документе указано, что европейские морские регионы и субрегионы выделяются на основе географических и экологических критериев, однако, следует отметить и очевидный геополитический критерий подобной сортировки.

Следует отметить, что и «мягкой силой» в действиях ЕС относительно Черномор-

ского региона уделяется все более широкое внимание: «Европейская Комиссия поддерживает исследования более, чем десяти научно-исследовательских институтов и общественных организаций по созданию единой цифровой карты Черного моря. Осуществляется финансирование различных программ, предусматривающих содействие экономическому и социальному развитию в приграничных областях, решению региональных проблем различных уровней, сотрудничеству локального характера». Запущена специальная программа «Черноморский горизонт», объединяющая ресурсы всех черноморских государств для проектов в области науки, технологии и инноваций [24]. Участие в подобных проектах способствует повышению присутствия Евросоюза в странах региона и способствует сближению с отдельными акторами в вопросах экономического и политического взаимодействия. В рамках «Восточного партнерства» финансируются различные целевые группы, направленные на работу с правозащитниками, малым и средним бизнесом, молодежью, женщинами, уязвимыми слоями населения, введена «практика принятия дорожных карт по взаимодействию ЕС с гражданским обществом каждой из стран — участниц ВП. Это позволило повысить плановость работы по выстраиванию инфраструктуры гуманитарного присутствия ЕС через лояльные НПО, диалоговые площадки и конкретные проекты» [9].

РОЛЬ ОЧЭС

Одной из ключевых сил в Черноморском регионе является Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), объединяющая 12 стран Причерноморья и Южных Балкан. ОЧЭС была создана с целью укрепления взаимодействия стран-участниц, поддержания мира и ста-

бильности и интенсификации процветания региона. Организация объединяет значительное количество государств, не только географически включенных в Черноморский регион, но и экономически заинтересованных в нем. 4 из 12 государств — членов организации являются членами Евросоюза, еще 4 — подписали Соглашение об ассоциации и зоне свободной торговли с ЕС. Европейский союз имеет статус наблюдателя при ООЧЭС с 2007 г. и, очевидно, рассматривает организацию как платформу для осуществления собственной черноморской политики. В данном контексте необходимо отметить, что такие масштабные проекты ОЧЭС как «Дорога моря», строительство кольцевой автодороги вокруг Черного моря, планы по развитию региональной инфраструктуры требуют серьезных финансовых вливаний, в том числе — от внерегиональных акторов, среди которых и Евросоюз. При этом ЕС направляет ассигнования «либо своим членам, либо в те страны, которые стремятся попасть в их ряд» [25]. Очевидно, что Черноморское экономическое сотрудничество осуществляется в условиях ограниченных финансовых возможностей стран-участниц и нуждается в дополнительных вложениях, а инвестиции и стратегическое сотрудничество со стороны Евросоюза способны повысить эффективность организации. При этом данный инструмент может выступать серьезным рычагом воздействия на организацию со стороны ЕС, что потенциально опасно для соблюдения интересов России как в рамках организации, так и в регионе в целом.

Как отмечал российский исследователь А. И. Шумилин, «между Евросоюзом и странами к востоку от него (постсоветские государства) проходит линия, разделяющая пространства ответственности двух военно-политических альянсов — НАТО

и ОДКБ» [26]. Этот водораздел проходит в том числе по Черноморскому региону, который неизбежно становится ареной столкновения интересов Запада и России. Важным аспектом черноморской политики Европейского союза выступает тот факт, что ЕС остается неизменным приверженцем трансатлантической солидарности. При этом интересы США в Черноморском регионе не являются приоритетными для страны. Таким образом, ЕС может проводить в регионе более независимую политику, направленную на соблюдение собственных интересов, в том числе — в сфере безопасности.

Очевидно, что инициативы Европейского союза в отношении Черноморского региона напрямую затрагивают интересы Российской Федерации. Если раньше Россия считалась «стратегическим партнером», то в последние годы наблюдается общее охлаждение отношений и сокращение сотрудничества, и деятельность ЕС уже явно вступает в противоречия с региональными интересами России. Деятельность Евросоюза по консолидации интересов ряда стран региона в контексте доминирования декларируемых европейских ценностей может рассматриваться как направленная против интересов России политика, способная пошатнуть лидирующую позицию РФ в регионе. Отношения с Россией оказывают серьезное влияние как на политику безопасности Евросоюза в целом, так и на политику непосредственно в районе Черного моря, поскольку Российская Федерация является ключевой силой в регионе, и любые шаги в данном направлении должно учитывать как позиции РФ в отношении вопросов, касающихся региона, так и сотрудничество в формате Россия — ЕС. При этом необходимо учитывать тот факт, что Российская Федерация попадает под действие основных документов Евросоюза в сфере

морской политики [27]. Сотрудничество в данной области, очевидно, может открыть новые перспективы для взаимодействия и способствовать снижению уровня конфронтационности в отношениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интенсификация политики Европейского союза на черноморском направлении и развитие ряда программ по сотрудничеству со странами, географически относящимися к региону, обусловлена в первую очередь высокой значимостью Черноморского региона как транспортного и энергетического узла. Именно данный регион является важнейшим звеном в системе обеспечения энергетической безопасности ЕС. Особое значение приобрели вопросы региональной безопасности в контексте выхода границ Евросоюза к Черному морю после присоединения к интеграционному объединению Румынии и Болгарии. Однако в настоящее время политические интересы ЕС в Черноморском регионе если не преобладают над экономическими, то, по крайней мере, уже сопоставимы с ними: наряду с финансовыми проектами, Брюссель последовательно внедряет европейские нормы, стандарты и ценности.

Возрастающий на протяжении нескольких десятилетий интерес Европейского союза к Черноморскому региону коррелирует с общей тенденцией роста внимания ЕС к постсоветскому пространству. Евросоюз проводит последовательную политику по расширению своего влияния в странах региона в частности и в постсоветских государствах в целом посредством инструментов политического, экономического, гуманитарного воздействия. Эта тенденция непосредственно затрагивает приоритетные внешнеполитические интересы Российской Федерации. Так, страны — участницы программы «Восточное партнерство»,

очевидно, уже находятся перед выбором между российскими и европейскими проектами, которые в ряде случаев не коррелируют между собой. В данном контексте осо-

бенно важным представляется сохранение высокого уровня присутствия России в регионе и развития двустороннего сотрудничества с причерноморскими государствами.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гриневецкий С. Р., Жильцов С. С., Зонн И. С. Геополитическое казино Причерноморья. Москва: Восток – Запад; 2009. 352 с.
2. Caucasus/Central Asia. BAKU INITIATIVE / European Commission archive. URL: http://web.archive.org/web/20100807135806/http://ec.europa.eu/transport/international/regional_cooperation/caucasus_central-asia_en.htm (дата обращения: 13.10.2020)
3. Black Sea Synergy / European Union External Action. URL: http://eeas.europa.eu/blacksea/index_en.htm (дата обращения: 24.10.2020)
4. Жильцов С. С. ЕС расширяет Черноморские инициативы. URL: http://www.ng.ru/courier/2011-06-27/9_es.html (дата обращения: 20.10.2020)
5. Black Sea Synergy: review of a regional cooperation initiative / Black Sea Horizon. URL: https://blacksea-horizon.eu/object/document/318/attach/swd_2015_6_en.pdf <https://blacksea-horizon.eu/object/document/318> (дата обращения: 10.10.2020)
6. The Marine Strategy Framework Directive / European Commission. URL: https://ec.europa.eu/environment/marine/eu-coast-and-marine-policy/marine-strategy-framework-directive/index_en.htm (дата обращения: 12.10.2020)
7. Eastern Partnership / European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eastern-partnership/> (дата обращения: 10.10.2020)
8. Борко Ю. А. Восточное партнерство: проект, реальность, будущее. Москва: ИЕ РАН; 2018. 70 с.
9. Сутырин В. В. Трансформация Восточного партнерства ЕС после 2014 года. *Современная Европа*. 2020;2:111-122.
10. Шишелина Л. Н. Программа Восточное партнерство накануне десятилетия. *Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН*. 2018;6:26-35.
11. Айвазян А. С. Новое измерение Европейской политики соседства (на примере соглашения о всеобъемлющем и расширенном партнерстве ЕС и Армении). *Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН*. 2018;1:124-128.
12. Шишелина Л. Н. Программа Восточного партнерства — задачи нового десятилетия. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2020;2:22-28.
13. The Eastern Partnership beyond 2020: Reinforcing Resilience – an Eastern Partnership that delivers for all / European Council. URL: https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/eap_joint_communication_factsheet_18.03.en.pdf (дата обращения: 12.10.2020)
14. Eastern Partnership policy beyond 202 / European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eastern-partnership/eastern-partnership-policy-beyond-2020/> (дата обращения: 10.10.2020)
15. Сергей Лавров об итогах 30-летних отношений между Россией и Евросоюзом. URL: <https://rg.ru/2019/12/18/sergej-lavrov-ob-itogah-30-letnih-otnoshenij-mezhdu-rossiej-i-evrosoiuzom.html> (дата обращения: 10.10.2020)
16. Встреча лидеров стран Восточного партнерства прошла 18 июня 2020 года в формате видеоконференции / Европейская служба внешних связей. URL: https://eeas.europa.eu/ru/eu-information-russian/81223/встреча-лидеров-стран-восточного-партнерства-прошла-18-июня-2020-года-в-формате_ru (дата обращения: 12.10.2020)

17. The Black Sea/The Bucharest Convention on the Protection of the Black Sea against Pollution adopted in 1992 / European Commission. URL: http://ec.europa.eu/environment/marine/international-cooperation/regional-sea-conventions/bucharest/index_en.htm (дата обращения: 24.10.2020)
18. Ministerial Declaration towards a Common Maritime Agenda for the Black Sea / European Union. URL: https://ec.europa.eu/maritimeaffairs/maritimeday/system/files_en?file=2020-07/european-maritime-day-ministerial-declaration-2018_en.pdf (дата обращения: 10.10.2020)
19. Council Conclusions on the EU's engagement to the Black Sea regional cooperation / European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39779/st10219-en19.pdf> (дата обращения: 13.10.2020)
20. Колесникова М. Л. Приоритеты морской деятельности ЕС в Черноморском регионе. Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность. Москва: Институт Европы РАН; 2019. 116 с.
21. Russia is no longer a strategic partner of the EU, say MEPs / European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=IM-PRESS&reference=20150604I> (дата обращения: 22.10.2020)
22. Russia has transformed Black Sea military landscape, say foreign affairs MEPs / European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=IM-PRESS&reference=20150504IPR49639&language=EN> (дата обращения: 22.10.2020)
23. Айвазян Д. С. Южный газовый коридор как инструмент диверсификации импорта газа в Европейский союз. *Научно-аналитический Вестник ИЕ РАН*. 2018;2:128-134.
24. Sea basin strategy: Black Sea / European Commission. URL: http://ec.europa.eu/maritimeaffairs/policy/sea_basins/black_sea/index_en.htm (дата обращения: 24.10.2020)
25. Шпаковская М. А., Селиванова И.Ф. Особенности участия России в ОЧЭС. В: *Большое Причерноморье: политика, экономика, безопасность*. Москва: Институт Европы РАН; 2019. 116 с.
26. Шумилин А. И. Европейская политика соседства: время потрясений. *Научно-аналитический вестник ИЕ РАН*. 2020;4:86-93.
27. Колесникова М. Л. Развитие «синей экономики» в России и Азово-Черноморском регионе. *Экология. Экономика. Информатика. Серия: Геоинформационные технологии и космический мониторинг*. 2020;5:141-146.

REFERENCES:

1. Grinevetsky S. R., Zhiltsov S. S., Zonn I. S. Geopolitical Casino of the Black Sea Region. Moscow: East–West; 2009. 352 p. (In Russ.).
2. Caucasus/Central Asia. BAKU INITIATIVE / European Commission archive. URL: http://web.archive.org/web/20100807135806/http://ec.europa.eu/transport/international/regional_cooperation/caucasus_central-asia_en.htm [Accessed: 13.10.2020]
3. Black Sea Synergy / European Union External Action. URL: http://ceas.europa.eu/blacksea/index_en.htm (дата обращения: 24.10.2020)
4. Zhiltsov S. S. The EU is expanding black Sea initiatives. URL: http://www.ng.ru/courier/2011-06-27/9_es.html [Accessed: 20.10.2020]
5. Black Sea Synergy: review of a regional cooperation initiative / Black Sea Horizon. URL: https://blacksea-horizon.eu/object/document/318/attach/swd_2015_6_en.pdf <https://blacksea-horizon.eu/object/document/318> [Accessed: 10.10.2020]
6. The Marine Strategy Framework Directive / European Commission. URL: <https://ec.europa.eu>

- ec.europa.eu/environment/marine/eu-coast-and-marine-policy/marine-strategy-framework-directive/index_en.htm [Accessed: 12.10.2020]
7. Eastern Partnership / European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eastern-partnership/> [Accessed: 10.12.2020]
 8. Borko Yu. A. Eastern partnership: project, reality, future. Moscow: IE RAS; 2018. 70 p. (In Russ.).
 9. Sutyryn V. V. Transformation of the EU's Eastern partnership after 2014. *Contemporary Europe*. 2020;2:111-122. (In Russ.).
 10. Shishelina L. N. Eastern partnership program on the eve of the decade. *Scientific and analytical Bulletin of IE RAS*. 2018;6:26-35. (In Russ.).
 11. Ayvazyan A.S. A new dimension of the European neighborhood policy (on the example of the EU — Armenia comprehensive and enhanced partnership agreement. *Scientific and analytical Bulletin of IE RAS*. 2018;1:124-128. (In Russ.)
 12. Shishelina L. N. The Eastern partnership program — challenges of the new decade. *Scientific and analytical Bulletin of IE RAS*. 2020;2:22-28. (In Russ.)
 13. The Eastern Partnership beyond 2020: Reinforcing Resilience — an Eastern Partnership that delivers for all / European Council. URL: https://ec.europa.eu/sites/ecas/files/eap_joint_communication_factsheet_18.03.en_.pdf [Accessed: 12.10.2020]
 14. Eastern Partnership policy beyond 202 / European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eastern-partnership/eastern-partnership-policy-beyond-2020/> [Accessed: 10.10.2020]
 15. Sergey Lavrov on the results of 30-year relations between Russia and the European Union. Russian newspaper. URL: <https://rg.ru/2019/12/18/sergej-lavrov-ob-itogah-30-let-nih-otnoshenij-mezhdu-rossiej-i-evrosoiuzom.html> [Accessed: 10.10.2020] (In Russ.)
 16. The meeting of the leaders of the Eastern partnership countries was held on June 18, 2020 in the format of a video conference / European external action service. URL: <https://ec.europa.eu/ru/eu-information-russian/81223/встреча-лидеров-стран-восточного-партнерства-прошла-18-июня-2020-года-в-формате-ru> [Accessed: 12.10.2020]
 17. The Black Sea/The Bucharest Convention on the Protection of the Black Sea against Pollution adopted in 1992 / European Commission. URL: http://ec.europa.eu/environment/marine/international-cooperation/regional-sea-conventions/bucharest/index_en.htm [Accessed: 24.10.2020]
 18. Ministerial Declaration towards a Common Maritime Agenda for the Black Sea / European Union. URL: https://ec.europa.eu/maritimeaffairs/maritimeday/system/files/en?file=2020-07/european-maritime-day-ministerial-declaration-2018_en.pdf [Accessed: 10.10.2020]
 19. Council Conclusions on the EU's engagement to the Black Sea regional cooperation / European Council. URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/39779/st10219-en19.pdf> [Accessed: 13.10.2020]
 20. Kolesnikova M. L. Priorities for EU Maritime activities in the black sea region. Greater black sea region: politics, economy, security. Moscow: Institute of Europe RAS; 2019. 116 p. (In Russ.).
 21. Russia is no longer a strategic partner of the EU, say MEPs / European Parliament. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=IM-PRESS&reference=20150604IPR62878&language=EN> [Accessed: 22.10.2020]
 22. Russia has transformed Black Sea military landscape, say foreign affairs MEPs / European Parliament. URL <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=IM-PRESS&reference=20150504IPR49639&language=EN> [Accessed: 22.10.2020]
 23. Ayvazyan D. S. Priorities for EU Maritime activities in the black sea region. Greater black sea region: politics, economy, security. Collect-

- ed papers. The southern gas corridor as a tool for diversifying gas imports to the European Union. *Scientific and analytical Bulletin of IE RAS*. 2018;2:128-134. (In Russ.).
24. Sea basin strategy: Black Sea / European Commission. URL: http://ec.europa.eu/maritimeaffairs/policy/sea_basins/black_sea/index_en.htm [accessed: 24.10.2020]
25. Shpakovskaya M. A., Selivanova I. F. Features of Russia's participation in the BSEC. In: Greater black sea region: politics, economy, security. Moscow: Institute of Europe RAS; 2019. 116 с. (In Russ.).
26. Shumilin A. I. European neighborhood policy: a time of upheaval. *Scientific and analytical Bulletin of IE RAS*. 2020;4:86-93. (In Russ.).
27. Kolesnikova M. L Development of the "blue economy" in Russia and the Azov-black sea region. *Ecology. Economy. Computer science. Series: Geoinformation technologies and space monitoring*. 2020;5:141-146. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Светлана М. Гаврилова, кандидат исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка 53/2, стр. 1; smgavrilova@gmail.com

Svetlana M. Gavrilova, PhD in Historical Sciences, Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow, Russia; 53/2, b. 1 Ostozhenka str., Moscow, 119021, Russia; smgavrilova@gmail.com



Стратегические документы арктических государств

Игорь С. Дорошенко

*Представительство Министерства иностранных дел России в Санкт-Петербурге,
191187, Россия, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, д. 34;
is.doroshenko@gmail.com*

Аннотация: В статье представлен анализ актуальных стратегических документов 8 стран, которые являются постоянными членами Арктического Совета (Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия, Исландия, Канада, США, Россия). Учитывая современные тенденции в динамичном освоении арктического региона, данный анализ представляет возможность определить основные приоритеты арктических государств, найти общие цели и особенности их подходов в этом процессе. Главная роль Арктического Совета в международном сотрудничестве, устойчивое развитие региона и обеспечение безопасности — это три потенциально консолидирующих компонента восьмерки. В этой связи необходимы совместные усилия арктических государств для выработки общих принципов процветания региона, в первую очередь безопасности.

Ключевые слова: Арктическая политика; арктическая стратегия; международное сотрудничество; вопросы безопасности; устойчивое развитие; Арктический Совет

Для цитирования: Дорошенко И. С. Стратегические документы арктических государств. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(4):429-444. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-429-444>

Статья поступила 27.10.2020

Принята в печать 15.11.2020

Опубликована 01.12.2020

The Strategic documents of the Arctic states

Igor S. Doroshenko

*The Representative of the Foreign Ministry of the Russian Federation in Saint-Petersburg,
bld. 34, Kutuzova emb., Saint-Petersburg, 191187, Russia;
is.doroshenko@gmail.com*

Abstract: The article presents an analysis of the current strategic documents of eight countries, permanent members of the Arctic Council (Norway, Sweden, Denmark, Finland, Iceland, Canada, USA, Russia). Considering the trends in the development of the Arctic region, the analysis provides an opportunity to determine the main priorities of the Arctic states, to find common

goals and features of their approaches in this process. There are three potentially consolidating components of the eight states: the main role of the Arctic Council in international cooperation, sustainable development of the region and ensuring security. In this regard, Arctic states need to develop common principles for the prosperity of the region, primarily security.

Keywords: Arctic policy; arctic strategy; the international cooperation; security questions; sustainable development; Arctic Council

For citation: Doroshenko I.S. Strategic documents of the Arctic states. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):429-444. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-429-444>

Received 27.10.2020

Revised 15.11.2020

Published 01.12.2020

ВВЕДЕНИЕ

За последние два десятилетия Арктика превратилась в регион, привлекающий огромное внимание международного сообщества. Основная причина — происходящие здесь существенные климатические изменения, а также продолжение роста мирового спроса на нефть и газ.

Начиная с 2006 года идет нормативное оформление арктической деятельности циркумполярных стран. Первой страной, которая приняла свою арктическую стратегию стала Норвегия, представившая долгосрочную стратегию в Арктике в 2006 году [1], а затем обновившая свои арктические приоритеты в 2009 [2] и 2017 [3] годах. Актуальной является «Арктическая стратегия Норвегии — между геополитикой и социальным развитием». Второй страной стала Дания, которая в 2011 году приняла свою арктическую стратегию — «Стратегия Королевства Дания в отношении Арктики на 2011–2020 гг.» [4]. Свою арктическую стратегию представила Швеция — «Стратегия Швеции в арктическом регионе» [5]. Финляндия опубликовала сначала в 2013 году документ под названием «Стратегия Финляндии для арктического региона 2013» [6], а затем в 2017 году

Стратегия была обновлена — «План действий для обновленной арктической стратегии» [7]. В 2009 году Канада разработала основные принципы освоения региона и решила [8] их обновить через 10 лет [9].

Россия разработала в 2013 году Стратегию развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [10] и своевременно её обновила до 2035 года [11]. В том же году США опубликовали Национальную стратегию для арктического региона [12]. В 2019 году появилось обновление стратегии в данном регионе [13], которая касалась только вопросов обеспечения безопасности.

СТРАТЕГИЯ НОРВЕГИИ В АРКТИКЕ

Норвегия стала первым из арктических государств, разработавшим долгосрочную стратегию арктической политики, приняв соответствующие документы в 2006 и 2009 годах.

Актуальные стратегические цели и задачи Норвегии отражены в «Арктической стратегии Норвегии — между геополитикой и социальным развитием» [14], опубликованной в 2017 году. Арктика рассматри-

ваются как регион мира, инновационного развития и стабильности. В качестве базового подхода к реализации арктической стратегии Норвегия определяет так называемый «интегративный подход», согласно которому внимание уделяется в равной степени трем основным сферам: социальной, экономической и природоохранной.

В качестве ключевых целей стратегии 2017 года определены следующие:

- мир, стабильность и предсказуемость,
- интегрированный, экоориентированный подход к управлению,
- международное сотрудничество и международный легальный порядок,
- надежная социальная база для создания новых рабочих мест, создания общих ценностей и благополучия жителей региона.

Данная группа целей находится в непосредственной корреляции с целями устойчивого развития ООН, что подчеркивается в тексте Стратегии. Соответственно, она отражает три измерения устойчивого развития: экономическое, социальное и экономическое.

В норвежской стратегии ярко проявляется противоречие между экономическими интересами государства и защитой окружающей среды. Это становится особенно важной «имиджевой проблемой» Норвегии, которая позиционирует себя в качестве лидера по части экологической безопасности, в то же время опирается на зависимую от углеводородов экономику [15].

Норвегия отмечает приоритет принципов международного права, Арктика определяется как регион мира, стабильности и предсказуемого развития. В качестве приоритетных сфер международного трансграничного взаимодействия упоминаются такие сферы как: изменение климата, охрана окружающей среды, управление ресурсами, здравоохранение и морская безопасность.

Первостепенное значение Норвегия уделяет работе в различных региональных форумах: Арктическом Совете, Совете Баренцева/Евроарктического региона, программам «Северное измерение» и «Коларктик», Северном Совете. Особо подчеркивается роль неправительственных организаций в регионе.

Отдельное внимание уделено деятельности НАТО в регионе. Через участие в этой организации Норвегия реализует свою политику безопасности в Арктике. Упоминается роль России и ее активизация в военной сфере в Арктике в последние годы, но при этом указывается, что военная активность России не направлена на Северную Европу. Тем не менее, Норвегия намерена создать баланс в сфере безопасности в Арктике.

Хотя Европейскому Союзу в документе уделён всего один абзац, в нём отмечено, что Норвегия поддерживает заявку ЕС на статус наблюдателя при Арктическом Совете [16]. Отмечаются достижения ЕС в области трансграничного сотрудничества и важность этого опыта для стран Арктики.

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ДАНИИ

Дания обнародовала свою арктическую стратегию в 2011 году — «Стратегию Королевства Дания в отношении Арктики на 2011–2020 гг.» [17]. В документе определены национальные интересы в регионе, а также цели и задачи арктической политики страны. Для Дании принятие этого стратегического документа стало важным событием, так как к моменту публикации стратегии Дания уже отстала от других региональных государств [18]. После принятия в 2009 году закона о самоуправлении Гренландия начала активно использовать предоставленные ей полномочия и самостоятельное принятие внешнеполитических решений позволило автономии проявить себя в качестве «главного

двигателя» в арктических делах: «по мере того, как ключевые стратегии добычи ресурсов сейчас формируются гренландским правительством, именно Нуук постепенно становится центром формирования арктической политики Королевства» [19].

В качестве механизма реализации Стратегии 2011 года предусматривалось функционирование трехстороннего руководящего комитета, включающего в себя представителей Дании, Гренландии и Фарерских островов. «Одна из задач документа состояла в том, чтобы зафиксировать общие цели и обеспечить скоординированность действий всех трех субъектов Королевства» [20]. В предисловии к Стратегии определяется общность ценностей, интересов и ответственности [21] трех участников датской арктической политики — Дании, Гренландии и Фарерских островов — четырех частей Королевства Дании. В то время как именно Гренландия обеспечивает Королевству статус прибрежного арктического государства, включение Фарерских островов было необходимо, чтобы показать участие всего Королевства в целом в арктических делах. Роль Гренландии сложно переоценить, так как именно она выступает главным объектом датской арктической стратегии.

Финский исследователь Л. Хейнинен выделял две главные цели создания данной Стратегии. Во-первых, это «усиление новой позиции Гренландии в качестве самоуправляющейся территории, а также переопределение новой позиции Королевства в Арктике как “глобального игрока”; а с другой стороны, реакция и ответ на современные природные, геоэкономические и геополитические изменения, равно как и на растущий глобальный интерес к региону» [22].

В качестве цели представленной стратегии определено развитие стратегических приоритетов Королевства Дании в Арктике

до 2020 года, а также усиление роли Дании как «глобального игрока» в Арктике.

Особое внимание в тексте Стратегии уделяется роли «арктической пятерки» («А5»), куда входят Канада, Дания, Норвегия, Россия и США. Стратегия рассматривается в качестве основы современного арктического международного сотрудничества.

Дания — одна из сторонниц консолидированной политики Европейского Союза в Арктике, и активно поддерживает ЕС по вопросу получения статуса постоянного наблюдателя при Арктическом Совете. В то же время в своей арктической политике Дания выступает за расширение функций Арктического Совета и превращение его в полномасштабную международную организацию, решающую весь спектр вопросов, связанных с Арктикой. Таким образом, Дания выступает за формат «сильный Арктический Совет + ЕС», рассматривая это как основу системы принятия ключевых решений по Арктике.

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ШВЕЦИИ

Швеция обнародовала свою арктическую стратегию в ноябре 2020 года. Основные принципы остались прежними, которые были прописаны в тексте Стратегии 2011 года [23]:

- обеспечение мира и безопасности в Арктике (Арктика находится в стадии напряженности в связи с существующими территориальными притязаниями среди арктических стран, и подобная напряженность препятствует устойчивому развитию региона; Швеция считает важным придерживаться подходов, основанных на безопасности региона в ее самом широком смысле, а также использовать невоенные методы для решения возникающих конфликтных ситуаций),
- укрепление роли Арктического Совета (АС) как ключевого органа решения во-

- просов в Арктическом регионе,
- содействие разработке арктической политики Европейского Союза и подключению ЕС к арктическим делам в качестве партнера по сотрудничеству,
 - усиление взаимодействия между АС, Советом Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), а также программами и фондами ЕС;
 - повышение внимания Совета министров северных стран (СМСС) к арктическим проектам, дополняющим деятельность, АС;
 - осуществление проектов сотрудничества в Арктике в соответствии с нормами международного права, включая Конвенцию ООН по морскому праву и другие международные соглашения.

Швеция активно отстаивает свою позицию в регионе и четко определяет статус государства как арктического. Несмотря на произведенную диверсификацию деятельности в регионе, в стратегии не прослеживается освещение конкретных программ, нет определенности во временных установках. Если предыдущая стратегия действовала с 2011 по 2020 год, то в последнем документе нет никаких упоминаний о временных отрезках действия.

Приоритетными направлениями для Швеции в Арктике, остаются климат, экологическая обстановка, развитие экономического и человеческого потенциалов Арктики [24].

В арктической стратегии Швеции акцент делается на строгом соблюдении норм международного права как базового элемента международного сотрудничества в Арктике. Важность соблюдения международного права выдвигается на передний план в связи с желанием шведской стороны не быть оттесненной от равного и широкого собственного участия в арктической политике. В связи с этим Швеция уделяет много внимания соблюдению всех основных

международных соглашений, относящихся к Арктике. Кроме того, в одной из частей Стратегии отмечается, что для Швеции видится наиболее приоритетным многосторонний диалог в рамках таких международных организаций как: ООН, Арктический Совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР). Важной составляющей в международном сотрудничестве в регионе является участие в освоении Европейского союза.

Согласно тексту стратегии, Швеция хочет действовать в интересах устойчивого экономического развития в Арктике на основе Повестки дня на период до 2030 года и принимая особые учет его уязвимой среды [25]. Это в очередной раз подтверждает приверженность североευропейского сообщества к заданному курсу устойчивого развития региона.

Швеция намерена работать над постоянным доступом к актуальным форматам сотрудничества по вопросам региональной безопасности. Швеция уделяет внимание трансграничному сотрудничеству в сфере гражданского кризисного управления и спасательных служб в Арктике через Форум арктической береговой охраны (АСГФ). Это первое упоминание данного института в национальных стратегиях, что говорит о важности вопросов невоенной безопасности в регионе.

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ФИНЛЯНДИИ

В 2016 году Правительство Финляндии выпустило обновление к арктической стратегии. Внесенные в документ коррективы отразили изменения, произошедшие на политической арене в регионе и мире. Большое влияние на внесенные изменения оказал также доклад 2015 года «Рост с Севера» [26], в котором такие страны как Норвегия, Швеция и Финляндия определяются как «скандинавская Арктика»,

роль которых рассматривается как ключевая в устойчивом развитии всей Арктики. Второй документ, опубликованный также в 2015 году — «Стратегическое видение для Севера» [27], посвящен финским перспективам экономического развития Арктики. Особое внимание уделяется сотрудничеству северных стран в области энергетики.

Прежде всего, в Стратегии 2016 года говорится о возрастающем значении арктического региона в мировой политике. В этой связи отмечается необходимость мирного разрешения существующих территориальных конфликтов, и путь переговоров определяется как один из основных механизмов их урегулирования. Кроме того, в документе подчеркивается важность улучшения благосостояния жителей региона в рамках устойчивого развития.

По сравнению со стратегией 2013 года, в Стратегии 2016 года гораздо больший акцент делается на обеспечение безопасности региона.

Особое внимание в Стратегии уделено подготовке Финляндии к предстоящему в тот период ее председательству в Арктическом совете, Совете Баренцева/Евроарктического региона и Арктическом экономическом совете. В качестве основных приоритетов были определены защита окружающей среды и обеспечение устойчивого развития Арктики.

В 2017 году также был принят план действий по обновлению финской арктической стратегии. Согласно плану, в целом приоритеты государства в регионе остаются неизменными:

- обеспечение лидирующей позиции Финляндии в регионе;
- обмен знаниями и опытом проживания и ведения хозяйства в регионе;
- налаживание двустороннего и многостороннего сотрудничества с арктическими

партнерами;

- развитие инфраструктуры региона;
- обеспечение устойчивого развития Арктики.

Основное отличие состоит в том, что последней версии текста Стратегии были конкретизированы цели и задачи Финляндии в арктическом регионе, а также методы их достижения. Для большей части целей и задач были установлены конкретные сроки выполнения.

К целям и задачам, в частности, добавились:

- внедрение Парижского соглашения о противодействии изменению климата,
- сотрудничество в области обучения арктических спасателей,
- установка спутниковой станции в Соданкюля,
- налаживание системы спутниковой навигации,
- обновление геоданных о регионе и внесение их в общие базы.

Кроме того, Финляндия подняла вопрос в своей Стратегии о необходимости проведения грамотных маркетинговых кампаний для увеличения популярности Арктики, привлечения инвестиций в регион и активизации туристических потоков в северные регионы.

Внешнеполитические приоритеты Финляндии в Арктике касались международных институтов. Отдельного упоминания были удостоены Арктический совет и Совет Баренцева/Евроарктического региона, а также отмечена важность двустороннего сотрудничества арктических стран. В отношении роли ЕС в Арктике, позиция Финляндии сводится к тому, что ЕС должен стать ключевым актором региона, а арктическое направление политики Европейского Союза должно стать одним из приоритетных.

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ИСЛАНДИИ

Несмотря на то, что Исландия определяет себя как арктическое государство, она, по сути, не имеет документированной арктической стратегии. Однако интересы Исландии в Арктике, основные цели и задачи в регионе были обозначены в представленной в 2011 году Парламентской Резолюции об арктической политике Исландии [28].

Согласно документу, цель арктической политики Исландии состоит в обеспечении исландских интересов в отношении последствий изменения климата, экологических проблем, природных ресурсов, арктической навигации и социального развития, а также укрепления отношений и сотрудничества с другими государствами региона и заинтересованными сторонами по вопросам, стоящим перед современной Арктикой. Для Исландии Арктика является регионом больших стратегических возможностей, использование которых могло бы поддерживать исландскую экономику.

Исландия уделяет особое внимание позиционированию себя в Арктическом совете и пытается максимально укрепить роль организации в развитии региона [29]: Исландия входит в Арктический Совет, Совет Баренцева/Евроарктического региона, программу «Северное измерение», Северный Совет.

Общим лозунгом для циркумполярных стран Северной Европы, на ряду защиты экологии, научного сотрудничества и сохранения культуры коренных народов Севера, является приверженность к принципам устойчивого развития.

Таким образом, проанализировав арктические стратегии «североевропейской пятетки», можно прийти к следующим выводам: арктические стратегии североевропейских арктических стран имеют много общих аспектов. Среди них, в частности, отведение значительной роли сохра-

нению уникальной арктической природы и устойчивому развитию Арктики, а также необходимости развития двустороннего и многостороннего сотрудничества в данном регионе. Схожи позиции стран и в отношении роли ЕС в регионе: все страны отмечают важность арктической стратегии ЕС и повышения активности Евросоюза в арктических делах. Наиболее активно стремятся к привлечению Европейского Союза к участию в арктических делах приарктические страны — Швеция, Финляндия и Исландия. Таким путем эти страны нацелены повысить собственную роль среди арктических государств.

В каждой из стратегий существуют отличные черты, которые отражают национальные интересы. Однако данные стратегии объединяет то, что каждая страна понимает необходимость коллективного решения проблем, присутствующих в современной Арктике и уделяют большое внимание многостороннему взаимодействию по данным вопросам, в том числе в форматах Арктического совета и Совета Баренцева/Евроарктического региона.

АРКТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ США

В 2013 году Администрация Обамы опубликовала Национальную стратегию для Арктического региона [30]. В документе особое внимание уделено трем направлениям: продвижение интересов безопасности США, обеспечение ответственного управления арктическим регионом и укрепление международного сотрудничества. Однако арктический регион с тех пор не стал приоритетным направлением внешней политики США. Только в 2019 году Белый дом активизировался на северном полушарии, в первую очередь в вопросах обеспечения безопасности.

Так, стратегия Министерства обороны в Арктике на 2019 год обновило

предыдущую стратегию Министерства обороны в Арктике на 2016 год [31]. Стратегия разработана в соответствии с требованиями раздела 1071 Положения о национальной обороне Джона С. Маккейна. В частности, в документе излагается стратегический подход Министерства обороны США к защите национальных интересов безопасности в Арктике в эпоху стратегической конкуренции. Согласно поставленной цели, предусмотрено объединение сил для поддержания своих конкурентных военных преимуществ в Индо-Тихоокеанском регионе и в Европе и поддержание надежного сдерживающего фактора для арктического региона. Стратегия включает три задачи: повышение осведомленности об Арктике, расширение арктических операций и укрепление правового порядка в Арктике.

Поскольку данная стратегия является единственным актуальным документом, в котором объясняется позиция США по разным вопросам, он взят за основу анализа американского видения арктического взаимодействия стран-интересантов.

В документе говорится о восьми государствах с суверенной территорией в Арктике, включая нескольких союзников и партнеров США. Соединенные Штаты не признают никаких других претензий на статус Арктики со стороны любого государства, кроме этих восьми стран. Соединенные Штаты поддерживают прочные оборонные отношения с шестью из семи других арктических стран. Четыре являются союзниками по НАТО, а также партнерами НАТО по расширенным возможностям (Финляндия и Швеция).

Министерство обороны отмечает, что ближайшая перспектива конфликта в Арктике низкая. Однако последние тенденции могут отрицательно повлиять на интересы национальной безопасности США, способство-

вать нестабильность и, в конечном итоге, ухудшит безопасность в регионе. К ключевым факторам относятся следующие:

Климатические изменения. В первую очередь это сокращение площади ледового покрова, связанное с глобальным потеплением.

Правовой статус морских транспортных путей. Речь идет в первую очередь о правовом статусе Северного морского пути и Северо-Западного прохода. В Стратегии указано, что Российская Федерация требует от иностранных судов получения разрешения на проход по СМП, а также проходу с обязательной проводкой российских ледоколов. В этой связи США обвиняют Россию в неоднократном применении угрозы силой к судам, не соблюдающим указанные правила. В вопросе о статусе СЗП США не соглашаются с позицией Канады о принадлежности прохода к внутренним водам Канады.

Усиление военного присутствия. Документ содержит перечисление существующих объектов военной инфраструктуры Российской Федерации в Арктике, включая военные базы вдоль арктического побережья РФ. Подчеркивается, что в отличие от России, Китай имеет ограниченные возможности для военного присутствия в Арктике. Они сводятся к нахождению ледокольного флота государства в северных водах, а также к гражданским исследованиям в мирных целях. Последние, как считают в США, способны укрепить военное присутствие Китая в регионе в будущем. Отмечается, что Китай стремится расширить свое присутствие в Арктике через экономические механизмы сотрудничества, в частности через инвестирование в экономику арктических государств, например России (Ямал СПГ).

АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАНАДЫ

Политика Канады включает как внешнюю политику в отношении Арктического реги-

она, так и внутреннюю политику страны в отношении своих арктических территорий, что подразумевает передачу полномочий регионам. Они включает в себя осуществление суверенитета, социальное и экономическое развитие и защиту окружающей среды.

Наряду со своим материком в верхних районах Северной Америки Канада претендует на суверенитет над соответствующим континентальным шельфом и Арктическим архипелагом. Они считают, что воды между островами архипелага являются канадскими внутренними водами, что идет вразрез американским интересам.

В 2019 году вслед за американской стратегией, правительство Канады публикует рамки долгосрочного стратегического видения деятельности в арктическом регионе [32]. Этот документ, который представляет собой первую фазу продолжающегося процесса, заменит Северную стратегию 2009 года премьер-министра консерваторов Стивена Харпера и Заявление правительства Харпера 2010 года о внешней политике Канады в Арктике. Он должен служить руководством для федеральной политики в Арктике до 2030 года, но в нем нет плана реализации или мер управления, которые могли бы определять будущее сотрудничество. Эти вопросы должны быть рассмотрены на втором этапе, как говорится в заявлении. Несмотря на это, в предисловии Кэролайн Беннет, министр по делам коренных народов и по делам Севера, говорит, что политический документ представляет собой «глубокое изменение курса правительства Канады». Публикация политики также происходит намного позже, чем ожидалось. Несмотря на громкое заявление, сам документ был мало освещен как в местных, так и в международных СМИ.

В 20 декабря 2016 года премьер-министр Джастин Трюдо объявил о намерении сво-

его правительства создать новую политику и пообещал, что она будет «совместно разработана» [33] с северными правительствами и организациями коренных народов.

Данное обещание было действительно выполнено, над документом работало около 25 групп представителей региональных властей, что и затормозило разработку документа, поскольку предлагаемые инициативы не отвечали федеральным интересам в регионе.

В конечном итоге в основе либеральной политики восемь «приоритетов» с сопутствующими целями и 10 «принципов». Они охватывают широкий спектр областей политики, включая местное и региональное экономическое развитие, инфраструктуру, права коренных народов, защиту окружающей среды, национальную оборону и внешнюю политику. Среди них 8 приоритетов:

- Сильная, устойчивая, диверсифицированная и инклюзивная местная и региональная экономика.
- Здоровье северных коренных народов
- Безопасность канадской Арктики и ее жителей.
- Улучшенная инфраструктура, уменьшающая разрыв с другими регионами Канады.
- Международный порядок в Арктике, который будет эффективно реагировать на новые вызовы и возможности.
- Приобретение знаний и понимания для принятия решений.
- Сохранение экосистемы канадской Арктики и севера здоровы и устойчивы.
- Укрепление взаимоуважительных отношений между коренными и некоренными народами.

Исходя из рассмотренных целей, следует отметить, что Канада акцентирует свое внимание на внутренних вопросах, стараясь обойти острые углы международного диалога.

АРКТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ

6 марта 2020 года президент России Владимир Путин утвердил «Основные принципы государственной политики Российской Федерации в Арктике до 2035 года». В новом документе определены интересы, цели и механизмы реализации России в Арктике на ближайшие 15 лет. Документ был опубликован в то время, когда напряженность в отношениях между Россией и ее арктическими соседями нарастает, незадолго до того, как Россия будет председательствовать в Арктическом совете в 2021 году.

Один из способов понять какие новые элементы вводятся в политический документ и что они означают для будущего арктического сотрудничества — это сравнение его с последним стратегическим документом России, касающимся полярного региона: «Основные принципы до 2020 года», принятым в 2008 году.

Общим стратегический элемент выступает Северный морской путь (СМП). СМП — главная транспортная артерия Северного Ледовитого океана, которая находится под полным суверенитетом России. Любая стратегическая жизнеспособность СМП зависит от двух основных факторов. Во-первых, природные ресурсы станут движущей силой экономического роста государства на десятилетия вперед. Во-вторых, он дает стратегическое преимущество в зарождающемся партнерстве России и Китая.

26 октября 2020 года была утверждена Стратегия развития Арктической зоны РФ до 2035 года. Документ можно охарактеризовать как полномасштабный разбор деятельности в регионе. Обозначены важные направления, такие как развитие науки и решение социальных проблем, строительство инфраструктуры и обеспечение безопасности. Прописаны задачи для субъектов РФ,

которые входят в арктическую зону, а также обозначены этапы «пятилетки» по реализации стратегии.

В отличие от документа 2008 года, обозначен уклон в развитие социально-экономической сферы. Так, в стратегии говорится о модернизации первого звена здравоохранения, цифровизация медицинских услуг, повышение доступности качественного общего образования, поддержка программ развития федеральных университетов и образовательных организаций, обеспечение сохранения и популяризации культурного наследия, формирование в населенных пунктах современной городской среды, разработка системы социальных выплат и поддержка бизнеса в регионе.

Что касается международных отношений, кардинальных изменений нет. В документе говорится о многовекторности внешнеполитической деятельности, обеспечении взаимовыгодного сотрудничества на основе международных соглашений. Приоритетной площадкой для регионального сотрудничества вновь признается Арктический Совет, сотрудничество в рамках которого нацелено в том числе на устойчивое развитие Арктики.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализируя вышеперечисленные стратегические документы, можно сделать вывод, что Россия и страны Северной Европы проделали большую работу в освоении региона за последние 15 лет. Приверженность европейцев к принципам устойчивого развития сталкивается с главной проблемой — безопасность в регионе. Растущий геополитический интерес Арктики со стороны России, Китая и США привносят свои коррективы в вопросы ее обеспечения. Именно поэтому, такие государства как Канада (публикация «рамки политики»), освещающих в основном задачи внутреннего регулиро-

вания), Дания (срок арктической стратегии подошел к концу в 2020 году, задержка публикации новой стратегии обосновывается правительством пандемией), Норвегия и Финляндия (последние обновления стратегии произошли в 2017 году, несмотря на то, что актуализация стратегии происходила каждые 3 года) заняли выжидательную позицию. Швеция, как говорилось ранее, в недавно опубликованной стратегии, не привнесла конкретики относительно вопросов обеспечения безопасности, тем не менее обозначила важность вопросов невоенной безопасности через такой инструмент как ACGF. Последние заявления американских политиков говорят о том, что США встраиваются в «гонку за регион» и, к сожалению, речь идет о наращивании военного присутствия.

В этой связи, для предотвращения дестабилизирующих действий в регионе, видится перспективным разработка международного соглашения о приверженности устойчивому развитию в первую очередь, благодаря обеспечению безопасности. Дилемма запрета обсуждения вопросов военной безопасности в Арктическом Совете подходит

к своему разрешению. В противном случае, несмотря на признание большинства арктических государств важности данного института, реализация сотрудничества в вакууме от вопросов безопасности не представляется возможным. Предполагаемое соглашение о мирном сосуществовании должно содержать инициативу об обновлении устава организации и формировании Арктического совета безопасности, где состав участников, помимо постоянных членов Арктического совета, по аналогии с Советом безопасности ООН также поочередно должен сменяться, включая страны — наблюдатели Совета. В силу того, что страны Северной Европы активно продвигают членство ЕС в Арктическом Совете, необходимо создать кворум участников Арктического совета безопасности, который поможет сохранять баланс сил в регионе. Председательство России в Арктическом Совете предоставляет шанс для продвижения данной инициативы. На правах лидера в регионе, Россия вновь имеет возможность закрепить имидж миротворца и обновить мурманские инициативы 1987 года.

ЛИТЕРАТУРА:

1. The Norwegian Government's High North Strategy// Norwegian Ministry of Foreign Affairs. 2006. <https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/strategien.pdf> (дата обращения: 14.05.2020)
2. New Building Blocks in the North. The next step in the Government's High North Strategy. Norwegian Ministry of Foreign Affairs. 2009. https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/nordomradene/new_building_blocks_in_the_north.pdf (дата обращения: 11.06.2020)
3. Norway's Arctic Strategy — between geopolitics and social development. 2017. URL: https://www.regjeringen.no/contentassets/fa_d46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf (дата обращения: 02.09.2020)
4. Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020. URL: <http://library.arcticportal.org/1890/1/DENMARK.pdf> (дата обращения: 02.09.2020)
5. Sweden's strategy for the Arctic Region. Reference No.: UD11.041. Published 31 October 2011. URL: <https://www.government.se/country-and-regional-strategies/2011/10/swedens-strategy-for-the-arctic-region/> (дата обращения: 02.09.2020)

6. Finland's Strategy for the Arctic Region 2013. Prime Minister's Office Publications. URL: https://vnk.fi/documents/10616/1093242/J1613_Finland%E2%80%99s+Strategy+for+the+Arctic+Region.pdf/cf80d586-895a-4a32-8582-435f60400fd2?version=1.0 (дата обращения: 02.09.2020)
7. The Government's strategy session on 27 March 2017. Action Plan for the Update of the Arctic Strategy. Prime Minister's Office Publications. URL: https://vnk.fi/documents/10616/3474615/EN_Arktisen+strategian+toimenpidesuunnitelma/0a755d6e-4b36-4533-a93b-9a430d08a29c/EN_Arktisen+strategian+toimenpidesuunnitelma.pdf (дата обращения: 05.09.2020)
8. Canada's Northern Strategy: Our North, Our Heritage, Our Future Ottawa: The Minister of Indian Affairs and Northern Development and Federal Interlocutor for Métis and Non-Status Indians, 2009, URL: <https://web.archive.org/web/20150320084935/http://www.northernstrategy.gc.ca/cns/cns-eng.asp> (дата обращения: 05.09.2020)
9. Crown-Indigenous Relations and Northern Affairs, Arctic and Northern Policy Framework, Government of Canada, 10 September 2019, URL: <https://www.rcaancirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587>. (дата обращения: 13.06.2020)
10. «Об Основах государственной политики России в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу» URL: <http://government.ru/info/18359/> (дата обращения: 13.10.2020)
11. Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2020 № 645 «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033?index=22&rangeSize=1> (дата обращения: 26.10.2020)
12. "National Strategy for the Arctic Region". The White House. p. 2. January 9, 2017 URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (Дата обращения 13.10.2020)
13. Report to Congress Department of Defense Arctic Strategy. Office of the Under Secretary of Defense for Policy. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> (Дата обращения 15.09.2020)
14. Norway's Arctic Strategy — between geopolitics and social development. 2017. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> (Дата обращения 05.09.2020)
15. Jensen L. C., Jensen O., Rottem S. V. Norwegian foreign policy in the High North. Energy, international law and security. *AtlantischPerspectief*. 2011;35(3):16.
16. Norway's Arctic Strategy. 2017. P.18. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> (дата обращения: 19.03.2019)
17. Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020. URL: <http://library.arcticportal.org/1890/1/DENMARK.pdf> (дата обращения: 20.09.2020)
18. Aucht M. Greenland at the crossroads: What strategy for the Arctic? *International Journal*. 2011;66(4):969.
19. Erdal L. L. Independence on the Horizon. A Study of the Interplay Between Sovereignty and Natural Resources in Greenland. *Fridtjof Nansen Institute*. December 2013. P. 21.
20. Коптелов В. Стратегия Дании в освоении Арктики. 2012, 13 апреля. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=308#top-content (дата обращения: 14.09.2020)
21. Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020. URL: <http://library.arcticportal.org/1890/1/DENMARK.pdf> (дата обращения: 15.09.2020)

22. Heininen L. Arctic Strategies and Policies: Inventory and Comparative Study. *The Northern Research Forum & The University of Lapland*. 2012:23.
23. Sweden's strategy for the Arctic region. URL: <https://www.government.se/4ab869/contentassets/c197945c0be646a482733275d8b702cd/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf> (дата обращения: 13.10.2020)
24. Sweden's strategy for the Arctic region. 2011. P. 23-30. URL: <https://www.government.se/49b746/contentassets/85de9103bbbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region> (дата обращения: 19.03.2019)
25. Sweden's strategy for the Arctic region. URL: <https://www.government.se/4ab869/contentassets/c197945c0be646a482733275d8b702cd/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf> (дата обращения: 20.10.2020)
26. Growth from the North How can Norway, Sweden and Finland achieve sustainable growth in the Scandinavian Arctic? Report of an independent expert group. 2015. URL: https://valtioneuvosto.fi/documents/10616/1095776/J0415_Growth+from+the+North_net.pdf/2613b2d6-96f8-4ca1-813a-658caad7f858 (дата обращения: 13.10.2020)
27. A Strategic Vision for the North Finland's prospects for economic growth in the Arctic region. 2015. URL: <https://ek.fi/wp-content/uploads/A-Strategic-Vision-for-the-North.pdf> (дата обращения: 13.10.2020)
28. A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy (Approved by Althingi at the 139th legislative session March 28, 2011). URL: <https://www.government.is/media/utanrikisraduneyti-media/media/nordurlandaskrifstofa/A-Parliamentary-Resolution-on-ICE-Arctic-Policy-approved-by-Althingi.pdf> (дата обращения: 05.09.2020)
29. Sveinsson G. Iceland's role in the Arctic- The future of Arctic cooperation. Icelandic Ministry for Foreign Affairs. 2013. 14 October. URL: <http://www.mfa.is/media/nordurslodir/Arctic-Circle-speech-October-14-2013.pdf> (дата обращения: 13.10.2020)
30. National strategy for the Arctic region URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf (дата обращения: 13.10.2020)
31. Report to Congress on Strategy to Protect United States National Security Interests in the Arctic Region. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2016-Arctic-Strategy-UNCLAS-cleared-for-release.pdf> (дата обращения: 13.10.2020)
32. A long-term, strategic vision for the Canada's Arctic and North. URL: <https://www.canada.ca/en/crown-indigenous-relations-northern-affairs/news/2019/09/the-government-of-canada-launches-co-developed-arctic-and-northern-policy-framework.html> (дата обращения: 13.10.2020)
33. «With little fanfare, Canada quietly launches a new Arctic policy document». Arctic today. URL: <https://www.arctictoday.com/with-little-fanfare-canada-quietly-launches-new-arctic-policy-document/> (дата обращения: 13.10.2020)

REFERENCES:

1. The Norwegian Government's High North Strategy. Norwegian Ministry of Foreign Affairs. 2006. <https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/strategien.pdf> [Accessed: 14.05.2020]
2. New Building Blocks in the North. The next step in the Government's High North Strategy. Norwegian Ministry of Foreign Affairs. 2009. https://www.regjeringen.no/globalassets/upload/ud/vedlegg/nordomradene/new_build-

- [ing_blocks_in_the_north.pdf](#) [Accessed: 11.06.2020]
3. Norway's Arctic Strategy — between geopolitics and social development. 2017. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad-46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> [Accessed: 02.09.2020]
 4. Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020. URL: <http://library.arcticportal.org/1890/1/DENMARK.pdf> [Accessed: 02.09.2020]
 5. Sweden's strategy for the Arctic Region. Reference No.: UD11.041. Published 31 October 2011. URL: <https://www.government.se/country-and-regional-strategies/2011/10/swedens-strategy-for-the-arctic-region/> [Accessed: 02.09.2020]
 6. Finland's Strategy for the Arctic Region 2013. Prime Minister's Office Publications. URL: https://vnk.fi/documents/10616/1093242/J1613_Finland%E2%80%99s+Strategy+for+the+Arctic+Region.pdf/cf80d586-895a-4a32-8582-435f60400fd2?version=1.0 [Accessed: 02.09.2020]
 7. The Government's strategy session on 27 March 2017. Action Plan for the Update of the Arctic Strategy. Prime Minister's Office Publications. URL: https://vnk.fi/documents/10616/3474615/EN_Arktisen+strategian+toimenpidesuunnitelma/0a755d6e-4b36-4533-a93b-9a430d08a29c/EN_Arktisen+strategian+toimenpidesuunnitelma.pdf [Accessed: 05.09.2020]
 8. Canada's Northern Strategy: Our North, Our Heritage, Our Future Ottawa: The Minister of Indian Affairs and Northern Development and Federal Interlocutor for Métis and Non-Status Indians, 2009, URL: <https://web.archive.org/web/20150320084935/http://www.northernstrategy.gc.ca/cns/cns-eng.asp> [Accessed: 05.09.2020]
 9. Crown-Indigenous Relations and Northern Affairs, Arctic and Northern Policy Framework, Government of Canada, 10 September 2019, URL: <https://www.rcaanccirnac.gc.ca/eng/1560523306861/1560523330587>. [Accessed: 13.06.2020]
 10. «On the Fundamentals of Russian State Policy in the Arctic for the Period up to 2020 and Beyond» URL: <http://government.ru/info/18359/> [Accessed: 13.10.2020]
 11. Decree of the President of the Russian Federation (26.10.2020 № 645) “On the Strategy for the Development of the Arctic Zone of the Russian Federation and Ensuring National Security for the Period until 2035 “ URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202010260033?index=22&range-Size=1> [Accessed: 26.10.2020]
 12. “National Strategy for the Arctic Region”. The White House. p. 2. January 9, 2017 URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf [Accessed: 13.10.2020]
 13. Report to Congress Department of Defense Arctic Strategy. Office of the Under Secretary of Defense for Policy. URL: <https://media.defense.gov/2019/Jun/06/2002141657/-1/-1/1/2019-DOD-ARCTIC-STRATEGY.PDF> [Accessed: 15.09.2020]
 14. Norway's Arctic Strategy — between geopolitics and social development. 2017. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad-46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> [Accessed: 05.09.2020]
 15. Jensen L. C., Jensen O., Rottem S. V. Norwegian foreign policy in the High North. Energy, international law and security. *AtlantischPerspectief*. 2011;35(3):16.
 16. Norway's Arctic Strategy. 2017. P.18. URL: <https://www.regjeringen.no/contentassets/fad-46f0404e14b2a9b551ca7359c1000/arctic-strategy.pdf> [Accessed: 19.03.2020]
 17. Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020. URL: <http://library.arcticportal.org/1890/1/DENMARK.pdf> [Accessed: 20.09.2020]

18. Auchet M. Greenland at the crossroads: What strategy for the Arctic? *International Journal*. 2011;66(4):969.
19. Erdal L. L. Independence on the Horizon. A Study of the Interplay Between Sovereignty and Natural Resources in Greenland. *Fridtjof Nansen Institute*. December 2013. P. 21.
20. Koptelov V. Denmark's strategy for the Development of the Arctic. 2012, 13 April. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=308#top-content [Accessed: 14.09.2020]
21. Denmark, Greenland and the Faroe Islands: Kingdom of Denmark Strategy for the Arctic 2011–2020. URL: <http://library.arcticportal.org/1890/1/DENMARK.pdf> [Accessed: 15.09.2020]
22. Heininen L. Arctic Strategies and Policies: Inventory and Comparative Study. *The Northern Research Forum & The University of Lapland*. 2012:23.
23. Sweden's strategy for the Arctic region. URL: <https://www.government.se/4ab869/contentassets/c197945c0be646a482733275d8b702cd/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf> [Accessed: 13.10.2020]
24. Sweden's strategy for the Arctic region. 2011. P. 23-30. URL: <https://www.government.se/49b746/contentassets/85de9103bbe4373b55eddd7f71608da/swedens-strategy-for-the-arctic-region> [Accessed: 19.03.2020]
25. Sweden's strategy for the Arctic region. URL: <https://www.government.se/4ab869/contentassets/c197945c0be646a482733275d8b702cd/swedens-strategy-for-the-arctic-region-2020.pdf> [Accessed: 20.10.2020]
26. Growth from the North How can Norway, Sweden and Finland achieve sustainable growth in the Scandinavian Arctic? Report of an independent expert group. 2015. URL: https://valtioneuvosto.fi/documents/10616/1095776/J0415_Growth+from+the+North_net.pdf/2613b2d6-96f8-4ca1-813a-658eaad7f858 [Accessed: 13.10.2020]
27. A Strategic Vision for the North Finland's prospects for economic growth in the Arctic region. 2015. URL: <https://ek.fi/wp-content/uploads/A-Strategic-Vision-for-the-North.pdf> [Accessed: 13.10.2020]
28. A Parliamentary Resolution on Iceland's Arctic Policy (Approved by Althingi at the 139th legislative session March 28, 2011). URL: <https://www.government.is/media/utanrikisraduneyti-media/media/nordurlandaskrifstofa/A-Parliamentary-Resolution-on-ICE-Arctic-Policy-approved-by-Althingi.pdf> [Accessed: 05.09.2020]
29. Sveinsson G. Iceland's role in the Arctic — The future of Arctic cooperation. Icelandic Ministry for Foreign Affairs. 2013. 14 October. URL: <http://www.mfa.is/media/nordurslodir/Arctic-Circle-speech-October-14-2013.pdf> [Accessed: 13.10.2020]
30. National strategy for the Arctic region URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf [Accessed: 13.10.2020]
31. Report to Congress on Strategy to Protect United States National Security Interests in the Arctic Region. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2016-Arctic-Strategy-UNCLAS-cleared-for-release.pdf> [Accessed: 13.10.2020]
32. A long-term, strategic vision for the Canada's Arctic and North. URL: <https://www.canada.ca/en/crown-indigenous-relations-northern-affairs/news/2019/09/the-government-of-canada-launches-co-developed-arctic-and-northern-policy-framework.html> [Accessed: 13.10.2020]
33. «With little fanfare, Canada quietly launches a new Arctic policy document». Arctic today. URL: <https://www.arctictoday.com/with-little-fanfare-canada-quietly-launches-new-arctic-policy-document/> [Accessed: 13.10.2020]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Игорь С. Дорошенко, Представительство
Министерства иностранных дел России
в Санкт-Петербурге, Россия; 191187, Рос-
сия, Санкт-Петербург, наб. Кутузова, д. 34;
is.doroshenko@gmail.com

Igor S. Doroshenko, The Representative of
the Foreign Ministry of the Russian Federa-
tion in Saint-Petersburg, Russia; bld. 34, Kutu-
zova emb., Saint-Petersburg, 191187, Russia;
is.doroshenko@gmail.com



Об основных направлениях политики США в Центральной Азии

Владимир А. Пономарев

Министерство иностранных дел России, Москва, Россия,

vaponomarev2017@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается внешнеполитический курс Вашингтона в Центральной Азии с акцентом на политику администрации Д. Трампа. Выделяются его основные направления и особенности. Анализируется состояние двусторонних отношений США с центральноазиатскими странами.

Интерес американцев к данному региону проявился сразу же после распада СССР и был обусловлен его геостратегическим положением и запасами энергоресурсов. На начальном этапе усилия Белого дома были сосредоточены на уничтожении советского оружия и налаживании бизнес-контактов. Повышение роли ЦА во внешней политике США произошло после начала операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане. С достижением договоренностей об использовании военной инфраструктуры значительно расширилось военное присутствие американцев в регионе, начало активно развиваться сотрудничество по линии оборонных ведомств. Интенсифицировались контакты в экономической сфере, десятки американских компаний устремились в центральноазиатские страны, существенно вырос объем американских инвестиций. С целью формирования проамериканского общества и элит параллельно усилилась работа по продвижению «демократических ценностей».

С приходом администрации Д. Трампа акценты были смещены в сторону военного сотрудничества. Активизировались военно-техническое сотрудничество, совместные военные маневры и образовательные программы, обмен опытом в области борьбы с терроризмом, нелегальной миграцией, торговлей людьми и незаконным оборотом наркотиков. Идет укрепление бизнес-контактов, торгово-экономического и энергетического взаимодействия. В Вашингтоне несколько снизили градус критики стран ЦА за «проблемы в сфере демократии», тем не менее продолжают попытки демократизации посредством НПО, спонсируемых негосударственными фондами, близкими к Демократической партии США. Вне зависимости от нахождения у власти республиканской или демократической администрации Центральноазиатский регион останется в фокусе внимания Вашингтона на продолжительный период времени. Это связано с геостратегическим положением региона, его природными богатствами, ситуацией в Афганистане, желанием потеснить позиции России и КНР в ЦА.

Ключевые слова: политика США, Центральная Азия, военное сотрудничество, экономические отношения, продвижение демократии, Агентство США по международному развитию, американские НПО, Д. Трамп

Для цитирования: Пономарев В. А. Об основных направлениях политики США в Центральной Азии. *Проблемы постсоветского пространства.* 2020;7(4):445-459. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-445-459>

Статья поступила 18.10.2020

Принята в печать 13.11.2020

Опубликована 01.12.2020

U.S. Main Policies in Central Asia

Vladimir A. Ponomarev

Foreign Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia,

vaponomarev2017@mail.ru

Abstract: The article analyses the U.S. policy in Central Asia with the focus on the policy of the Trump administration. It highlights its main areas of interests and features, examines the U.S. bilateral relations with Central Asian countries.

The American interest in the region was manifested immediately after the collapse of the USSR and was linked to its geostrategic position and energy resources. Initially, the efforts of the White House were focused on the elimination of Soviet weapons and the promotion of business contacts. The role of Central Asia in the U.S. foreign policy increased when the military operation in Afghanistan was launched. With the achievement of agreements on the use of military infrastructure in Central Asia states, the U.S. military presence in the region significantly expanded, and cooperation through defense agencies began to actively develop. Contacts in the economic area intensified, dozens of American companies rushed to Central Asian countries, and the volume of American investments increased significantly. In order to form pro-American societies and elites, the work to promote “democratic values” has been intensified.

With the arrival of the Trump administration, the emphasis was shifted towards military cooperation. Military-technical cooperation, joint military maneuvers and educational programs, exchange of experience in the field of combating terrorism, illegal migration, human trafficking and drug trafficking have increased. Business contacts, trade, economic and energy cooperation have been intensified. Washington has somewhat reduced the degree of criticism of the Central Asian countries for “problems in the area of democratic governance”, nevertheless, the U.S. continues its attempts to democratize the region through NGOs sponsored by non-state funds close to the American Democratic Party.

The Central Asian region will remain in the focus of the U.S. foreign policy for a long period of time, regardless of whether the Republican or Democratic administration is in power, taking into account its geostrategic position, natural resources, situation in Afghanistan, desire to weaken the positions of Russia and China in this area.

Keywords: US policy, Central Asia, military cooperation, economic relations, democracy promotion, USAID, US NGOs, Donald Trump

For citation: Ponomarev V. A. U.S. Main Policies in Central Asia. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4): 445-459. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-445-459>

Received 18.10.2020

Revised 13.11.2020

Published 01.12.2020

ВВЕДЕНИЕ

В последние годы наблюдается устойчивый рост интереса США к Центральноазиатскому региону. Об этом свидетельствует как обновленная в 2017 г. Стратегия национальной безопасности США [1] и обнародованная в феврале новая Стратегия США в ЦА в 2019–2025 гг. [2], так и активизация контактов представителей администрации с руководством центральноазиатских стран.

Пристальное внимание американцев к региону объясняется, прежде всего, его геостратегическим положением вблизи приоритетного для Вашингтона «АфПака», а также значительными запасами нефти, газа, урана и других природных ресурсов. Посредством наращивания военной и экономической помощи странам ЦА решаются задачи борьбы с терроризмом, экстремизмом, организованной преступностью и наркотрафиком.

Важной составляющей американской политики на данном направлении является возвращение удобных для Вашингтона элит центральноазиатских стран. В этих целях задействуется широкий арсенал политико-дипломатических, военных, экономических и гуманитарных инструментов, привлекаются госструктуры и/или негосударственные акторы. США оказывают содействие в проведении внутриполитических и экономических реформ, активно работают с молодежью. В США считают, что все это делается для повышения безопасности и уровня жизни населения государств ЦА, однако на деле зачастую оборачивается попытками давления

и вмешательства во внутренние дела независимых стран.

В геополитическом плане Вашингтон делает ставку на ослабление влияния в регионе других игроков, прежде всего России и КНР, а также ЕС, Турции, Ирана, Индии и др. Добиваясь отрыва стран ЦА от Москвы, США предпринимают усилия по подрыву интеграционных процессов в рамках СНГ и ОДКБ, ведут последовательную работу по их вовлечению в евроатлантические структуры и другие ориентированные на Вашингтон механизмы безопасности.

Д. Трамп во многом по инерции продолжает интрузивную политику предыдущих администраций в регионе. При этом важным отличительным моментом является то, что приоритет отдается военному сотрудничеству над демократизаторскими программами.

СОТРУДНИЧЕСТВО США И ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИХ СТРАН В ВОЕННОЙ ОБЛАСТИ

В 1990-х гг. основные усилия американцев были сосредоточены на зачистке центральноазиатских государств от ОМУ и инфраструктуры советского ВПК, их вовлечении в программу НАТО «Партнерство ради мира» с целью распространения «культуры» и стандартов альянса, а также налаживанию бизнес-контактов с нефтегазовыми компаниями. При этом особой активности американцы не проявляли, видимо, рассчитывая, что никто, прежде всего,

Россия, занятая решением своих внутренних проблем, им мешать не будет.

На качественно новый этап сотрудничества со странами ЦА, особенно в военной сфере, вышло после терактов 11 сентября 2001 г. и начала антитеррористической операции США и союзников в Афганистане, когда западникам понадобился плацдарм для ведения боевых действий.

В результате переговоров с руководством центральноазиатских стран Вашингтон добился права на использование объектов военной инфраструктуры в Казахстане, Киргизии, Таджикистане и Узбекистане при выполнении самолетами американских ВВС как гуманитарных, так и боевых миссий в Афганистане. Для транспортировки грузов в/из Афганистана были задействованы комбинированные схемы транзита по т.н. «северному распределительно-транспортному маршруту», в том числе транспортные коридоры Баку — Актау, Курык — Сарыагаш — Келес и Бейнеу — Галаба, железнодорожные переходы на туркмено-афганской границе Серхетабат (Кушка) — Торугунди и Атамурат — Имамназар — Акина. В Таджикистане США профинансировали строительство моста в районе перехода Нижний Пяндж.

При Д. Трампе американцы активизировали контакты по военной линии, а также военно-техническую помощь центральноазиатским странам, в том числе для повышения эффективности их силовых структур. При участии Пентагона в странах региона осуществляется реформирование национальных ВС, систем военного образования и подготовки кадров под углом приближения к стандартам НАТО. Совместно с американцами регулярно проводятся конференции руководителей военных разведок и начальников генеральных штабов, учебно-тренировочные мероприятия по отработке координации взаимодействия

вооруженных сил государств ЦА по планированию и проведению антитеррористических и антинаркотических кампаний. Кроме того, Пентагон осуществляет в Казахстане, Киргизии и Узбекистане программы управления биологическими рисками, сформировав на территории этих стран сеть подотчетных научно-исследовательских учреждений.

В ходе проведенного 3 февраля 2020 г. в Ташкенте под председательством госсекретаря США М. Помпео седьмого раунда консультаций в формате «ЦА 5 + США» было подчеркнуто, что основными угрозами в регионе остаются терроризм, нелегальная миграция, торговля людьми и незаконный оборот наркотиков. В этой связи акцентировалась необходимость активизировать усилия в сфере обеспечения безопасности границ, обмена опытом контртеррористической борьбы, продвижения мирного процесса и политического урегулирования ситуации в Афганистане [3].

Военное сотрудничество между США и Казахстаном осуществляется на основе пятилетних планов военного сотрудничества (первый подписан в 2003 г., в настоящее время реализуется четвертый план, рассчитанный на 2018–2022 гг.) [4]. В них предусматриваются совместное противодействие международному терроризму, поставки «современных образцов военно-технического имущества», сотрудничество в сфере подготовки военных кадров и миротворческих сил, прежде всего казахстанской бригады «Казбриг», а также участие в совместных учениях. С 2003 г. в рамках программы «Партнёрство во имя мира» Казахстан проводит со странами НАТО совместные учения «Степной орёл», в которых ежегодно принимают участие до 1,5 тыс. военнослужащих, а также наблюдатели и представители дипломатического корпуса.

США продолжают взаимодействовать с Казахстаном в рамках решения задач по обеспечению безопасности Афганистана. Сенат Парламента РК ратифицировал 19 апреля 2018 г. Протокол о внесении изменений в Соглашение 2010 г. об обеспечении коммерческого железнодорожного транзита специального груза в Афганистан через территорию РК, согласно которому казахстанские морские порты Актау и Кыркы включены в схему маршрута Черное море — Грузия — Азербайджан — Каспийское море — Казахстан — Узбекистан — Афганистан (в июле 2018 г. была осуществлена первая переброска груза для контингента ВС США в ИРА транзитом через Каспий). Таким образом значительно увеличились объемы американского военного транзита в ЦА.

Также удалось подключить Казахстан к участию в подготовке афганского персонала по гражданским и правоохранительным специальностям, развитию афганской транспортной инфраструктуры [4].

Подспудно Вашингтон стремится потеснить Москву как ведущего партнера Нур-Султана в оборонной сфере, а «борьбу с терроризмом» использует как предлог для американского военного присутствия у границ России.

Несмотря на непростую историю отношений с Узбекистаном (прежде всего, из-за андижанских событий), США удалось добиться активизации военного сотрудничества с Ташкентом. В рамках визита президента Узбекистана Ш.Мирзоева в Вашингтон в 2018 г. впервые был подписан пятилетний План военного сотрудничества [5], благодаря которому в 2019–2020 гг. резко увеличилось количество совместных американо-узбекских учений (в январе 2019 г. — учения спецназа Узбекистана и Национальной гвардии США на территории базы Кэмп-Шелби

(шт. Миссисипи), в сентябре 2019 г. — учения пилотов в Чирчикском гарнизоне, в марте 2020 г. — учения «Непобедимый страж–2020» на территории Узбекистана). Широко практикуется обучение военнослужащих Узбекистана в США [6], а также преподавательская работа военных американских инструкторов в Академии ВС Узбекистана, в Военном институте информационно-коммуникационных технологий Минобороны и в Высшем военном авиационном училище (г. Джизак). Узбекистан присоединился к Программе НАТО «Партнерство во имя мира» в июле 1994 г., а с 1996 г. сотрудничество ведется на основе ежегодных «Индивидуальных программ партнерства и сотрудничества». Американцы открыто признают, что нацелены на то, чтобы переориентировать Узбекистан от военных закупок из России на американские системы и оборудование.

Сложнее продвигается диалог с Киргизией, ориентирующейся на стратегических партнеров — Россию и Китай. Тем не менее, в настоящее время с Бишкеком ведется работа над новым соглашением о сотрудничестве, которое предполагает взаимодействие в военной области, прежде всего, в рамках образовательных программ, совместных семинаров и тренингов, в ходе которых военнослужащие получают представление о современных видах вооружений и военных технологиях, используемых США и НАТО [7]. Киргизы участвует в многочисленных учениях «Партнерства ради мира». Ряд киргизских военных частей и подразделений подготовлены к возможному задействованию в операциях НАТО.

При Администрации Д. Трампа активизировалось военно-техническое сотрудничество США с Таджикистаном. Основные усилия американцев направлены, в первую очередь, на работу с офицерским составом силовых структур, программы по обучению

которых проходят на регулярной основе. Периодически проводятся различные совместные учения по линии полицейских и контртеррористических подразделений. В октябре 2018 г. Вашингтон направил Душанбе специальные транспортные средства патрулирования и разведки «для отражения угроз из Афганистана» стоимостью более 8 млн долл. [8].

В феврале 2002 г. Таджикистан присоединился к программе Североатлантического альянса «Партнерство во имя мира». С 2009 по 2014 гг. таджикская сторона разрешила силам НАТО использовать свое воздушное пространство, железные и автомобильные дороги для транзита невоенных грузов в Афганистан. На сегодняшний день имеется «Индивидуальная программа сотрудничества», в рамках которой идет взаимодействие в таких областях, как военное и правоохранительное образование, контртерроризм, борьба с наркотрафиком, действия в чрезвычайных ситуациях и стихийных бедствиях. Североатлантический блок оказывает поддержку, в том числе финансовую, в области утилизации боеприпасов [9].

В начале 2020 г. состоялись переговоры представителей Центрального командования ВС США с руководством Государственной таможенной службы Туркменистана, в ходе которых было принято решение активизировать сотрудничество в области борьбы с терроризмом, обеспечения безопасности на границах и нераспространения оружия массового поражения. Предполагается запуск программы по обмену опытом в борьбе с химическим, биологическим, радиологическим и ядерным оружием [10].

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ США СО СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Активная линия Вашингтона в Центральной Азии во многом обусловлена экономическими интересами. Приоритетная

задача — обеспечение транспортировки каспийских энергоносителей по альтернативным, т.е. в обход России, маршрутам [11]. США предпринимают настойчивые усилия по продвижению интересов своего бизнеса в регионе и ослаблению государственного контроля в экономике центральноазиатских государств. Предоставление экономической помощи на двусторонней основе и по каналам международных финансовых институтов жестко увязывается с успешным проведением руководством стран ЦА реформ.

В последнее время Вашингтон значительно расширил экономическое присутствие в Казахстане. К 2020 году в этой стране осуществляют деятельность около 400 американских компаний [12]. О серьезности намерений американцев говорит выступление М. Помпео 2 февраля с. г. в Нур-Султане, который открыто призвал казахстанскую сторону развивать сотрудничество с США, приведя в качестве успешного примера работу казахов с аграрной компанией Tyson Foods и крупными нефтегазовыми инвесторами Chevron Corporation и ExxonMobil. Также имеются положительные результаты сотрудничества с такими американскими компаниями, как General Electric, Halliburton, NalcoChampion, Weatherford, Flowserve и др. Существенный потенциал есть у взаимодействия в горнодобывающей промышленности, где в 2017–2019 гг. объем прямых американских инвестиций превысил 5 млрд долл. В настоящее время при поддержке США строится завод по производству стальных заготовок и катализаторов, а также предприятие по сборке самолетов региональной авиации. Сумма данных проектов — 450 млн долл.

В 2019 г. объем двухсторонней торговли составил 2 млрд долл. [13] США являются одним из ключевых инвестиционных партнеров Казахстана. Объем инвести-

ций с 2005 по 2018 гг. составил 33,7 млрд долл. [14]. В ближайшие годы, как заявляют официальные представители Вашингтона, он увеличится.

Укреплению бизнес-контактов способствует введенная в 2017 г. практика проведения ежегодных американо-казахстанских бизнес-форумов, в которых участвуют официальные представители Казахстана, а также сотрудники посольства США в Нур-Султане, руководители американских компаний, включая Coca-Cola, Gilеad, HP, Microsoft и Valley Irrigation. На мероприятиях обсуждаются различные направления взаимодействия, в том числе вопросы развития промышленности и инфраструктуры, аэрокосмическая промышленность и энергетика, здравоохранение, сельское хозяйство, информационные технологии.

Интенсификация американо-узбекского торгово-экономического сотрудничества и рост инвестиций в экономику Узбекистана были указаны в качестве ключевых тем дальнейшего сотрудничества двух стран в ходе визита президента Ш. Мирзиёева в мае 2018 г. в Вашингтон, рабочей поездки в Ташкент осенью 2018 г. министра торговли США У. Росса, переговоров в 2019 г. заместителя премьер-министра Узбекистана с Э. Ганиевым с У. Россом, в контактах в США в 2019 г. узбекского Минфина с Казначейством США. В рамках организованной в 2018 г. Агентством США по международному развитию и Министерством внешней торговли Узбекистана недели американского бизнеса было подписано 13 соглашений на сумму 2,5 млрд долл. Американцы обозначили готовность вложить в ближайшие годы в энергетический, нефтегазовый и сельскохозяйственный секторы от 4,5 до 6 млрд долл. Вашингтон также обещает организовать передачу передовых технологий и опыта своих ведущих компаний, а узбеки — сформировать благоприят-

ные условия для расширения деятельности американских фирм [15].

Экономические интересы США в Туркменистане связаны, прежде всего, с энергоресурсами страны, которая является шестой в мире по запасам природного газа. Американский посол в Ашхабаде М. С. Климов летом 2019 г. во время утверждения в государственном департаменте на пост главы дипмиссии пообещал «приложить все усилия для содействия диверсификации экспортных рынков туркменского газа — как через Каспийское море, так и в Южную Азию». О поиске новых направлений для укрепления экономического сотрудничества говорил и президент США Д. Трамп в поздравительном послании президенту Туркменистана Г. Бердымухамедову по случаю майского праздника Новруз, выделяя открывшиеся недавно перед Туркменистаном новые возможности экспорта газа на Запад в связи с определением правового статуса Каспийского моря в рамках подписания Конвенции о правовом статусе Каспийского моря на Саммите глав прикаспийских государств в Актау в августе 2018 г. По замыслу американцев, Туркменистан мог бы диверсифицировать свой газовый рынок за счёт Транскаспийского трубопровода, по которому туркменские ресурсы будут поступать в Европу через Баку и Азербайджан [16].

В последнее время на регулярной основе осуществляются контакты между двумя странами, налажены поставки из США в Туркменистан сельскохозяйственной техники, самолетов гражданской авиации, электроэнергетического оборудования.

Традиционно напористо ведет себя Агентство США по международному развитию, которое 11 февраля с. г. запустило «Проект по развитию предпринимательства и бизнес-среды в Туркменистане», за счет которого планируется оказать поддержку

туркменским предприятиям в создании новых рабочих мест, улучшении профессиональных навыков сотрудников, повышении продаж и объема экспорта в различных секторах экономики, включая информационные и коммуникационные технологии, пищевую перерабатывающую промышленность, ковроткачество.

Основными направлениями американо-таджикского сотрудничества являются сельское хозяйство и туризм. По словам посла США в Таджикистане Дж. М. Поммершайма, в настоящее время Агентство США по международному развитию реализует программу «Прозцветай Таджикистан» [17] с бюджетом 20 млн долл., направленную на экономическую поддержку мелких фермеров и предпринимателей. В рамках другой программы AMP — «Продовольствие во имя будущего» — оказывается помощь гражданам страны в области культивации земель под сельскохозяйственные нужды, внедрения в агропромышленный комплекс современных технологий, оборудования и сортов сельскохозяйственных культур. Правительство США содействует развитию туризма за счет проведения образовательных программ, выделения грантов на малый бизнес в области туризма, взаимодействует с Комитетом по туризму Таджикистана [18]. Однако пока данная страна не сильно привлекательна для американских бизнесменов, поскольку существуют значительные барьеры в области инвестиций и высокий уровень коррупции.

Экономическое сотрудничество США и Киргизии находится на достаточно низком уровне. Тем не менее, в ходе встречи 31 июля 2019 г. в Бишкеке заместителя министра иностранных дел Киргизии А. Мадмарова и зам. зам. госсекретаря США по делам Южной и Центральной Азии Дж. Хеника была достигнута договоренность о развитии дву-

сторонней торговли и инвестиций [19]. 10 октября 2019 года Посольство США организовало в Бишкеке Международную выставку франшиз и торговли, которая была призвана помочь налаживанию связей между компаниями из США, ЕС, Южной Кореи и Японии с киргизскими бизнесменами [20].

Представителями внешнеполитических ведомств также согласован план развития электроэнергетического рынка ЦА. Предполагается, что развитие единой центральноазиатской электросети должно облегчить впоследствии экспорт излишек электроэнергии, снизить расходы для потребителей и зависимость от внешних участников, а также повысить доходы поставщиков и энергетическую безопасность в Центральной Азии.

В целях укрепления сотрудничества в торгово-экономической и инвестиционной сферах с центральноазиатскими игроками Администрация Д. Трампа, помимо двусторонних контактов, активно задействует запущенный еще Администрацией Б. Обамы проект «ЦА 5 + США» (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан «плюс» США). Хотя официально декларируемой целью «ЦА 5 + США» является укрепление регионального сотрудничества, в том числе в области экономики, в рамках него предпринимаются попытки «развернуть все инициативы с участием стран Центральной Азии на юг без участия Москвы» [21].

В ходе встречи «ЦА 5 + США» 3 февраля 2020 г. в Ташкенте госсекретарь США М. Помпео подчеркнул важность продвижения совместных проектов в экономике и энергетике, привлечения в регион иностранного капитала, особенно в области информационных технологий и наукоемких производств. М. Помпео обещал увеличить капиталовложения в страны региона по линии Международной финансовой кор-

порации и Рамочного соглашения о торговле и инвестициях [3].

В ходе виртуальной встречи 30 июня с.г. с главами МИД центральноазиатских стран М.Помпео подтвердил приверженность США данному формату, делая акцент на общих интересах в сфере безопасности, включая мир в Афганистане, а также на развитии региональных связей и торговли. Кроме того, обсуждались вопросы обеспечения региональной продовольственной безопасности на фоне коронавирусной пандемии [22].

При поддержке США в июле 2019 г. страны ЦА и Афганистан подписали декларацию по региональному сотрудничеству в сфере энергетических реформ и создания единого рынка электроэнергии [23]. Содействие реализации планов в данной области будет происходить при участии АМР.

ПОЛИТИКА США ПО «ПРОДВИЖЕНИЮ ДЕМОКРАТИИ» В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ

Начиная с Администрации Б. Клинтона, американские государственные и негосударственные акторы активно занимаются «продвижением демократических ценностей» в Центральную Азию [24].

Продолжила линию на «продвижение демократии» в ЦА пришедшая на смену в 2001 г. Администрация Дж. Буша-младшего, которая увеличила ассигнования на неправительственные организации, работающие в регионе [25]. Результатом такой политики стала активизация проамериканских оппозиционных сил в центральноазиатских странах, вылившаяся в «революцию тюльпанов» в Киргизии, мятеж в Андижане.

После ряда провальных «демократизаторских усилий» администрация Б. Обамы стала использовать данное направление более гибко, задействуя диверсифицирован-

ные каналы, в том числе и по линии НПО, подстраиваться под задачу выстраивания стабильных, «взаимовыгодных» отношений с местными элитами. Жесткая демократизаторская риторика уступила место выражениям уважения к «особому пути развития» центральноазиатов. Тем не менее, регулярно осуществлялось «контролируемое» давление по демократическому «досье», выражавшееся в напоминании странам региона о необходимости либерализации национального законодательства, регламентирующего избирательный процесс, создании свободных СМИ, многопартийной политической системы, послаблениях на религиозном направлении, содействии демократическим процессам, развитию парламентской демократии [26].

Основными декларируемыми задачами в рамках данного направления являются становление политических партий, свободных СМИ, формирование гражданского общества, повышение доступности качественного высшего образования и здравоохранения, поддержка развития частного сектора и проведения экономических реформ. С этой целью Соединенные Штаты Америки оказывают финансовую поддержку различным негосударственным организациям, осуществляют взаимодействие с гражданским сектором страны.

Хотя на словах речь идет о, в целом, благих намерениях, на деле преследуются совсем другие цели. В частности, за счет различных демократизаторских проектов и образовательных программ происходит процесс возвращения проамериканских оппозиционных сил, которые способны организовать выступления против действующей власти, если она не устраивает Вашингтон.

В целях решения «проблем в демократической области» часто задействуется потенциал Агентства США по международ-

ному развитию, эксперты которого предлагают необходимые, на их взгляд, изменения в политсистеме государства, его территориальном устройстве, основных направлениях внешней политики и экономики [27].

В рамках «продвижения демократических ценностей» американцы придают большое значение проведению свободных и честных выборов в республиках ЦА. При этом, если результаты выборов не устраивают Белый дом, как например в 1999 г. Казахстане, Таджикистане и в 2000 г. в Узбекистане, финансовая поддержка данных стран снижается. Для мониторинга избирательных процессов и выявления нарушений США активно используют возможности ОБСЕ и ее Бюро по демократическим институтам и правам человека, офисы которых стали открываться в ЦА с 1998 г. по инициативе госсекретаря М. Олбрайт [28].

США традиционно активно использовали демократический и правочеловеческий инструментарий в отношениях с центрально-азиатскими государствами для достижения геополитических целей. В этих целях в постсоветских республиках функционирует значительное число неправительственных организаций, которые поддерживаются путем распределения финансовых грантов от американского правительства и частных лиц. Ведется работа и с молодежью, получившей образование в США. Это позволяет американцам осуществлять постоянный мониторинг внутривосточной ситуации в странах и использовать собранные факты «нарушений прав человека» в случае необходимости оказания давления на руководство государств.

С приходом в Белый дом новой администрации Д. Трампа произошел пересмотр подходов к продвижению американских ценностей в мире. События «арабской весны», в результате которых США частично утратили влияние на Ближнем Вос-

токе в пользу России и Ирана, побудили президента Д. Трампа требовать от НПО гарантий достижения запланированного результата в соответствии с выделенным финансированием. По мнению главы государства, воздействовать на внутривосточную обстановку в той или иной стране нужно лишь в случае полной уверенности, что смена правящего режима позволит «развернуть» ее внешнюю политику в соответствии с интересами США или откроет новые возможности для американского бизнеса, а не обернется дестабилизацией региона или укреплением еще более враждебных Вашингтону сил. Указанный подход существенно осложнил продолжение миссии американских НПО в ЦА, поскольку были существенно сокращены гранты от Белого дома на работу в данном регионе [29].

Вместе с тем, «мозговые центры» нашли финансовую поддержку в лице неправительственных источников, таких как Фонд Дж. Сороса, который выразил несогласие с «пренебрежительным» подходом Администрации Трампа к идее «экспорта демократии» и продолжил оказание всесторонней помощи оппозиционным силам и демократическим общественным движениям стран ЦА [30].

В настоящее время НПО в центрально-азиатских странах сосредоточены на поддержке движений, которые будут заниматься организацией масштабных и регулярных акций протеста в целях дестабилизации в «несимпатизирующих» США странах внутривосточной обстановки, дискредитации представителей руководства стран, как «коррупционеров» и «неэффективных управленцев».

В текущем году Агентство США по международному развитию направило \$2,5 млн местным НПО для «мониторинга избирательного процесса» парламентских выборов в Киргизии. Под предлогом под-

держки демократии Вашингтон таким образом осуществляет прямое вмешательство во внутренние дела суверенного государства. По мнению экспертов, обеспечивая финансовую поддержку, США стремятся дестабилизировать ситуацию в государстве, а также продвинуть во властные структуры прозападных лидеров [31].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вашингтон продолжает проявлять повышенный интерес к Центральной Азии (ЦА), видя в ней «плацдарм» для реализации своих стратегических интересов. Обещает государствам региона активнее участвовать в экономических, энергетических и инфраструктурных проектах в обмен на их боль-

шую восприимчивость к своим установкам в этой части Евразии. Цель — развернуть регионалов в противоположную от России сторону и навесить на них «бремя афганских проблем» после своего ухода из Афганистана.

Анализ американской внешней политики в центральноазиатских странах показывает, что с момента распада СССР позиции и влияние США там поступательно нарастало. В настоящее время данный регион занимает особое место во внешней политике Вашингтона. С учетом его значения для американских национальных интересов данная тенденция сохранится, вне зависимости прихода в Белый дом демократической или республиканской администрации.

ЛИТЕРАТУРА

1. National Security Strategy of the United States of America. The White House, December, 2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>. (дата обращения: 24.07.2020)
2. United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. The Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> (дата обращения: 24.07.2020)
3. Строкань С., Черненко Е., Кривошеев К., Константинов А., Козлов Д. Россия в кольце визитов. Госсекретарь Помпео заявил о претензиях США на постсоветское пространство. *Коммерсантъ*. 2020. 2 марта. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4241536> (дата обращения: 24.07.2020)
4. Соединенные Штаты и Казахстан: Расширенное Стратегическое Партнерство в XXI веке. 2018. URL: <https://kz.usembassy.gov/ru/us-kz-21st-century-joint-statement-ru/> (дата обращения: 24.07.2020)
5. Узбекистан и США: «историческая» эра стратегического партнерства началась. 2018. 22 мая. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2018/05/22/feature-01 (дата обращения: 26.08.2020)
6. В США заявили, что не пытаются восстановить военное присутствие в Узбекистане. 2018. 16 мая. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5206462> (дата обращения: 26.08.2020)
7. США возобновляют сотрудничество с Кыргызстаном для создания проблем России. 2020. 23 марта. URL: <https://news-front.info/2020/03/23/ssha-vozobnovlyayut-sotrudnichestvo-s-kyrgyzstanom-dlya-sozdaniya-problem-rossii/> (дата обращения: 26.08.2020)
8. Американское оружие для Таджикистана: против кого. 2018. 17 октября. URL: <https://tj.sputniknews.ru/analytics/20181017/1027139758/usa-tajikistan-oruzhie.html> (дата обращения: 26.08.2020)

9. Таджикистан и Организация Североатлантического договора. Министерство иностранных дел Республики Таджикистан. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/191/tadzhikistan-i-organizatsiya-severoatlanticheskogo-dogovora> (дата обращения: 21.08.2020)
10. США и Туркменистан расширяют сотрудничество в сфере безопасности и борьбы с терроризмом. 2020. 6 февраля. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2020/02/06/feature-02 (дата обращения: 21.08.2020)
11. Жильцов С. С., Зонн И. С. США в погоне за Каспием. Москва: Международные отношения; 2009. 193 с.
12. Пангиреева З. Соединенные Штаты Америки во внешней политике Казахстана — приоритеты взаимного сотрудничества. URL: <https://articlekz.com/article/10759> (дата обращения: 21.08.2020)
13. U.S. — Kazakhstan Bilateral Trade and Investment. The Office of the United States Trade Representative, 2020. 2 October. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia/kazakhstan> (дата обращения: 21.08.2020)
14. Фаляхов Р. США платят больше: как Россия теряет Казахстан. Почему Россия уступает США на рынке Казахстана. 2020. 4 февраля. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/02/03/12941899.shtml> (дата обращения: 21.08.2020)
15. Столповский О. Произошел ли кардинальный прорыв в экономических отношениях Узбекистана и США? Ритм Евразии. 2019. 1 сентября. URL: <https://www.ritmeurasia.org/news--2019-09-01--proizoshel-li-kardinalnyj-proryv-v-ekonomicheskikh-otnoshenijah-uzbekistana-i-ssha-i-44608> (дата обращения: 17.07.2020)
16. Victoria C. What Are US Interests in Turkmenistan? 2019. 18 June. URL: <https://thediplomat.com/2019/06/what-are-us-interests-in-turkmenistan/> (дата обращения: 17.07.2020)
17. Агентство США по международному развитию. Посольство США в Таджикистане. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/embassy-ru/dushanbe-ru/sections-offices-ru/usa-id-tajikistan-ru/> (дата обращения: 17.07.2020)
18. USAID способствует развитию туризма в Таджикистане через установку знаков навигации к культурно-историческим достопримечательностям. Посольство США в Таджикистане. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/pr-2-24-20-ru/?ga=2.130213135.1465864117.1603873406-859310284.1594219780> (дата обращения: 17.07.2020)
19. Успешные ежегодные двусторонние кыргызско-американские консультации: построение нашего партнерства. Посольство США в Кыргызской Республике. 2019. 31 июля. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/successful-u-s-kyrgyz-annual-bilateral-consultations-building-our-partnership-ru/> (дата обращения: 17.07.2020)
20. Посольство США со-организует первую в истории Бишкека выставку «Международное ЭКСПО по франчайзингу и торговле». Посольство США в Кыргызской Республике. 2019. 1 октября. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/u-s-embassy-to-co-organize-first-ever-international-franchise-and-trade-expo-in-bishkek-ru/> (дата обращения: 17.07.2020)
21. Лавров указал на стремление США злоупотребить форматом «C5 + 1» в Центральной Азии. 2018. 15 января. URL: <https://tass.ru/politika/4874195> (дата обращения: 17.07.2020)
22. Помпео обсудил с главами МИД стран Центральной Азии продовольственную безопасность. 2020. 1 июля. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8856971> (дата обращения: 14.06.2020)
23. Страны Центральной Азии создадут общий рынок электроэнергии. 2019.

- 5 июля. URL: <https://uz.sputniknews.ru/economy/20190705/11942633/Strany-Tsentralnoy-Azii-sozdadut-edinyy-rynok-eklektroenergii.html> (дата обращения: 14.06.2020)
24. National Security Strategy of the United States. 1993. January 1. URL: <https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2020/04/1993.pdf> (дата обращения: 14.06.2020)
25. Carothers T. U.S. Democracy Promotion During and After Bush. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace. 1999. URL: https://carnegieendowment.org/files/democracy_promotion_after_bush_final.pdf (дата обращения: 14.06.2020)
26. Democracy Promotion Under Obama: Revitalization or Retreat? Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. 2012. January 12. URL: <https://carnegieendowment.org/2012/01/12/democracy-promotion-under-obama-revitalization-or-retreat-event-3507> (дата обращения: 14.06.2020)
27. Democracy, Human Rights and Governance. USAID. 2020. October 14. URL: www.usaid.gov/democracy (дата обращения: 15.10.2020)
28. Elections. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. URL: <https://www.osce.org/odihr/elections/> (дата обращения: 15.10.2020)
29. Carothers T. Democracy Promotion Under Trump: What Has Been Lost? What Remains? Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace. 2017. September 6. URL: <https://carnegieendowment.org/2017/09/06/democracy-promotion-under-trump-what-has-been-lost-what-remains-pub-73021> (дата обращения: 15.10.2020)
30. Steinberger M. George Soros Bet Big on Liberal Democracy. Now He Fears He Is Losing. *The New York Times Magazine*. 2018. July 17. URL: <https://www.nytimes.com/2018/07/17/magazine/george-soros-democrat-open-society.html> (дата обращения: 15.10.2020)
31. Панфилова В. Киргизии предрекают белорусский сценарий. После выборов страну может охватить волна беспорядков. *Независимая газета*. 2020. 1 сентября. URL: https://www.ng.ru/cis/2020-10-01/1_7979_kyrgyzstan.html (дата обращения: 15.10.2020)

REFERENCES:

1. National Security Strategy of the United States of America//The White House, December, 2018. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf> [Accessed: 24.07.2020]
2. United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity. The Department of State. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2020/02/FINAL-CEN-Strategy-Glossy-2-10-2020-508.pdf> [Accessed: 24.07.2020]
3. Strokan S., Chernenko E., Krivosheev K., Konstantinov A., Kozlov D. Russia in a ring of visits. Secretary of State Pompeo announced the US claims to the post-Soviet space. *Kommersant*. 2020. 2 March. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4241536> [Accessed: 24.07.2020]
4. The United States and Kazakhstan: An Expanded Strategic Partnership in the 21st Century. 2018. URL: <https://kz.usembassy.gov/ru-us-kz-21st-century-joint-statement-ru/> [Accessed: 24.07.2020]
5. Uzbekistan and the USA: the “historical” era of strategic partnership has begun. 2018. 22 May. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2018/05/22/feature-01 [Accessed: 26.08.2020]

6. The USA said they are not trying to restore the military presence in Uzbekistan. 2018. May 16. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5206462> [Accessed: 26.08.2020]
7. The United States resumes cooperation with Kyrgyzstan to create problems for Russia. 2020. 23 March. URL: <https://news-front.info/2020/03/23/ssha-vozbnovyayut-sotrudnichestvo-s-kyrgyzstanom-dlya-sozdaniya-problem-rossii/> [Accessed: 26.08.2020]
8. American weapons for Tajikistan: against whom. 2018. 17 October. URL: <https://tj.sputniknews.ru/analytics/20181017/1027139758/usa-tajikistan-oruzhie.html> [Accessed: 26.08.2020]
9. Tajikistan and the North Atlantic Treaty Organization. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan. URL: <https://www.mfa.tj/ru/main/view/191/tadzhikistan-i-organizatsiya-severoatlanticheskogo-dogovora> [Accessed: 21.08.2020]
10. The United States and Turkmenistan are expanding cooperation in the field of security and the fight against terrorism. 2020. 2 February. URL: https://central.asia-news.com/ru/articles/cnmi_ca/features/2020/02/06/feature-02 [Accessed: 21.08.2020]
11. Zhiltsov S.S., Zonn I.S. USA in pursuit of the Caspian Sea. Moscow: International Relations; 2009. 193 p.
12. Pangireeva Z. United States of America in Kazakhstan's foreign policy — priorities of mutual cooperation. URL: <https://articlekz.com/article/10759> [Accessed: 21.08.2020]
13. U.S. — Kazakhstan Bilateral Trade and Investment. The Office of the United States Trade Representative, 2020. 2 October. URL: <https://ustr.gov/countries-regions/south-central-asia/kazakhstan> [Accessed: 21.08.2020]
14. Falyakhov R. USA pays more: how Russia is losing Kazakhstan. Why Russia is inferior to the United States in the Kazakhstan market. 2020. 2 February. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2020/02/03/12941899.shtml> [Accessed: 21.08.2020]
15. Stolpovsky O. Has there been a cardinal breakthrough in economic relations between Uzbekistan and the United States? 2019. 1 September. URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2019-09-01--proizoshel-li-kardinalnyj-proryv-v-ekonomicheskikh-otnoshenijah-uzbekistana-i-ssha-i-44608> [Accessed: 17.07.2020]
16. Victoria C. What Are US Interests in Turkmenistan? 2019. 18 June. URL: <https://thediplomat.com/2019/06/what-are-us-interests-in-turkmenistan/> [Accessed: 17.07.2020]
17. US Agency for International Development. US Embassy in Tajikistan. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/embassy-ru/dushanbe-ru/sections-offices-ru/usa-id-tajikistan-ru/> [Accessed: 17.07.2020]
18. USAID Promotes Tourism Development in Tajikistan by Installing Navigation Signs to Cultural and Historical Sites. US Embassy in Tajikistan. URL: <https://tj.usembassy.gov/ru/pr-2-24-20-ru/?ga=2.130213135.1465864117.1603873406-859310284.1594219780> [Accessed: 17.07.2020]
19. Successful Annual Bilateral Kyrgyz-American Consultations: Building Our Partnership. US Embassy in the Kyrgyz Republic. 2019. July 31. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/successful-us-kyrgyz-annual-bilateral-consultations-building-our-partnership-ru/> [Accessed: 17.07.2020]
20. The US Embassy is co-organizing the first ever exhibition in Bishkek's history, the International Franchise and Trade EXPO. US Embassy in the Kyrgyz Republic. 2019. October 1. URL: <https://kg.usembassy.gov/ru/us-embassy-to-co-organize-first-ever-international-franchise-and-trade-expo-in-bishkek-ru/> [Accessed: 17.07.2020]
21. Lavrov pointed to the US desire to abuse the C5 + 1 format in Central Asia. 2018. 15 January. URL: <https://tass.ru/politika/4874195> [Accessed: 17.07.2020]

22. Pompeo discussed food security with the foreign ministers of Central Asian countries. 2020. 1 July. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/8856971> [Accessed: 14.06.2020]
23. The countries of Central Asia will create a common electricity market. 2019. 5 July. URL: <https://uz.sputniknews.ru/economy/20190705/11942633/Strany-Tsentralnoy-Azii-sozdadut-edinyy-rynok-elektroenergi.html> [Accessed: 14.06.2020]
24. National Security Strategy of the United States. 1993. 1 January. URL: <https://nssarchive.us/national-security-strategy-1993/> [Accessed: 14.06.2020]
25. Carothers T. U.S. Democracy Promotion During and After Bush. Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace. 1999. URL: https://carnegieendowment.org/files/democracy_promotion_after_bush_final.pdf [Accessed: 14.06.2020]
26. Democracy Promotion Under Obama: Revitalization or Retreat? Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace. 2012. 12 January. URL: <https://carnegieendowment.org/2012/01/12/democracy-promotion-under-obama-revitalization-or-retreat-event-3507> [Accessed: 14.06.2020]
27. Democracy, Human Rights and Governance. USAID. October 14, 2020. URL: <https://www.usaid.gov/democracy> [Accessed: 15.10.2020]
28. Elections. OSCE Office for Democratic Institutions and Human Rights. URL: <https://www.osce.org/odihr/elections/> [Accessed: 15.10.2020]
29. Carothers T. Democracy Promotion Under Trump: What Has Been Lost? What Remains? Washington DC: Carnegie Endowment for International Peace. 2017. September 6. URL: <https://carnegieendowment.org/2017/09/06/democracy-promotion-under-trump-what-has-been-lost-what-remains-pub-73021> [Accessed: 15.10.2020]
30. Steinberger M. George Soros Bet Big on Liberal Democracy. Now He Fears He Is Losing. *The New York Times Magazine*. 2018. July 17. URL: <https://www.nytimes.com/2018/07/17/magazine/george-soros-democrat-open-society.html> [Accessed: 15.10.2020]
31. Panfilova V. Kirghizia predict the Belarusian scenario. After the elections, the country may be engulfed in a wave of unrest. *Nezavisimaya Gazeta*. 2020. 1 October. URL: https://www.ng.ru/cis/2020-10-01/1_7979_kyrgyzstan.html [Accessed: 15.10.2020]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Владимир А. Пономарев, Министерство иностранных дел России, Москва, Россия; 119200, Москва, Смоленская-Сенная пл., д. 32/34;
vaponomarev2017@mail.ru

Vladimir A. Ponomarev, Foreign Ministry of the Russian Federation, Moscow, Russia; bld. 32/34, Smolenskaya-Sennaya sq., Moscow, 119200
vaponomarev2017@mail.ru



Энциклопедизация Средиземноморского пространства

Александр В. Семенов¹, Игорь С. Зонн²

Московский Университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия,

¹semen7777@gmail.com, ²zonnis@list.ru

Аннотация: Средиземное море, общность которого перекрыта многочисленными морями, окруженное тремя континентами Европой, Азией и Африкой представляет собой особый регион в географии, океанологии и мировой истории. Это единственное место в мире, где зародилось и сменялось много культур и человеческих цивилизаций, обогащая друг друга и давшие миру реперные точки развития. Как пишет Э. Брэдфорд, «Каждая часть Средиземного моря действительно имеет разный характер. Одна склонна к насилию, другая более спокойная, третья надежна, но подвержена периодическим вспышкам страсти, четвертая опасна и шизофренически непредсказуема». Многовековая терапия природы и человека сыграла здесь свою роль превратив Средиземноморье в центр торговли, рыболовства, туризма. Страны, окружающие его, а их двадцать одна хорошо описаны и известны, а потому нами перенесен акцент на одиннадцать акваторий, каждое из которых является частью пазла Средиземного моря.

Морская составляющая обогащает восприятие сопряженного контакта берегов с морем. Отразить это возможно в таком комплексном научно-популярном издании, как энциклопедия. Сегодня, когда Россия всей своей военно-морской мощью возвращается в Мировой океан и, в частности в Средиземное море, восстановленной Средиземноморской эскадрой важным аспектом становится приращение мореводческих знаний акваторий, которые всегда были в поле зрения царей, императоров и президентов России.

Ключевые слова: энциклопедия, Средиземное море, мореведение, регионалистика, геополитика

Для цитирования: Семенов А. В., Зонн И. С. Энциклопедизация Средиземноморского пространства. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(4):460-469. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-460-469>

Статья поступила 19.09.2020

Принята в печать 28.10.2020

Опубликована 01.12.2020

Mediterranean Region Encyclopedia

Aleksandr V. Semenov¹, Igor S. Zonn²
The Moscow Vite S.Yu. University, Moscow, Russia,
¹semen7777@gmail.com, ²zonnis@list.ru

Abstract: The Mediterranean Sea consisting of numerous seas is enclosed by three continents — Europe, Asia and Africa. It is a specific phenomenon in terms of geography, oceanology and world history. This is the only place in the world where many cultures and civilizations mutually enriching each other and giving to the world the benchmarks for development have appeared and alternated. As E. Bradford wrote “Each part of the Mediterranean Sea is really specific. One is apt to violence, other is more serene, the third is prone to periodical outbursts of fervor, the fourth is dangerous and unpredictable as schizophrenic.” The therapy of nature and man that lasted for many centuries has played its positive role having turned the Mediterranean into the center of trade, fishery and tourism. The countries surrounding the sea (there are twenty-one of them) are well described and well known that is why we concentrate on eleven water areas each of which makes a part in the general Mediterranean Sea puzzle.

The factor of the sea improves our perception of the land-sea interface and this can be described in such comprehensive scientific and popular publication as encyclopedia. Today when Russia with all its navy power returns to the World Ocean, in particular to the Mediterranean, using its renovated Mediterranean fleet the extension of navigation knowledge in this water area which had always been in the focus of tsars, emperors and presidents of Russia becomes a very important factor.

Keywords: encyclopedia, Mediterranean Sea, marine science, regional studies, geopolitics

For citation: Semenov A. V., Zonn I. S. Mediterranean Region Encyclopedia. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):460-469. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-460-469>

Received 19.09.2020

Revised 28.10.2020

Published 01.12.2020

ВВЕДЕНИЕ

Будущее нельзя понять и объяснить без изучения географо-исторического прошлого, ибо прошлого больше, чем будущего. Говоря о роли исторического подхода, известный российский философ А. И. Герцен писал: «Полнее сознавая происшедшее, мы уясняем современное; глубже опускаясь в смысл былого; раскрываем смысл будущего; глядя назад, шагаем вперед». Такое понимание явилось побудительной причи-

ной идеи создания региональных энциклопедий морей Мирового океана.

Энциклопедия — это особый вид книги, незаменимый с точки зрения практического прикладного использования. Это научное или научно-популярное справочное издание, содержащие систематизированный свод знаний прошлого и настоящего. Знаменитый французский философ и писатель Дени Дидро писал «цель энциклопедии —

собрать знания, рассыпанные по свету, привести в систему понятную для людей, ныне живущих и передать тем, кто придет после нас».

Создание любой энциклопедии — дело коллективное, но собрать коллектив, да еще международный — дело весьма непростое. Попытки создания таких коллективов делались неоднократно, но практически все они заканчивались постепенно пропадаящим желанием делать конкретную работу.

Составление Энциклопедии морей — это авторский подход, прежде всего к отбору естественно-исторических фактов, дающих, по нашему мнению, представление о прошлом и настоящем моря и окружающих его территорий, а потому на авторах лежит ответственность за возможные неточности и толкования, которые могут встретиться. Трудность отбора и написания статей заключалась с одной стороны в обилии научной и популярно-туристической информации, а с другой — тем, что эта информация подается на различных языках народов, проживающих на берегах моря.

Алгоритм написания и составления энциклопедий одинаков. Каждая Энциклопедия состоит условно из двух частей: комплексное описание моря и окружающих его территорий и хронологии основных исторических событий за определенный отрезок времени, как правило 500 лет.

Описание моря, и окружающих его территорий содержит от 500 до 700 статей в зависимости от его исторической значимости. В них дается характеристика географических объектов: рек, впадающих в него островов, проливов, заливов, бухт, мысов; сведения о прибрежных городах, морских портах, транспортных коммуникациях, основных водных биологических видах, заповедниках, национальных и международных программах по изучению моря, научных институтах, кораблей, морских катастроф,

морских битв и сражений, исторических памятниках, деятельности выдающихся путешественников и мореплавателей, исследователей, ученых и др.

При этом морская биология и подводный мир занимает существенный объем в каждой Энциклопедии. Это и понятно, поскольку моря отличаются значительным разнообразием фаунистического состава.

Все энциклопедии богато иллюстрированы цветными и черно-белыми фотографиями, схемами и картами. Следует отметить, что описание исторических мест и прибрежных городов дается в краткой форме изложения, учитывая наличие многочисленных отечественных и переводных западных изданий. Но при этом делается попытка связать эти описания непосредственно с морской деятельностью.

К сожалению, в последние годы практически не замечены российские океанографические экспедиции в моря Мирового океана, а потому при составлении энциклопедий российское участие базируется на советских исследованиях, которые и в прошлом были не очень значительными. Английский морской историк Линкольн Пейн в своей книге «Море и цивилизации». Мировая история в свете развития мореходства», пишет: «Мы живем в эпоху, многим обязанную морским походам и морскому делу, однако наше восприятие мореплавания радикально поменялось за какие-нибудь два-три поколения. То, что нашим предкам несло грозные опасности, для нас — отдых, мы пользуемся плодами морской коммерции как должным, не вспоминая о ее существовании — даже, если мы живем в городах, некогда разбогатевших на морской торговле. Рассматривая исторические процессы, связанные с морем, мы должны учитывать эту смену подхода и помнить, что за последние полвека всеобщее отношение к деятельности, свя-

занной с морем, претерпело глубинные изменения» [1].

По разным оценкам в мире насчитывается до 90 морей и 5 океанов, каждый из них имеет свою историю открытий, изучения и освоения, требующую письменного освещения.

МОРСКАЯ РЕГИОНАЛИСТИКА

Мировой океан является важным объектом регионоведения. Моря, входящие в состав океанических бассейнов, представляют особый интерес и их изучение, как части, омывающих конкретные страны, находящиеся на их берегах, рассматриваются морской регионалистикой. Как известно, регионалистика — это междисциплинарная наука, изучающая объективные процессы регионализации. Актуальность идеи морской регионалистики, определяется общемировыми тенденциями, как одного из ключевых факторов в международных морских отношениях.

Впервые в 2004 г. начал осуществляться региональный проект «Моря России», который заключался в составлении Энциклопедий морей, омывающих Россию. Как известно, берега России омывают 13 морей бассейнов трех океанов — Атлантического, Северного Ледовитого и Тихого. За прошедшие годы были составлены энциклопедии Каспийского, Черного (совместно с Азовским), Балтийского, Белого, Баренцева, Карского, Лаптевых, Восточно-Сибирского, Чукотского, Берингова, Охотского и Японского морей опубликованные ведущим российским издательством «Международные отношения». Кроме того, была составлена «Энциклопедия Северный Ледовитый океан» в двух томах, с предисловием известного полярника Героя Советского Союза и России А. Н. Чилингарова. К изданию вышеперечисленных энциклопедий проявило интерес крупнейшее немецкое научное издательство «Springer». По его просьбе

Московский Университет им. С. Ю. Витте совместно с Институтом океанологии им. П. П. Ширшова осуществил перевод указанных энциклопедий на английский язык, подбор иллюстраций и выполнил редактирование текстов для издания.

В результате издательством опубликованы энциклопедии (на английском языке) Каспийского, Черного морей, Восточных Арктических морей (объединенные в одной книге моря Лаптевых, Восточно-Сибирское и Чукотское) и Западных Арктических морей (также объединенные в одной книге Баренцево, Белое, Карское моря). В ближайшее время планируется издание Энциклопедии Балтийское море и Дальневосточных морей (объединенные в одной книге Баренцево, Охотское и Японское моря).

Процесс составления и значимости изданий перечисленных энциклопедий российской морей подробно рассмотрены в работе А. В. Ишина «Энциклопедический подход к морской истории России». Укажем лишь один вывод, к которому он пришел. «Новизна работы заключается в том, что впервые как в СССР, так и в России создана Энциклопедия морей России, в которой проведена систематизация исторических и фактических документов, дающие полное географическое представление о морях. Впервые предложен новый концептуальный подход, позволивший соединить географо-океанографические характеристики с социально-экономическими и геополитическими проблемами морей России [2].

В связи с усилением Российского Военно-морского флота и выхода его на просторы Мирового океана встает вопрос о расширении исследований в области морской регионалистики.

СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Исходя из того, что ранее была издана «Черноморская Энциклопедия», а Черное

море является внутренним морем, входящим в состав бассейна Средиземного моря, возникла идея составления Энциклопедий отдельных Средиземноморских морей. Чтобы в последующем, объединив их, создать «Энциклопедию Средиземного моря».

Средиземное море — одно из самых крупных морей Мирового океана колыбель европейской цивилизации, мореходного искусства и морской культуры. С древнейших времен оно служило и служит ареной экономического, политического и культурно-туристического общения, объединения и сотрудничества народов мира. Образцом служит исторический опыт древнегреческой и римской цивилизаций, создавших эффективные эксцентрированные системы вокруг Средиземного моря. Британский историк и моряк Эрнл Брэдфорд в своей замечательной книге «История средиземноморского побережья» пишет: «Нигде в мире больше нет такого места, где зародилось бы так много культур и цивилизаций, которые двигались по его изумрудным водам, обогащая друг друга. Богатство Средиземноморья обуславливается тем фактом, что море окружено тремя континентами, что привело к постоянному обогащению между расами, их населяющими. Были века, когда оно оставалось дремлющим, как поле под паром, но их всегда сменяли периоды большой активности» [3].

Главные причины, почему нами выбрано Средиземное море, две. Первая — это историческое присутствие и морские победы в его водах российского флота в XVIII–XIX вв. (впервые российские военные корабли появились в Средиземноморье в 1769 г.). Вторая причина — после длительного перерыва новая Россия в 2000 годы вернулась своей военно-морской мощью в его акваторию с единственной российской военно-морской базой за рубежом — Тартус в Сирии. (В 1971 г. Совет-

ский Союз заключил с Сирией соглашение об использовании порта для маневренного базирования.) [4, 5].

В ряде работ подчеркивается интерес к Средиземноморью и даже предлагается выделение макрорегиона Большого Средиземноморья, что вызвано восстановлением Средиземноморской эскадры ВМФ РФ, действий Вооруженных сил в Сирии, выстраивание новых политико-дипломатических отношений со странами Средиземноморья [6]. Этому также отвечает и предложенная в 2013 г. идея китайского правительства о создании «Одного пояса и одного пути», (Экономического Шелкового пояса и Морского Шелкового пути XXI века). Экономический пояс Шелкового пути рассматривает в качестве приоритетного одно из трех направлений сотрудничества — Китай — Центральная Азия — Западная Азия — Персидский залив и, соответственно, Средиземное море.

В Морскую доктрину Российской Федерации, утвержденную Президентом РФ в 2015 г. среди региональных направлений национальной морской политики включено Средиземное море. Среди решения долгосрочных задач здесь отмечено: проведение целенаправленного курса на превращение региона в зону военно-политической стабильности и добрососедства; обеспечение достаточного военно-морского присутствия Российской Федерации в регионе на постоянной основе; развитие круизного судоходства из портов Крыма и Краснодарского края в страны Средиземноморского бассейна.

Руководствуясь пониманием стратегического значения Средиземного моря, отличающегося уникальными природными условиями, богатейшей историей, и в тоже время политической нестабильностью нами начато осуществление идеи создания его энциклопедического описания.

Средиземное море, межматериковое море бассейна Атлантического океана, с которым оно связано проливом Гибралтар. В истории оно носило много имен: римляне называли его Наше море (Mare Nostrum) или Внутреннее море (Mare Interum); Великое море, Римское, Византийское, Сирийское моря. Расположенное между тремя континентами — Европой, Азией и Африкой оно на сегодня омывает берега 21 страны Испании, Гибралтар (спорная территория принадлежит Великобритании с 1713 г. (Утрехтский мирный договор), но оспаривается Испанией), Франции, Монако, Италии, Мальты, Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории, Албании, Греции, Турции, Сирии, Кипра (Кипр — островное официально единое государство — Республика Кипр, неофициально разделено на 2 части — греческую и турецкую: Республика Кипр и Турецкая Республика Северного Кипра), Ливана, Израиля, Египта, Ливии, Туниса, Алжира и Марокко с населением более 400 млн чел. Географы, гидрографы, историки и местное население, как правило в Средиземном море выделяет 11 морей — Балеарское, Альборанское, Тирренское, Лигурийское, Ионическое, Адриатическое, Эгейское, Критское, Ливийское, Кипрское, Левантское. С такой раздробленностью не согласна Международная гидрографическая организация (МГО). Она выделяет в нем 8 внутренних водоемов: Гибралтарский пролив; Альборанское, Балеарское, Лигурийское, Тирренское, Ионическое, Адриатическое и Эгейское моря. Нами для составления энциклопедий выбран формат МГО.

Классический труд французского историка Фернана Броделя «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» (1949) показал новый подход к морской истории. Именно в ней был представлен «пионерный, и комплексный анализ,

то есть с учетом экономических и географических факторов при анализе исторического процесса. Именно после этой работы, как отмечает уже упоминавшийся историк Л. Пейн «Историки морского дела, вдохновленные блестящим анализом взаимосвязей между географией, экономикой, политикой, военным делом и культурой, отошли от национальных парадигм и начали считать каждый из морских и океанских бассейнов неделимой единицей изучения» [1].

В результате появилось множество работ. В частности только в последнее время среди работ по Средиземному морю, можно назвать Braudel «The Mediterranean» («Средиземноморье») (1999), Peregrine Horden and Nicholas Purull «The Corrupting Sea: A Study of Mediterranean History» («Коррупционное море: изучение средиземноморской истории») (2000), Predrag Matvejevic «Mediterranen: A Cultural Landscape» («Средиземноморье: Культурный ландшафт») (1999).

После окончания Второй Мировой войны постепенно стал развиваться туризм, который к началу XXI века превратился в туристический бум, поскольку к аристократам послевоенного периода присоединилась масса среднего класса. Средиземное море в целом — это особый, отдельный мир туризма, который на сегодня перекрыл доходность внутренней морской торговли и рыболовства. Он для стран, расположенных на берегах Средиземного моря стал экономикаобразующей отраслью.

Реставрация контактной береговой зоны с морем «обычаи, привычки, формы труда, нормы поведения, пережившие века и составлявшие суть жизни стран или островов были вынуждены вписываться или встраиваться в веление потребительского желания, особенно туризма.

Природно-климатические и рекреационные ресурсы побережий всех морей, входящих в состав Средиземного моря,

обеспечивающие удобные условия для отдыха и туризма, представляют особый интерес в качестве уникальных природных особенностей.

ЭНЦИКЛОПЕДИИ СРЕДИЗЕМНОМОРСКИХ МОРЕЙ

С учетом хороших научных и деловых контактов с руководством Института Морской биологии в Которе, Черногория, для создания первой энциклопедии проекта «Моря Средиземноморья» нами было выбрано Адриатическое море.

Это было обусловлено растущей популярностью побережья этого великолепного, чистейшего моря, с многочисленными живописными островами, заливами и бухтами, его роскошными пляжами, необычной красотой гор, историческими памятниками, развлекательными, спортивными, туристическими и культурными центрами.

Адриатическое море, являясь крупным заливом Средиземного моря, с древних времен стало колыбелью европейской цивилизации, мореходного искусства, морской культуры и торговли. Находясь между восточным побережьем Апеннинского полуострова и западным — Балканского полуострова, море омывает своими водами берега шести стран, входящих в ЕС (кроме Боснии-Герцеговины), Италии, Хорватии, Словении, Черногории и НАТО (кандидат в члены), Боснии и Герцеговины, Албании с населением свыше 75 млн человек.

Своей историей Адриатическое море связано с Россией. В 1806–1807 гг. в Бока-Которской бухте стояла эскадра под командованием российского адмирала Д. Н. Синявина. Здесь же в Которе сохранилось здание, где в 1804–1806 гг. располагалось Российское консульство. В честь его 200-летия на его фасаде в 2004 г. была установлена мемориальная доска. В послевоенный период в Которе (бывшая Югославия)

располагалась военно-морская база СССР. В другом городе адриатического побережья Черногории в Герцег-Нови в его старой части установлен памятник «Героям морских сражений на Адриатике», в том числе морякам Российского флота в 1805-1807 гг., защищавшим Которскую бухту от завоеваний Наполеона.

Первое издание «Энциклопедии Адриатического море» состоялось в 2014 г., второе в 2017 г. Создание совместной российско-черногорской энциклопедии явилось «спусковым крючком» для развития дальнейшей совместной работы и укрепления связей и сотрудничества с учебными и научными организациями Черногории.

В рамках подписанного в 2018 г. Соглашения между Московским Университетом им. С. Ю. Витте и Государственным Университетом Черногории, и Институтом морской биологии была продолжена дальнейшая научно-исследовательская работа по изучению Бока-Которской бухты Адриатического моря, представляющей собой один из крупнейших фьордов Европы. Итогом явилось издание уже упомянутым издательством «Springer» фундаментальной научной работы «The Boka-Kotorska Bay Environment», которую теперь часто в Черногории называют «Библией Бока-Котора». Эта работа была высоко оценена во время ее презентации в Государственном Университете Черногории в столице Подгорице и принцем Монако Альбером II в 2019 г. во время его посещения Института Морской биологии в Которе. В продолжение работ по изучению состояния Адриатического моря на базе этой указанной работы было предложено создать отдельную научную монографию «The Adriatic Sea Environmental», как это уже делалось нами на базе энциклопедий Каспийского и Черного морей (монографии были опубликованы издательством «Springer»), что могло

бы придать проблеме изучения Адриатического моря в акватории Черногории определенную полноту и междисциплинарность, а также послужить катализатором для постановки дальнейших исследований. Такая монография с участием российских ученых написана и подготовлена к печати издательством «Springer»: «Адриатическое побережье Черногории: Химическое загрязнение моря» («The Montenegrin Adriatic Coast: Marine Chemistry Pollution»).

В 2019 г. была опубликована «Энциклопедия Ионического моря», которое также является частью Средиземного моря, располагалась между южными оконечностями Балканского и Апеннинского полуостровами и островами Крит и Сицилия. Оно соединено на севере проливом Отранто с Адриатическим морем, на западе — Мессинским проливом с Тирренским морем. Омывает берега трех стран Албании, Греции, Италии.

В 2020 г. опубликована «Энциклопедия Эгейского моря», полузамкнутого моря, занимающее восточную часть Средиземного моря между Балканским полуостровом, Малой Азией и островом Крит. Через проливы оно связано с Мраморным, Ионическим и Средиземным морями. Омывает берега современных Греции и Турции. В этом же году закончено составление «Энциклопедия Тирренское море», входящего в состав Средиземного моря у западного побережья Италии, между Апеннинским полуостровом и островами Сицилия, Сардиния, Корсика и Эльба. Воды Тирренского моря омывают практически одну страну Италию, хотя очень небольшая часть акватории принадлежит Франции в районе острова Корсика.

В работе находится пятая книга — «Энциклопедия Лигурийское и Балеарское моря», которая планируется к изданию в 2021 г. Затем последует шестая — «Энци-

клопедия Альборанское море и Гибралтар», седьмая — «Энциклопедия Мраморное море и проливы Босфор и Дарданеллы». И наконец, сводный том на базе ранее опубликованных энциклопедий, «Энциклопедия Средиземное море», которая закончит описание, этого региона Мирового океана.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Создание энциклопедий — это интеллектуальный сервис, суть которого в инициировании и обновлении новых мировых знаний о морях. Средиземное море и его окружение становится все более значимым для Российской Федерации. Военно-стратегический стимул разведывательных экспедиций еще никто не отменял, а потому присутствие российских военных кораблей в акватории моря будет действовать отвлекаясь на попытки НАТО дестабилизировать южно-европейский морской фланг. Предложенный формат и контент Энциклопедий может послужить определенной базой отправной, точкой для возбуждения мыслей у ученых и исследователей, и их изложений в письменном или электронном виде для продолжения подобных работ.

Реализация такого крупного проекта как «Моря Средиземноморья» связана с наращиванием образовательного и научного потенциала в области морской регионалистики и распространения знаний среди широкой общественности о проводимой университетом работы. Как отмечается в Морской доктрине РФ «Кадровое обеспечение, морское обучение и воспитание играют важную роль в повышении эффективности морской деятельности. Они направлены на подготовку, привлечение и сохранение квалифицированных кадров всех уровней, поддержание профессионализма, морских традиций и равнодушного отношения граждан к морской истории страны, служат позитивному представлению,

пропаганде и поддержке национальной морской политики, морской деятельности и морской службе в обществе».

Выход российского флота в Мировой океан, в частности и на Средиземное море, важнейший императив на ближайшую перспективу, но как отмечает А. Пилясов, директор Центра экономики Севера и Арктики СОПС «Сохранение российского присутствия в Арктике (сказанное можно отнести к Средиземноморью — авторы) обеспечивается прежде всего наличием не военных судов и флотов, а исследовательских судов, экспедицией и всей системы научного наблюдения за природными социальными процессами» [7].

К сожалению, приходится отмечать, что ментальность и политизированность российской науки и ее отношение к интер-

национализации исследований не позволяют включиться в полной мере в международные проекты, стать международными партнерами с учетом опоры на международные финансовые ресурсы западных стран с тем, чтобы заполнить лакуну пробелов в изучении Мирового океана.

Изложенное здесь, хотелось бы закончить перефразированием слов британского морского историка, автора «Военно-морской истории Великобритании» («Гарантия моря» и «Команда океана») Николаса Роджера. «Написание (составление) Энциклопедий морей мира стало бы великим деянием, и даже если первая попытка провалится, авторам все же зачтется в заслугу то, что они подвигнут к той же цели других, более достойных исследователей» [8].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Пейн Л. Море и цивилизация. Москва: АСТ; 2013. с. 832.
2. Ишин А. В. Энциклопедический подход к морской истории России. *Проблемы постсоветского пространства*. 2017;4:297-306.
3. Брэдфорд Э. История Средиземноморского побережья. Москва: Центрполиграф; 2019. с.543
4. Русские и советские моряки на Средиземном море. Москва: Воениздат; 1976. С. 23-45.
5. Широкоград А. Б. Россия на Средиземном море. Москва: Вече; 2013. 286 с.
6. Чихарев И. А., Бровко В. Ю. Цифровое регионоведение Большого Средиземноморья: контуры исследовательской программы. *Русская политология*. 2018;4(9):47-54.
7. Пилясов А. Н. Научные исследования и инновации в Арктическом регионе. В кн.: Арктический регион. Проблемы международного сотрудничества. Т. II. Москва: Аспект Пресс; 2013. С. 361-369.
8. Rodger N. A. M. Considerations on Writing a General Naval History. In *Doing Naval History: Essays Toward — Improvement*. Ed. by Jonh B. Hattendorf. Newport: Naval War College Press; 1995 pp. 117-128.

REFERENCES:

1. Pein L. Sea and Civilization. Moscow: AST; 2013. P. 832. (in Russ.)
2. Ishin A. V. Encyclopedic Approach to Marine History of Russia. *Post-Soviet Issues*. 2017;4:297-306. (in Russ.)
3. Bradford E History of the Mediterranean Coast. Moscow: Centrpoligraf; 2019. P. 543. (in Russ.)
4. Russian and Soviet Seamen in the Mediterranean Sea. Moscow: Voenizdat; 1976. 23-45 p. (in Russ.)

5. Shirokorad A. B. *Russia in the Mediterranean Sea*. Moscow: Veche; 2013. 286 p. (in Russ.)
6. Chikharev I. S., Brovko V. Yu. Digital Regional Study of the Great Mediterranean: Outlines of Research Program. *Russian Politology*. 2018;4(9):47-54. (in Russ.)
7. Pilyasov A. N. Researches and Innovations in the Arctic Region. In: Arctic Region. Problems of International Cooperation. Vol. II. Moscow: Aspekt Press; 2013. P. 3614-369. (in Russ.)
8. Rodger N. A. M. Considerations on Writing a General Naval History. In *Doing Naval History: Essays Toward — Improvement*. Ed. by Jonh B. Hattendorf. Newport: Naval War College Press; 1995 pp. 117-128.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александр В. Семенов, Доктор экономических наук, Московский Университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия; 115432, Россия, Москва, Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1;

semen7777@gmail.com

Игорь С. Зонн, доктор географических наук, академик РАЕН, Московский Университет им. С. Ю. Витте, Москва, Россия; 115432, Россия, Москва, Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1;

zonnis@list.ru

Aleksandr V. Semenov, Doctor of Economic Sciences, The Moscow Vitte S. Yu. University, Moscow, Russia; bld. 12/1, Koguchovski str., Moscow, 115432, Russia;

semen7777@gmail.com

Igor S. Zonn, Doctor of Geography, Academician of RANS, The Moscow Vitte S. Yu. University, Moscow, Russia; bld. 12/1, Koguchovski str., Moscow, 115432, Russia;

zonnis@list.ru



Российско-узбекское сотрудничество: риски и потенциал развития

Аза А. Мигранян

Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия,

n.mihranyan@yandex.ru

Аннотация: В условиях жесткой геополитической и экономической конкуренции развитие российско-узбекского экономического сотрудничества приобретает особое значение с точки зрения продвижения евразийской интеграции и формирования экономического пояса партнерства России. Экономический потенциал, уровень диверсификации отраслей и их технологичности, сбалансированная стратегия внешнеэкономического сотрудничества Узбекистана в наибольшей степени способствуют достижению этих задач. В данном контексте в статье преследуется цель выявления перспективных направлений развития экономического сотрудничества на основе комплексной оценки состояния, рисков и потенциала экономического сотрудничества. В исследовании использованы методы экономического анализа, системной оценки состояния и перспектив развития различных сфер сотрудничества между странами.

Основным фактором роста интенсивности торгово-экономического взаимодействия между Россией и Узбекистаном является новый трек политико-экономических ориентиров, смены внутренней экономической политики и либерализация валютно-обменных операций. Внутренние реформы стали стимулирующей платформой для активизации двусторонних соглашений по расширению сотрудничества, что получило свое отражение в росте взаимного торгового оборота, продвижению и активизации инвестиционных проектов и проектов по промышленной кооперации. Интенсификация российско-узбекского экономического сотрудничества позволит сбалансировать центры силы в региональной интеграции.

Ключевые слова: Взаимный торговый оборот России и Узбекистана, инвестиционное сотрудничество, макроэкономическое регулирование евразийская интеграция

Для цитирования: Мигранян А. А. Российско-узбекское сотрудничество: риски и потенциал развития. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(4):470-484. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-470-484>

Статья поступила 12.10.2020

Принята в печать 19.11.2020

Опубликована 01.12.2020

Russian-Uzbek Cooperation: Risks and Development Potential

Aza A. Migranyan

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,

n.migranyan@yandex.ru

Abstract: In the context of tough geopolitical and economic competition, the development of Russian-Uzbek economic cooperation is of particular importance in terms of promoting Eurasian integration and forming the economic partnership belt of Russia. The economic potential, the level of diversification of industries and their technological effectiveness, and a balanced strategy of foreign economic cooperation of Uzbekistan contribute to the achievement of these goals to the greatest extent.

In this context, the article aims to identify promising areas for the development of economic cooperation based on a comprehensive assessment of the state, risks and potential of economic cooperation. The study uses methods of economic analysis, systematic assessment of the state and prospects of development of various areas of cooperation between countries.

The main factor in increasing the intensity of trade and economic cooperation between Russia and Uzbekistan is the new track of political and economic guidelines, changes in domestic economic policy, and the liberalization of currency exchange operations. Internal reforms have become a stimulating platform for activating bilateral agreements on expanding cooperation, which is reflected in the growth of mutual trade turnover, promotion and activation of investment and industrial cooperation projects. The intensification of Russian-Uzbek economic cooperation will help balance the centers of power in regional integration.

Keyword: Mutual trade turnover between Russia and Uzbekistan, investment cooperation, macroeconomic regulation and Eurasian integration

For citation: Migranyan A. A. Russian-Uzbek cooperation: risks and development potential. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):470-484. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-470-484>

Received 12.10.2020

Revised 19.11.2020

Published 01.12.2020

ВВЕДЕНИЕ

Узбекистан (Республика Узбекистан¹) — наиболее густонаселенная страна в Центральной Азии, с динамично растущей экономикой, которая имеет наибольший из всех стран региона уровень диверсифи-

кации. Это индустриально-аграрная страна, экономическая политика, которой была направлена на импортозамещение и самообеспечение, наращивание индустриального сектора (переработки добываемого сырья).

¹ Официальное название

Реализация данной стратегии позволила республике существенно нарастить мощности перерабатывающего комплекса, используя доходы растущих объемов экспорта сырьевых ресурсов (золото, газ) [1].

Экономическая модель Узбекистана отличается высокой степенью централизации, закрытостью внутреннего рынка, особенно до 2016 г. С приходом к власти второго президента Ш. Мирзиёева началась либерализация экономики, сняты ограничения тотального контроля в банковской системе, разрешено свободное движение на валютном рынке, ослаблено давление режима фиксированного валютного курса с перспективой перехода на управляемое плавание [2]. Снижение администрирования экономической деятельности благотворно сказалось на росте предпринимательской активности, что обусловило стабилизацию социально-экономической ситуации и усилило стрессоустойчивость экономики в период кризисов. Учитывая большое значение экспорта сырьевых ресурсов в экономике Узбекистана, влияние внешних шоков, вызванных колебаниями цен на мировых рынках, оказалось ощутимым, но не столь критичным как для других стран Центральной Азии (ЦА). Фактором относительной стабильности в период кризисных спадов является политика равноудаленности от интеграционных проектов [3].

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

Узбекская экономика характеризовалась стабильно высокими темпами роста 7,8 % (2011 г.) и 5,6 % (2019 г.), в долларовом эквиваленте наблюдался спад до 28 % в 2017 г.², что было связано с реформой

по либерализации валютного курса (отказом от фиксированного курса и переходом на свободный без ограничений обмен валют на внутреннем рынке) [4]. Драйвером экономического роста республики являются промышленный сектор, сектор услуг и строительства, заметно сокращаются темпы роста сельского хозяйства и розничной торговли.

Доля продукции промышленного производства, которая включает добычу и переработку минеральных ресурсов и металлов, произведенной электроэнергии, продукцию химической промышленности, нефтехимической переработки, машиностроения и металлообработки, переработки древесины, производство строительных материалов, легкой и пищевой промышленности, выросла с 49 % до 63 % от общего объема произведенного валового продукта в период с 2011–2019 гг., из них одна треть произведенной продукции промышленности приходилась на потребительские товары и две трети на сырье и полуфабрикаты. За тот же период наблюдалось сокращение доли продукции сельского хозяйства и ее переработки до 17–18 %, вклад розничной торговли составил менее 18 %³.

Сфера МСБ на внутреннем рынке Узбекистана характеризовалась высокими темпами развития в сегменте услуг и торговли (прирост 17,2 % и 13 % в 2011 г. и 13,2 % и 7,9 % в 2019 г.), который формирует более трети производимого в стране ВВП (39,5 % и 37,4 % соответственно). Развито мелкое производство фермерских (деханских) хозяйств, которые составляют более 90 % всего объема произведенного сельскохозяйственного продукта. Сбалансированность

² По статистическим базам данных Государственного комитета по статистике РУз (доступно по URL: stat.uz) и UNCTAD. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?IF_ActivePath

³ По статистическим базам данных Государственного комитета по статистике РУз (доступно по URL: stat.uz) и UNCTAD. URL: http://unctadstat.unctad.org/wds/ReportFolders/reportFolders.aspx?IF_ActivePath

структуры экономики Узбекистана обеспечивается устойчивостью связей на внешних рынках [5], сохранением системы централизованного контроля через индикативное планирование и государственный сектор в экономике [6]. Диверсификация экономики Узбекистана регламентируется программами развития на уровне государственного стратегического планирования и поэтапного реформирования финансового сектора (снятие валютных ограничений, отмены фиксированного валютного курса, квотирования объема платежно-расчетных операций и т.п.). Стоит отметить, что реформы финансового сектора повлияли на рост темпов инфляции с устойчивых 6–7 % в 2000–2016 гг. и до 14–15 % в 2017–2019 гг., либерализация валютнообменных операций и поэтапный отказ от фиксированного курса привела к легализации теневого рынка и соответственно переноса инфляционных эффектов в легальный сектор экономики. При этом негативный эффект инфляционного роста погашается ростом инвестиционной активности и внешнеторгового оборота.

ИНВЕСТИЦИОННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, ПРИСУТСТВИЕ РОССИЙСКОГО КАПИТАЛА В УЗБЕКСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

Высокий уровень обеспеченности природными ресурсами, особенно минерального топлива и металлов (золота) является основным фактором инвестиционной привлекательности Узбекистана, также инвестиционный приток стимулировался сбалансированной политикой государства, которая обеспечивала преференциальный режим для иностранных инвесторов. Безусловным конкурентным преимуществом является сбалансированная политика фор-

мирования управляемого пакета портфельных инвестиций в каждом проекте (узбекское правительство старается формировать инвестиционный портфель проекта в равных долях между несколькими инвесторами, сохраняя контрольный пакет за государством), обязательность выполнения инвестиционных контрактов. Эти преимущества, несвойственные другим республикам региона, обеспечивают высокий темп инвестиционного притока несмотря на закрытость экономики и низкий уровень свобод [7].

По данным статистики ВБ прямые инвестиции в Узбекистан выросли в 16 раз за 1993–2014 гг. — до 808 млн долл.⁴, с 2011 г. по 2019 г. на 71 % и составили 2286,3 млн долл. в 2019 г. На протяжении исследуемого периода характер прямых инвестиций отличался цикличностью, наибольший темп роста наблюдался в 2016 г. 159 % к 2015 г., наименьший прирост в 2018 г. (-65,2 %). Уровень прямых инвестиций к ВВП вырос с 3 % до 4,1 % за 2011–2019 гг.⁵

Отраслевая структура прямых инвестиций в Узбекистане характеризуется преобладанием финансовых вложений в добычу (11 %) и переработку энергетических ресурсов (19 %), газо- и нефтехимию (27 %), при этом инвестиции в большей степени направляются на технологическое обеспечение и развитие этих отраслей, что увеличивает глубину переработки и уровень доходности от экспорта сырьевых ресурсов [8]. В развитие и модернизацию перерабатывающих отраслей неэнергетического сектора вкладываются около 11 %, в развитие транспорта и инфраструктуры — 4 %, по 3 % на развитие строительной индустрии и связи, информационных технологий.

⁴ По базе данных The World Bank. URL: http://ru.theglobaleconomy.com/Uzbekistan/Foreign_Direct_Investment/

⁵ По данным статистической базы UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/>

По данным Министерства инвестиций и внешней торговли РУз географическая структура притока внешних инвестиционных ресурсов по итогам 2019 г. расширилась до 50 стран, но пятерка основных стран кредиторов по всем видам инвестиций остается неизменной: в 2019 г. Китай — лидер, на долю которого приходилось 26,2 % всех инвестиций, российские инвестиции составляют 10,6 % (второе мест), турецкие инвестиции — 5,2 %, инвестиции Германии — 3,3 %, инвестиции Швейцарии 2,9 %⁶. В 2012 г. география иностранных инвестиций была следующая: на долю российских инвестиций приходилось 37 % всего притока финансовых ресурсов, инвестиции Южной Кореи составляли 21 %, США — 9 %, стран АСЕАН — 7 %, китайские инвестиции занимали 4 %, а британские — 3 %⁷. Смена лидеров обусловлена реализацией проекта газопровода «Центральная Азия — Китай» и других проектов в нефтегазовой сфере.

В целом динамика иностранных инвестиций достаточно высокая, из всех источников привлеченных средств (70 %) доля иностранных инвестиций и кредитов выросла с 23,8 % в 2017 г. до 43,6 % в 2019 г. от стоимости основного капитала.

Общий объем иностранных инвестиций в 2019 г. составил 13,3 млрд долл., из них объем прямых инвестиций — 9,3 млрд долл., международных кредитных организаций — 4 млрд долл. Несколько изменилась и отраслевая структура назначения иностранных инвестиций: наибольший рост инвестиций наблюдался в модернизацию электроэнергетики (7,5 раз),

добыча и переработка металлов в 4,6 раза, модернизацию текстильной промышленности в 2,5 раза, переработку кожи и обувной промышленности в 2,1 раза, в нефтегазовый сектор — в 2 раза по сравнению 2018 г.

Динамика роста инвестиций обусловлена также и существенным улучшением позиции Узбекистана в рейтинге Doing Business ВБ (в 2012 г. 166 место, в 2019 г. 76 место в основном за счет валютной либерализации). В результате реформ республике впервые за годы суверенитета удалось разместить евробонды в размере 1 млрд долл. сроком на 5 и 10 лет, которые были успешно распределены между инвесторами.

Инвестиционная привлекательность республики не могла остаться незамеченной и российскими инвесторами, которые активно работают на узбекском рынке [9]. Объем накопленных российских инвестиций составил 9,1 млрд долл. на начало 2019 г. В 2018 г. был подписан обширный пакет по инвестиционному сотрудничеству между РФ и РУз на 25 млрд долл.⁸, реализация которого успешно стартовала в 2019 г. Соглашение предусматривает более 800 торговых и инвестиционных соглашений (109 инвестиционных проектов на сумму 20,8 млрд долл. включено в программу сотрудничества до 2024 г., 6,2 млрд долл. кредитных средств будет направлено на развитие взаимной торговли. Для этого предполагается создать торговые дома по отраслевому и региональному признакам — 23 и логистические структуры), среди которых наиболее значимым реализация российского проекта по строительству АЭС (стоимость проекта 11 млрд долл., срок окончания 2028 г., ис-

⁶ Статистика по инвестициям. Официальный сайт Министерства инвестиций и внешней торговли. URL: <https://mift.uz/ru/investment-statistics>

⁷ Данные по официальной статистике ГК за 2012 г.

⁸ Торговый маршрут: Путин взял Ташкент инвестициями. Источник: Газета.Ru// 19 октября 2018. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/10/19/12027277.shtml?updated>

полнитель Росатом) ⁹. Соглашение также предусматривает предоставление «зеленого коридора» для продукции сельского хозяйства Узбекистана, применение преференциального режима по транспортным тарифам, по ряду товаров предоставлены льготы и преференции.

В 2019 г. было создано 484 совместных российско-узбекских совместных предприятий (общая численность достигла 1828, т. е. четверть всех действующих в Узбекистане совместных предприятий), общий объем российских инвестиций составил 1,3 млрд долл. (прямыми — 650 млн долл.), в январе–марте 2020 г. — 329,5 млн долл. (планируемый объем в 2020 г. 1,5 млрд долл. инвестиционных вливаний) ¹⁰.

Для российских компаний (впрочем, как и для других инвесторов) наиболее привлекателен узбекский нефтегазовый сектор [10], что обусловлено богатствами природными ресурсами (запасы газа 11 трлн м³ — 23 место в рейтинге стран, запасы нефти 0,6 млрд барр., 43 место ¹¹). Объем накопленных иностранных инвестиций в 2011–2019 гг. в нефтегазовом секторе Узбекистана составляет 40 % от всех иностранных инвестиций, получателем которых является АО «Узбекнефтегаз» (государственная корпорация — монополия, дочерние компании становятся партнерами в совместных международных и двусторонних проектах).

Наиболее значимо сотрудничество данной компании с российским «ЛУКОЙ-

Лом» (совместный проект газоперерабатывающего предприятия «Кандым»: первая очередь строительства была завершена в 2017 г., вторая в 2018 г. Проектная мощность 8,1 млрд м³ газа ежегодно). Вторым не менее значимым проектом является совместная разработка «Узбекнефтегаза» и «ЛУКОЙЛа» месторождений Южного Гиссара (общая сумма инвестиций 8 млрд долл., предполагает совместную разработку месторождения на условиях раздела прибыли СРП, сеть автозаправочных станций, переработка). Другим наиболее известным российским агентом в данном секторе узбекской экономики является ПАО «Газпром», который с 2009 г. на условиях СРП осуществляет весь комплекс работ по эксплуатации (добыча) месторождения «Шахпахты», с 2018 г. по месторождению «Джел», также Газпром закупает газ.

В 2018 г. был подписан меморандум о сотрудничестве «Зарубежнефти» с АО «Анджиджаннефти» по технологическому сотрудничеству повышения эффективности и глубокой добычи нефти на истощенных месторождениях республики. Сотрудничество «Узбекнефтегаза» и Газпромбанка по инвестиционному сотрудничеству по Шуртанскому ГХК, строительству НПЗ в Джизаке, разработке месторождения «Мусталкилликининг 25 йилиги» ¹².

На узбекском секторе нефтегазопереработки активно работают ПАО «Татнефть», НПО «СОМЭКС», ООО «Энергосила» «Gazprom EP International B. V»,

⁹ Официальный сайт Министерства экономического развития РФ. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/b94f7cbc3309c89f428be4acea59e053/rossiya_i_uzbekistan_podpisali_programmu_ekonomicheskogo_sotrudnichestva_na_2019_2024_gody.pdf

¹⁰ В 2020 году в Узбекистане ожидается освоение \$1,5 млрд российских инвестиций. URL: <https://nuz.uz/ekonomika-i-finansy/1157437-v-2020-godu-v-uzbekistane-ozhidaetsya-osvoenie-15-mlrd-rossijskih-investicij.html>

¹¹ Данные ежегодного отчета ВР «Statistical Review of World Energy», 2018

¹² Официальный сайт Минпромторга РФ. URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!/denis_manturov_rasskazal_v_intervyu_rg_o_perspektivah_sotrudnichestva_rossii_i_uzbekistana

ПАО «Лукойл», АО «Форус», «Gas Project Development Central Asia AG»¹³.

В сфере машиностроения на узбекском рынке активно работают группа компаний ГАЗа и КАМАЗа, которые планируют развитие сборочных производств, до 2010 г. активно работали «Западно-Уральский машиностроительный концерн», ОАО «Урал-электротракторы» — «Уралгидромаш». В легкой промышленности Узбекистана работают 10 предприятий по выработке пряжи и готовых изделий из текстиля за счет российских инвестиций [11].

По данным международной консалтинговой компанией Boston Consulting Group (BCG) в этом сегменте перспективным является сотрудничество в геологоразведке, так как в Узбекистане ощущается дефицит сырья при наличии нефтеперерабатывающих заводов в Бухаре и Фергане общей мощностью 11 млн т при добыче 2,5 млн т [12]. Также у России есть хорошие перспективы в развитии совместной деятельности между сервисными компаниями по развитию и обслуживанию нефте- и газодобычи (ресурсы Зарубежнефти, Татнефти, Транснефти и других сервисных компаний РФ: нефтепромыслового оборудования «УНИКОМ», ПАО «Трубная металлургическая компания», ООО «Парма-Телеком», Уфимский Научно-Технический Центр, АО «РОТЕК» и др. [11].

Геологоразведочные работы актуальны и в горнорудной промышленности, по которой в реестре Кабмина РУз выставлено 140 месторождений, требующих проведения исследовательских работ (в основном месторождения золота, серебра, меди, урана, редкоземельных ресурсов).

По развитию Алмалыкского горно-металлургического комбината принято соглашение с российской «Росгеопрспективой» по проведению геологоразведочных работ по расширению сырьевой базы (стоимость инвестиционного пакета 3 млн долл. в первый год, по соглашению российской стороне будут переданы в разработку новые месторождения на 5 лет по СРП).

Также в данном секторе работают российские компании «Уралкран», «Энергоавангард», «Веза», «Промтрейдимпекс», объем инвестиций которых составил 1,5 млрд долл.¹⁴.

Инвестиционное сотрудничество между основным экспортером узбекской плодово-овощной продукции «Узтрейд» и ООО «РусАгроМаркет-Холдинг» предусматривает строительство оптово-распределительного центра (г. Оренбург), ставропольский агрохолдинг «Эко-культура» подписал крупный инвестиционный проект по созданию крупнейшего тепличного хозяйства на 314 га по выращиванию и переработки томатов общей проектной мощностью 67500 т. продукции (472 млн долл.). Также предполагается инвестировать в открытие торговых домов в региональных центрах России по оптовым поставкам продукции сельского хозяйства, первый из них должен быть открыт в Уфе (инвестиционные вложения 800 тыс. долл., проектная мощность торгового оборота 45 млн долл. в год).

Инфраструктурный проект по модернизации заправки топливом авиалайнеров в международном аэропорту Ташкента разрабатывается и финансируется по заказу совместного предприятия Jizzakh Petroleum.

¹³ Источник: www.ung.uz

¹⁴ Официальный сайт Минпромторга РФ. URL: https://minpromtorg.gov.ru/press-centre/news/#!/denis_manturov_rasskazal_v_intervyu_rg_o_perspektivah_sotrudnichestva_rossii_i_uzbekistana

В целом инвестиционный потенциал Узбекистана достаточно высокий и российская сторона сотрудничает в данном сегменте, сохраняя традиционные сектора активности (ТЭК, горнорудная промышленность, сельское хозяйство), так и новых для себя отраслях — нефте- и газо- химии, переработки сельхозпродукции, инфраструктурных отраслях [12]. Новый опыт — реализация пилотного для РФ проекта по сопровождению торговых операций российским экспортным центром. Неохваченными остаются сектор туристических услуг, цифровых технологий (в РУз действует разрешение на майнинг криптовалют), образовательных технологий и технологий онлайн сопровождения оказания медицинских услуг.

ТОРГОВОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РОССИИ И УЗБЕКИСТАНА

Внешнеторговый оборот Узбекистана характеризуется высокими темпами роста, совпадающими с динамикой спроса на внешних рынках по основным сырьевым продуктам. Но учитывая сбалансированность экспорта по основным товарным группам экспорта (газ, ценовые колебания защищены долгосрочными контактами, что сглаживает резкие падения цен на рынках нефти; золото практически не подвержено резким ценовым спадам; хлопок сокращается в общем объеме экспорта), можно констатировать устойчивый рост объемов и темпов внешней торговли¹⁵. С 2011 г. по 2019 г. прирост составил 58,3 %: с 26365.9 млн долл. до 41751 млн долл., в том числе экспорт вырос на 16,3 %

или на 2437 млн долл., импорт — в 2,1 раза или до 12947,7 млн долл. Ускоренный рост импорта обусловлен высокой потребностью инвестиционных товаров, что привело к формированию отрицательного торгового сальдо в 2019 г. в размере 6833,6 млн долл. При этом торговый оборот со странами СНГ сократился с 43,4 % от объема торгового оборота в 2011 г. до 34 % в 2019 г.

Товарная структура экспорта Узбекистана сохранила сырьевой характер, но изменилась их доля в экспорте. Если в 2011 г. лидировали такие группы товаров как хлопок, газ, нефтепродукты, уран, то в 2019 г. лидирующие позиции заняли экспорт золота, (34,9 % от объема экспорта), газ, продукты переработки нефти (16,5 %), хлопок (8,7 %), меди и группы металлов (6,1 %), орехи, овощи и сухофрукты (8,5 %), пластмассы (2,7 %), текстиль (2,2 %), транспорт (1,1 %). Структура импорта имеет большую диверсификацию: доля машин и механических приспособлений (25,7 %), транспортных средств (9,8 %), железа и стали, изделий из них (6,4 %), электрических машин (6,1) и далее по всем товарным группам менее 4 %¹⁶.

Географическая структура узбекского экспорта в 2015–2019 гг. концентрируется по основным партнерам, на первую пятерку стран приходится 5–16 % по годам соответственно. Несмотря на рост числа партнеров и их доли, узбекский экспорт распределяется по следующим странам: Швейцария (23,5 %), Великобритания (21,5 %), Китай (19,6 %), Россия (9,6 %) и Турция (9,7 %), против Китай (32,9 %), России (21,4 %), Казахстан (16,4 %) и Турции (13,9 %).

¹⁵ Мирмунинов М., Акбаров Б. Международные экономические отношения Республики Узбекистан. Политика Узбекистана по развитию международного торгового-экономического сотрудничества // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 2. С. 355-360. URL: <http://www.bulletennauki.com/mirmuminov-akbarov> (дата обращения 15.02.2018).

¹⁶ По данным Министерства внешних экономических связей, инвестиций и торговли Республики Узбекистан. URL: <https://mift.uz/ru/pages/statistika-tovarooborota>

В 2015 г. география импорта отличается большей диверсификацией по поставщикам с незначительным трендом роста доли стран первой пятерки, которые распределены следующим образом: Китай (21–26,6 %), Россия (23–20,6 %), Южная Корея (16–12,3), Казахстан (9–10,4 %) соответственно по годам. Из числа партнеров, лидирующих по экспорту, были Казахстан, Франция и сократилась доля Турции, заместив их поставками в Швейцарию и Великобританию, что связано с ростом доли экспорта группы металлов: золота, меди и др. металлов. География импорта более стабильна. При этом торговля с Россией для Узбекистана остается стабильно высокой по удельному весу, особенно по импорту [13].

Взаимная торговля России и Узбекистана основана на двустороннем сотрудничестве в силу позиции нейтралитета Узбекистана по отношению к участию в интеграционных проектах. Политику открытости и активизации участия Узбекистана в региональных интеграционных процессах с осторожностью начал продвигать второй президент Мирзиёев Ш., что непосредственно сказалось на интенсификации экономического взаимодействия РФ и РУз [2]. Несмотря на политические предпочтения двусторонний товарооборот был значим для Узбекистана в силу соответствия требованиям национального развития. В период с 2010–2019 гг. взаимный торговый оборот вырос на 60 % или на 1908,8 млн долл., рост был обеспечен российским экспортом в Узбекистан в 2,3 раза или на 2244,6 млн долл., при одновременном сокращении на 22 % (или на 335,8 млн долл.) узбекского экспорта.

Динамика взаимного торгового оборота характеризовалась цикличностью, соответствующему мировым трендам

и кризисным спадам российской экономики (наименьший объем торговли был в 2015 г. — 2747,8 млн долл., спад на 31 % по сравнению с 2014 г. и на 14 % с 2010 г.). С 2016 г. наблюдается устойчивый рост — 34 %, 20 % и 16 % в 2016–2019 гг. Ускоренный темп роста был обусловлен низкой базой и либерализацией условий взаимной торговли между странами, который по итогам 2019 г. обеспечил превышение предкризисного периода в 2013 г. на 20 %.

Сокращение узбекского экспорта в Россию началось в 2012 г., восстановительный рост происходит медленнее по сравнению с российским экспортом. Это формирует устойчивое отрицательное торговое сальдо для Узбекистана, так как республика заинтересована в поставках российской продукции при реализации своих международных энергетических проектов, модернизации перерабатывающих отраслей. Российский экспорт характеризуется устойчивым ростом и расширением ассортиментной структуры, особенно товаров глубокой степени переработки.

Товарная структура российского экспорта характеризуется широким охватом товарных позиций, по широкой классификации лидируют поставки железа, стали, изделий из них (23,4 % и 19,6 %), древесины, изделий из нее (18,6 % и 11,2 %), машины и оборудование (16 % и 10,7 %), транспортных средств (1,9 % и 6,3 %), минеральных продуктов и топлива (3,4 % и 6,2 %), растительные и животные масла (5,3 % и 4,5 %), электрические машины и оборудование (6 % и 4,5 %) в 2010 г. и 2019 г. соответственно. В совокупности преобладают товары повседневного спроса и продукты питания (51 % и 69 %), из них экспорт машин, оборудования, механических средств и транспорта составил 24,2 % и 25 %

по годам¹⁷. По доле экспорта в Узбекистан в общем объеме российского экспорта продвинулся с 27 места на 23 с 2010 по 2019 гг. При этом товарами роста оставались металлы (железо и сталь), транспортные средства, машины, оборудование механические средства, жиры и масла, вагоны трамваев и локомотивы, лекарства и медицинские средства, продукты питания и мебель, бытовые приборы. Анализ структуры российского экспорта в Узбекистан показывает сбалансированность и высокий уровень технологичности, а с учетом сокращения сырьевых поставок по минеральным ресурсам и древесине, можно констатировать рост их значимости в решении проблемы повышения конкурентоспособности и несырьевого экспорта России.

Товарная структура узбекского экспорта в РФ отличается меньшим охватом товарных позиций и претерпела существенные изменения в исследуемом периоде. В 2010 г. в структуре узбекского импорта доминировали поставки транспортных средств, машин (легковые автомобили — 30 % от всего экспорта в РФ), а в 2019 г. основная масса экспорта продукции приходилась на хлопок и текстильные товары, обувь, включая все производных от переработки хлопка (более 50 %), товары продовольственной группы составили около 20 % от всего экспорта, продукция химической переработки 16 % включая пластмассы, а транспортных средств и машин до 6 %. Существенные структурные сдвиги были обусловлены условиями торговли в исследуемом периоде (ухудшение отношений сопровождалось снижением закупок с обеих сторон, особенно пострадали поставки легковых автомобилей узбекского производства), а также сказались условия конкуренции на россий-

ском рынке после 2014 г. и невысокий уровень конкурентоспособности узбекского автопрома. Подписанные соглашения позволили существенно либерализовать рынки для взаимных поставок, что сказалось на темпах роста взаимной торговли даже в период всеобщего спада мировой торговли в 2020 г. под влиянием экономических ограничений в борьбе с COVID-19.

По итогам полугодия 2020 г. взаимный товарооборот России и Узбекистана вырос на 16,7 %, в том числе 25,5 % по российскому экспорту, но сократилась почти на 10 % по узбекскому экспорту в сравнении с первым полугодием 2019 г. При этом доля торгового оборота выросла с 0,77 % до 1,17 % в общем объеме внешней торговли РФ. Структура торговли практически не изменилась, товарами роста стали поставки железа и стали, сахар, кондитерские изделия, транспортные средства. Узбекский экспорт в Россию рос за счет увеличения поставок орехов и фруктов, овощной продукции, текстильные изделия и электрические машины. Рост обеспечен действие режима «зеленого коридора» и программ развития инвестиционного сотрудничества. Согласно подписанным соглашениям между РФ и Узбекистаном «зеленый коридор» предусматривает не только преференциальный режим для свободного движения продовольственных товаров и ряда товарных позиций, произведенных в Узбекистане [14], но и пилотный проект сопровождения российского экспорта в республике. Данный проект предполагает формирование групп поддержки экспортеров из числа высококвалифицированных специалистов Российского экспортного центра и Министерства промышленности и торговли РФ, которые осуществляют консультирование, помощь

¹⁷ По данным статистической базы International Trade Centre//Trade statistics for international business development. URL: <https://www.trademap.org/>

в продвижении российских товаров в стране назначения в сотрудничестве с местными государственными органами и предпринимателями. Точнее этот проект является комплексной системой создания «зеленого коридора» российской продукции на рынке Узбекистана за счет содействия адаптации к особенностям национального рынка, что существенно повышает их конкурентоспособность.

Таким образом, торговое сотрудничество России и Узбекистана получает дополнительные стимулы развития по следующим критериям:

- высокий уровень товарной диверсификации во взаимном торговом обороте способствует решению задач развития экономик стран;
- преференциальный режим двустороннего сотрудничества не только способствует росту эффективности взаимной торговли, но и стимулирует включение в интеграционные проекты СНГ и ЕАЭС Узбекистана;
- высокий уровень взаимодополняемости взаимной торговли становится мощной экономической платформой для развития производственной кооперации и выхода на более тесное экономическое сотрудничество, чему способствует рост конкуренции как на региональном, так и на мировом уровне.

ТРУДОВЫЕ РЕСУРСЫ УЗБЕКИСТАНА НА РОССИЙСКОМ РЫНКЕ

Миграция трудовых ресурсов (экспорт) Узбекистана является еще одним источником получения валютной выручки и немаловажным каналом сотрудничества и взаимовлияния России и Узбекистана. Именно фактор трудовых ресурсов является наиболее уязвимым в период кризисов.

Формально в официальной статистике Узбекистана эта составляющая практически не учитывается так как основу миграционного оттока составляет часть трудовых ресурсов теневого сектора экономики. По официальным данным ГУВМ МВД РФ численность мигрантов из Узбекистана в РФ остается стабильно высоким в 2015 г. 2148143 чел., в 2019 г. — 2188835 чел., прирост 40692 чел. или на 1,9 %¹⁸. Высокий уровень миграционного потока из республики в Россию обусловлен большой разницей (разрывом) в доходах более чем в 2 раза, что покрывало издержки и жесткий режим регулирования в стране приема [15]. Соглашение двустороннего сотрудничества, подписанное в 2018 г., дает возможность либерализации российского рынка труда для узбекских мигрантов, так как практически приравнивает их к условиям мигрантов из стран ЕАЭС в части условий труда и получения доступа к рынку.

При этом Узбекистан является безусловным лидером по денежным переводам мигрантов из России среди стран СНГ, объем которых в 2011 г. составил 3559 млн долл. и 3083 млн долл. в 2019 г. По данным ВБ уровень денежных переводов к ВВП Узбекистана имеет тенденцию устойчивого роста, с 7,51 % в 2011 г. до 14,75 % в 2019 г. и составляют более половины прямых инвестиций.

Востребованность узбекских трудовых ресурсов в России наблюдается в сфере ЖКХ, строительных услугах, в меньшей степени сервисных отраслях (гостиничный и ресторанный бизнес). Формирование преференциальных условий для узбекских трудовых мигрантов по указанным соглашениям предусматривает приближение к условиям для мигрантов из стран ЕАЭС исключая социальный пакет и признание

¹⁸ ГУВМ МВД РФ, ЦБДУИГ. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya>

дипломов. Вопросы либерализации рынка труда России для узбекских мигрантов являются наиболее чувствительными, учитывая их значимость для ее национальной экономики.

Российско-узбекские экономические отношения находятся на фазе подъема, чему способствовали двусторонние соглашения 2018 г., при этом отличительной особенностью современных договоренностей отличаются комплексностью и проектным наполнением [16]. Рост интенсивности торгово-экономического сотрудничества был обусловлен сменой экономической политики руководством республики в части либерализации своего рынка и особенно в сегменте валютно-платежных операций. В целом они направлены на достижение двусторонним выгод и решение проблем узбекской экономики: покрытие дефицита инвестиционных ресурсов в наиболее перспективных отраслях; диверсификации отраслевой структуры экономики и снижения зависимости от колебаний цен на мировых рынках энергетических ресурсов и металлов; развития производственной кооперации в формате международных проектов. Для российской стороны расширение торгового сотрудничества и углубления интеграционного взаимодействия важно не только с точки зрения экономических эффектов продвижения своей продукции, инвестиций и проектов, но и как базы расширения сотрудничества со всеми странами региона, учитывая трансграничное положение Узбекистана и его влияние в регионе.

ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКО-УЗБЕКСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Прогнозы по развитию экономического сотрудничества составлены при допущении выполнения следующих условий: в Узбекистане будут продолжены процессы

либерализации (особенно в валютно-платежных отношениях) [4]; учет интересов стран в инвестиционных проектах обеих сторон на принципах рыночной конкуренции; создание как минимум равных (а в перспективе и преференциальных условий) для российского и узбекского бизнеса зеркально [14].

Инерционный сценарий будет предусматривать развитие торговых отношений при поддержании действующей товарной структуры, реализации программы по Соглашению 2018 г., что существенно расширит имеющуюся базу сотрудничества, но будет зависеть от конъюнктурных колебаний внешнего рынка и не окажет существенного влияния на изменение экономического потенциала партнеров и их влияния в регионе [9].

Сценарий ускоренного роста торгового, инвестиционного и экономического потенциала партнеров в дополнение к инерционному сценарию должен быть дополнен следующим перспективными направлениями сотрудничества:

- переход к прямым валютнообменным операциям по прямому курсу рубля и сума, переход (включение) в систему расчетов электронных денег, создание преференциальных условий на биржевые площадки для контрагентов зеркально и формирование таких площадок финансовых (долговых обязательств, ценных бумаг) инструментов на территориях стран, в перспективе формирования биржевого хаба для региональной торговли в целом;
- формирование центров обучения, контрактования услуг трудовых мигрантов на территории РУз и сопровождения трудовой деятельности (социальное, страховое и адаптационное сопровождение пребывания мигрантов в РФ);
- расширение интеграционного взаимодействия Узбекистана, используя опыт

преференций в российско-узбекских отношениях, в рамках ЕАЭС где платформой может РФ, китайских интегра-

ционных инициатив и региональном сотрудничестве стран ЦА, где платформой может стать Узбекистан.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Евразийская интеграция в турбулентном мире. Отв. ред. Л. Б. Вардомский. СПб.: Алетейя; 2019. 288 с.
2. Рузиева Д. И., Растопчина Ю. Л., Сивцова Н. Ф. Структурно-динамический анализ внешнеэкономической деятельности Узбекистана и оценка интенсивности российско-узбекских торговых отношений. *Научный результат. Экономические исследования*. 2018;4(2):18-27. DOI: 10.18413/2409-1634-2018-4-2-0-2
3. Ахмедов Х.Т., Смолик Н.Г. Республика Узбекистан в интеграционных процессах на постсоветском пространстве. *Постсоветские исследования*. 2019;2(1):854-865.
4. Внешняя политика стран СНГ. Под ред. Д. А. Дегтерева, К. П. Курылева. Москва: Аспект Пресс; 2017. 496 с.
5. Грозин А. В. Перспективы развития нефтегазового комплекса республики Узбекистан. *Геоэкономика энергетики. Спецвыпуск Постсоветский материк*. 2018;4:168-175.
6. Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах. Приложение № 1 к Указу Президента Республики Узбекистан от 07.02.2017 г. № УП-4947. Все законодательство Узбекистана. URL: https://nrm.uz/content?doc=491928_strategiya_deystviy_po_pyati_prioritetnym_napravleniyam_razvitiyarespublikiuzbekistan_in2017-2021 (prilojenie_n_1_k_ukazu_prezidenta_ruz_ot_07_02_2017_g_n_ur-4947) (дата обращения: 18.07.2020)
7. Зиядуллаев У.С. Внешнеторговые и интеграционные приоритеты Республики Узбекистан. *Российский внешнеэкономический вестник*. 2020;6:63-82
8. Казанцев А.А., Гусев Л.Ю. Реформы во внешней политике Узбекистана: основные достижения и сценарии развития. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2018;18(2):292-303. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-292-303
9. Базылева С.П., Черненко Е.Ф. Сотрудничество Узбекистана и России как стабилизирующий фактор на евразийском пространстве. *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2016;16(3):505-520.
10. В 2020 году в Узбекистане ожидается освоение \$1,5 млрд российских инвестиций. URL: <https://nuz.uz/ekonomika-i-finansy/1157437-v-2020-godu-v-uzbekistane-ozhidaetsya-osvoenie-15-mlrd-rossijskih-investiczij.html> (дата обращения: 17.07.2020)
11. Шермухамедов А. Т. Стратегическое сотрудничество Узбекистана с Россией в энергетической и транспортной сферах. *Потенциал современной науки*. 2016;7:38-40
12. Алексеев И., Бутенко В. И др. Узбекистан: окно возможностей. 2019. 9 июня. URL: [Uzbekistan Window of Opportunity \(bcg.com\)](http://UzbekistanWindowofOpportunity(bcg.com)) (дата обращения: 12.09.2020)
13. Мирмуминов М., Акбаров Б. Международные экономические отношения Республики Узбекистан. Политика Узбекистана по развитию международного торгово-экономического сотрудничества. *Бюллетень науки и практики*. 2018;4(2):355-360.
14. Хуррамов Ж.Р. Концептуальные основания отношений между Узбекистаном и Россией. *Постсоветские исследования*. 2019;2(5):1328-1339.
15. Миграционная политика России и стран-доноров в условиях разнотемпной евразийской интеграции: монография. Под ред. Ми-

гранян А.А., Ткаченко М.Ф. Институт стран СНГ. СПб.: АЛЕТЕЙЯ; 2019. 258 с.

16. Торговый маршрут: Путин взял Ташкент инвестициями. 19 октября 2018. URL: <https://>

www.gazeta.ru/business/2018/10/19/12027277.shtml?updated (дата 24.08.2020)

REFERENCES:

1. Eurasian integration in a turbulent world. Ed. L.B. Vardomsky. St. Petersburg: Aleteia; 2019. 288 p. (In Russ.)
2. Ruzieva D.I., Rastopchina Yu.L., Sivtsova N.F. Structural and dynamic analysis of foreign economic activity of Uzbekistan and assessment of the intensity of Russian-Uzbek trade relations. *Scientific result. Economic research*. 2018;4(2):18-27. DOI: 10.18413/2409-1634-2018-4-2-0-2 (In Russ.)
3. Akhmedov Kh.T., Smolik N.G. Republic of Uzbekistan in integration processes in the post-Soviet space. *Post-Soviet studies*. 2019;2(1):854-865. (In Russ.)
4. Foreign Policy of the CIS Countries. Ed. D.A. Degterev, K.P. Kuryleva. Moscow: Aspect Press; 2017. 496 p. (In Russ.)
5. Grozin A.V. Prospects for the development of the oil and gas complex of the Republic of Uzbekistan. *Geoeconomics of energy. Special issue Post-Soviet mainland*. 2018;4:168-175. (In Russ.)
6. The strategy for action in the five priority areas of development of the Republic of Uzbekistan in 2017-2021. Appendix No. 1 to the Decree of the President of the Republic of Uzbekistan of 07.02.2017 No. UP-4947. All legislation of Uzbekistan. URL: https://nrm.uz/contentf?doc=491928_strategiya_deystviy_po_pyati_prioritetnym_napravleniyam_razvitiyarespublikiuzbekistan_in2017-2021_prilozhenie_n_1_k_ukazu_prezidenta_ruz_ot_07_02_2017_g_n_up-4947 [Accessed: 18.07.2020] (In Russ.)
7. Ziyadullaev U. S. Foreign trade and integration priorities of the Republic of Uzbekistan. *Russian Foreign Economic Gazette*. 2020;6:63-82. (In Russ.)
8. Kazantsev A.A., Gusev L.Yu. Reforms in Uzbekistan's foreign policy: main achievements and development scenarios. *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018;18(2):292-303. DOI: 10.22363/2313-0660-2018-18-2-292-303 (In Russ.)
9. Bazyleva S.P., Chernenko E.F. Cooperation between Uzbekistan and Russia as a stabilizing factor in the Eurasian space. *Bulletin of RUDN. Series: International Relations*. 2016;16(3):505-520. (In Russ.)
10. In 2020, Uzbekistan is expected to develop \$1.5 billion of Russian investments. URL: <https://nuz.uz/ekonomika-i-finance/1157437-v-2020-godu-v-uzbekistane-ozhidetsya-osvoenie-15-mlrd-rossijskih-investicij.html> [Accessed: 17.07.2020] (In Russ.)
11. Shermukhamedov A.T. Uzbekistan's strategic cooperation with Russia in the energy and transport spheres. *The potential of modern science*. 2016;7:38-40
12. Alekseev I., Butenko V. And others. Uzbekistan: Window of Opportunity. 2019. 9 June. URL: [Uzbekistan Window of Opportunity \(bcg.com\)](http://Uzbekistan Window of Opportunity (bcg.com)) [Accessed: 12.09.2020] (In Russ.)
13. Mirmuminov M., Akbarov B. International economic relations of the Republic of Uzbekistan. Policy of Uzbekistan on the development of international trade and economic cooperation. *Bulletin of Science and Practice*. 2018;4(2):355-360. (In Russ.)
14. Khurramov J.R. Conceptual foundations of relations between Uzbekistan and Russia. *Post-Soviet studies*. 2019;2(5):1328-1339. (In Russ.)

15. Migration policy of Russia and donor countries in conditions of diverse Eurasian integration: monograph. Ed. Migranyan A. A., Tkachenko M. F. Institute of CIS Countries. St. Petersburg: ALETEYA Publishing House; 2019. 258 s. (In Russ.)
16. Trade route: Putin took Tashkent with investments. October 19, 2018. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/10/19/12027277.shtml?updated> [Accessed: 24.08.2020] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Аза А. Мигранян, доктор экономических наук, Институт экономики Российской академии наук, Москва, Россия; 117218, Россия, Москва, Нахимовский проспект, д. 32; n.migranyan@yandex.ru

Aza A. Migranyan, DSc in Economics, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 32, Nakhimovskij Av., Moscow, 117218, Russia; n.migranyan@yandex.ru



Развитие цифровой экономики Казахстана

Олег Г. Карпович¹, Балташ Н. Карипов², Аделина Ш. Ногмова³

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

¹iskran@yahoo.com, ³adelinamid@mail.ru;

²*Кокшетауский государственный университет
имени Ш. Ш. Уалиханова, Кокшетау, Казахстан*

jants@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается понятие «цифровая экономика», интерес созданию которой проявляют многие государства мира. Уточнена характеристика цифровой экономики, основу которой оставляет торговля с помощью Интернета. Выявлено роль цифровой экономики, как фактора инвестиционного и инновационного роста. Особый акцент сделан на развитии цифровой экономики современного Казахстана. Выявлены подходы Казахстана к развитию цифровой экономики, проанализированы пути ее создания в Казахстане. Значительное внимание уделено исследованию показателей современного состояния цифровизации Казахстана в соответствии с показателями ежегодных международных рейтингов. Выделены проблемы, препятствующие цифровизации экономики страны.

Ключевые слова: цифровая экономика, информационные и коммуникационные ресурсы (ИКТ), цифровые технологии, веб-экономика, диджитализация, цифровая экономика Казахстана

Для цитирования: Карпович О. Г., Карипов Б. Н., Ногмова А. Ш. Развитие цифровой экономики Казахстана. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(4):485-494. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-485-494>

Статья поступила 05.10.2020

Принята в печать 26.10.2020

Опубликована 01.12.2020

Development of the Digital Economy of Kazakhstan

Oleg G. Karpovich¹, Baltash N. Karipov², Adelina S. Nogmova³

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,

¹iskran@yahoo.com, ²adelinamid@mail.ru;

Sh. Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan,

jants@yandex.ru

Abstract: This article considers the concept of «digital economy», which many countries of the world are interested in creating. The characteristics of the digital economy, which is based on

trade using the Internet, are clarified. The role of the digital economy as a factor of investment and innovation growth is revealed. Special emphasis is placed on the development of the digital economy of modern Kazakhstan. Kazakhstan's approaches to the development of the digital economy are identified, and the ways of its creation in Kazakhstan are analyzed. Considerable attention is paid to the study of indicators of the current state of digitalization of Kazakhstan in accordance with the indicators of annual international ratings. The problems hindering the digitalization of the country's economy are highlighted.

Keywords: digital economy, information and communication resources (ICT), digital technologies, web economics, digitalization, digital economy of Kazakhstan

For citation: Karpovich O. G., Karipov B. N., Nogmova A. S. Development of the Digital Economy of Kazakhstan. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):485-494. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-485-494>

Received 05.10.2020

Revised 26.10.2020

Published 01.12.2020

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время возможности цифровой экономики являются практически неограниченными и продолжают стремительно расти. Цифровые и коммуникационные технологии охватывают все экономические, социальные и политические сферы. Современные международные корпорации выделяют развитие цифровизации как важнейший показатель социально-экономического успеха не только в рамках своей деятельности, но и мировой экономики в целом [1].

Республика Казахстан на современном этапе активно работает над развитием и качеством коммуникационных сетей. Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев сказал на заседании правительства: «Если сейчас мы допустим замедление работы, в том числе по цифровизации экономики, будем забалтывать эту важную проблему, мы просто отстанем» [2]. Страна только разрабатывает стратегии создания собственного цифрового рынка и остается сферой с пока еще нераскрытым потенциалом. Между тем, изменения, происходящие

в мировой экономике в настоящее время — это, с одной стороны, серьезный вызов, а с другой — новые возможности для поиска специализации Казахстана в глобальной цифровой среде и формирования на этой основе направлений модернизации традиционной экономики.

Таким образом, комплексное изучение аспектов развития цифровой экономики и процессов ее становления в Республике Казахстан являются, безусловно, актуальной научно-практической задачей.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Аналізу различных аспектов развития цифровой экономики посвящено много научных трудов российских, казахстанских и зарубежных исследователей. В частности, М. А. Положихина исследует цифровую экономику как социально-экономический феномен, а также особое внимание уделяет европейскому опыту регулирования процесса цифровизации экономики [3].
Коллектив авторов: Г. И. Абдрахманова,

К. О. Вишнеvский, Л. М. Гохберг в своем труде исследуют тренды, компетенции, измерение современной цифровой экономики [4]. Л. Д. Капранова в своей статье исследует состояние и перспективы развития цифровой экономики в современном обществе [5]. Исследователи М. Ф. Баймухамедов и Г. С. Баймухамедов посвятили работу изучению технологической модернизации экономики страны на основе реализации государственной программы «Цифровой Казахстан» [6]. К. С. Сапаралиева исследует в своей статье современное состояние цифровой экономики в рамках развития предпринимательства в Республике Казахстан [7].

Зарубежные ученые Р. Инклар, М. Тиммер, Б. ван Арк определили влияние информационных и коммуникационных технологий на инвестиции и производительность и обосновали их роль в качестве основных двигателей экономического роста за последнее десятилетие [8]. Т. Нибел проанализировал феномен столкновения информации и технологии, влияние новых коммуникационных средств на процессы экономического роста на примере стран Европейского союза в течение 15-летнего периода [9]. Авторы исследования «Основы цифровой науки о производстве» подробно рассмотрели методы цифровой науки на предмет решения практических технологических проблем в современных производственных процессах [10].

Таким образом, проблематика цифровой экономики нашла свое отражение в многочисленных исследованиях российских, казахстанских и зарубежных ученых-экономистов. Цифровизация распространяется на все большее количество процессов и явлений, что требует проведения соответствующих исследований и обуславливает их актуальность.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Экономисты стали выделять цифровую экономику в отдельную категорию в 90-х годах XX века. Термин «цифровая экономика» (*digital economy*) предложил бизнес-аналитик Дон Тапскот (в некоторых источниках — Тепскот) в 1995 году [11]. Он трактует цифровую экономику как экономическую деятельность, которая определяется через сетевое сознание (*networked intelligence*) и прямо зависит от виртуальных технологий.

В последние годы используют несколько синонимов цифровой экономики, а именно: интернет-экономика, новая экономика, веб-экономика, диджитализационная экономика [11]. В целом под цифровой экономикой понимают производство, продажу и поставку товаров и услуг с помощью компьютерных сетей.

Цифровая экономика — это разновидность рынка субъектов экономической системы, на котором один, несколько или все этапы экономических процессов осуществляются с помощью информационно-коммуникативных технологий (ИКТ); одно из проявлений экономической свободы, инновационности и уровня развития современной экономики.

В 2010 году Европейская комиссия подготовила документ «Цифровая повестка дня для Европы» (*Digital Single Market Strategy*) в рамках стратегии «Европа 2020» [12]. Важной «Цифровой повестки дня для Европы» нашло отражение в создании единого цифрового рынка (*Digital Single Market*).

Первой шаг сделала Дания — создала должность посла в цифровых компаниях. По этому пути пошли и другие государства. В настоящий период времени уже 22 так называемых «киберпосла» и появился новый термин «ТехПломаси». В ОАЭ ситуация получила дальнейшее развитие и в правительстве была создана должность

министра по искусственному интеллекту. На эту должность был назначен Омар Олама. Перед ним была поставлена масштабная задача подготовить страну к самым современным инновационным изменениям, связанным с использованием возможностей искусственного интеллекта.

В компаниях стали появляться должности главного специалиста по цифровым технологиям (*Chief Digitization Officer*) — штатная единица, которая обычно входит в структуру топ-менеджмента компании и на которую возложена ответственность за цифровые качества организации — ее бизнес-модели. Должность может называться либо специалист по цифровой поддержке (*digital supported*), или цифровой представитель (*digital faced*), или цифровой уполномоченный (*digital powered*) или внутренний специалист по цифровым технологиям (*digital embedded*), где последняя означает, что «цифровые технологии встроены в бизнес-модель» (например, *e-commerce* или *fnitech*). Таким образом, цифровые технологии стали движущей силой социально-экономического развития многих стран мира, определяя основу устойчивого развития в будущем.

Сферу, которая создает цифровые технологии и сервисы, внедряет и обслуживает их, называют цифровой индустрией («ИТ-сектор») [13].

По рекомендациям специалистов корпораций «Telstra» и «Deloitte» [14], необходимыми принципами для компаний, которые стремятся к эффективной деятельности в новых условиях диджитализации, являются следующие:

- инвестировать в новые способности, а не в старые деловые модели;
- высоко ценить свои отношения с клиентами;
- становиться более быстрыми и оперативными;

- знать своих действительных конкурентов;
- активно инвестировать в талант.

Несколько иное определение дальнейших перспектив дает А. Щербатенко, партнер по развитию бизнеса SmartTender.biz. По его словам, «цифровая экономика — это экономика виртуальных миров» [15]. Он считал, что «главное пространство цифровой экономики — это сеть Интернет». И далее: «...но следует понимать, что не только Интернет определяет ее направления развития — речь идет о технологизации в целом: вашей квартиры, работы, ухода за здоровьем и даже воспитания детей. Именно это и отличает цифровую экономику от традиционной — она ориентируется на потребителя. Поэтому часто можно услышать вместо «цифровая экономика» — экономика по требованию (*on-demand economy*)» [16].

В. Михайлов, технический директор IT-Enterprise, считал, что в последние годы цифровая экономика представляет собой «искусственный интеллект, роботизация, электронные деньги, промышленная биология, обработка больших массивов данных, беспилотный транспорт...» [17].

Таким образом, мировая экономика трансформируется благодаря быстрому развитию и растущему использованию ИКТ. Хотя темпы цифровой трансформации различны в различных государствах, все страны вынуждены участвовать в данном процессе и развивать инновационные технологии.

Одной из отличительных черт последних лет стал экспоненциальный рост в агрегации машиночитаемой информации или цифровых данных, Интернета. Этот процесс сопровождается расширением аналитики больших данных, распространением искусственного интеллекта (AI), облачных вычислений и новых бизнес-моделей (цифровых платформ). В результате доступ к данным и способность преобразовывать данные

в цифровой интеллект становятся решающими для конкурентоспособности не только отдельных компаний, но и стран мира. Производители и экспортеры все больше зависят от анализа данных, поскольку операции все более оцифровываются, и потому появляется необходимость использовать службы поддержки, которые требуют доступа к таким данным, как доставка и транспорт, розничная торговля и финансы [18].

Преобразующая сила данных для экономического и социального взаимодействия вынуждают правительства стран, бизнес и людей адаптироваться, чтобы воспользоваться появляющимися и активно развивающимися возможностями.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАЗАХСТАНА

В последние годы Казахстан вкладывает достаточно большой объем финансовых и человеческих ресурсов в развитие цифровизации в стране, чем стремится повысить свой уровень международной конкурентоспособности на мировой арене и стать достойным торговым партнером для развитых стран [19].

Однако Казахстан пока еще отстает в инновационном развитии приоритетных секторов экономики, что влияет на его конкурентоспособность. Например, согласно данным Всемирного экономического форума (ВЭФ), Казахстан занимает 87-е место с точки зрения «инновационных возможностей» и 74-е место — в индексе Всемирной организации интеллектуальной собственности [20].

В 2018 году положение страны улучшилось с точки зрения Глобального индекса кибербезопасности Международного союза электросвязи. Согласно отчету Международного союза электросвязи, Казахстан занял 40-е место в Глобальном индексе кибербезопасности за 2018/2019 годы, поднявшись на 42 пункта по сравнению с прошлогодним рейтингом (82-е место).

Казахстан внедряет программу «Цифровой Казахстан». Данная инициатива была предложена правительством страны. Программа должна реализовываться в четырех ключевых направлениях. Во-первых, по созданию «Цифрового шелкового пути», который будет оказывать поддержку в развитии цифровой инфраструктуры. Во-вторых, в области повышения осведомленности бизнеса и других секторов для роста конкурентоспособности. В-третьих, по созданию цифрового правительства с помощью усовершенствованных электронных и мобильных правительственных систем. Это должно сделать правительство более открытым и прозрачным. Значительное внимание уделяется предоставлению государственных услуг. В-четвертых, программа нацелена на то, чтобы предоставить возможность создания общества, которое будет восприимчиво к новым возникающим тенденциям и вызовам; при этом развиваются необходимые навыки для цифровой экономики, следовательно, повышается цифровая грамотность и обучение на всех уровнях общества [21].

Другим шагом в направлении инноваций является бесплатное профессиональное обучение и образование для молодежи. В Казахстане рассматривают это в качестве инвестиций в человеческий капитал. Тем самым, Казахстан рассчитывает создать качественную основу для будущего развития страны.

В Казахстане использование инноваций является ключом к росту во всех секторах, особенно в сфере социальных услуг и промышленного развития. Казахстан стремится стать лидером региона, что может быть реализовано только благодаря инновационной и сильной отраслевой экономике и оптимальному использованию существующих квалифицированных человеческих ресурсов. Министр информации и коммуникаций Казахстана Абаев Д. А. отмечал: «Большинство проектов государственной

программы будут реализованы в рамках государственно-частного партнерства, что, в свою очередь, позволит сэкономить государственный бюджет. В целом к 2020 году планируется: расширить долю интернет-охвата до 78 %, в основном в регионах и селах, охватить 95 % населения цифровым вещанием, повысить цифровую грамотность населения до 80 %, обеспечить развитие информации и коммуникационные технологии и ВВП страны до 4,7 %». [22].

В последние годы широкополосным доступом в Интернет обеспечены 117 городов и 3324 деревни страны с населением более 250 тысяч человек. За последние два года 481 деревня была подключена к широкополосному Интернету. Этот проект будет продолжен в ближайшие годы [23].

Кроме того, пилотные проекты 5G были реализованы в городах Нур-Султан, Алматы и Шымкент. Также в конце 2019 года было начато строительство казахстанско-азербайджанского проекта TransCaspian Fiber Optic. В 2020 году планировалось подключить к широкополосному Интернету 880 деревень и довести уровень интернет-связи домашней сети до 84%. В целом из бюджета Казахстана за два года на цифровизацию было потрачено 32,8 млрд тенге. Экономический эффект от проводимой работы составил 803 млрд тенге [15]. Помимо этого, в инновационную экосистему было привлечено 32,8 млрд тенге. С учетом смежных отраслей создано 120 тысяч рабочих мест. 78 тысяч из них появилось в 2019 году [15].

В 2019 году были подписаны меморандумы о сотрудничестве с 25 международными организациями в рамках развития инновационного взаимодействия. Эти меры позволили создать благоприятные условия для развития культуры стартапов и привлечь более 18 млрд тенге в 2019 году в отечественные стартап-проекты. Общий объем привлечен-

ных инвестиций на рынке информационных технологий Казахстана за последние 2 года составил около 32,4 млрд тенге [15].

«ЦИФРОВОЙ РАЗРЫВ»

Таким образом, в Казахстане наблюдается рост так называемого «цифрового разрыва» за счет отставания развития цифровых технологий от данного показателя развитых стран мира. Согласно оценке ВЭФ только 25 государств мира готовы к четвертой индустриальной революции, основой которой являются цифровые технологии. На долю этих стран уже приходится 75 % добавленной стоимости глобального производства. В каждой из этих стран-лидеров имеются свои конкурентные преимущества. Япония владеет сложными производствами, США — мощным рынком сбыта, Китай отличается гигантскими масштабами предприятий, Германия — высококлассными специалистами и скоростью внедрения инноваций, Корея — огромными вкладами в развитие технологий, а Сингапур — открытостью и доступом к инвестициям.

В рамках четвертой индустриальной революции необходимо объединить усилия государства и общества для создания возможностей для развития Казахстана в соответствии с национальными интересами путем правильного прогнозирования направления цифровой эволюции.

Казахстану чрезвычайно важно повышать свою вовлеченность в вопросы цифровизации и развивать уникальные возможности, которые сделают его экономику более привлекательной в ходе развития глобальных производственных процессов. Готовность страны к будущему определяют масштабность и структура производства, а также сильные движущие силы, способные ускорить процесс трансформации.

По данным ВЭФ, в 2019 г. Казахстан в новом рейтинге ГИК 4.0 находится на 55-м

месте, улучшив свою позицию на 4 пункта (2018 г. — 59-е место) [24]. Согласно данным ВЭФ, эти страны объединят усилия, которые сформируют связи и позволят на начальных стадиях индустриальной революции задавать курс процесса глобальной цифровой трансформации экономики. Казахстан вместе с Россией, Молдовой и Грузией аналитики ВЭФ отнесли к группе «Евразия», в которой имеется некоторая индустриальная база, но слабыми являются двигатели развития производства, инноваций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование, позволяет сделать вывод, что в современном Казахстане активно возрастает роль передовых технологий и инноваций в развитии национальной экономики. Традиционные подходы и методы работы трансформируются по мере того, как новейшие технологии проникают в новые отрасли и сферы человеческой де-

ятельности. Экономика Казахстана активно переходит на новый уровень цифровизации.

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев в октябре 2019 года на заседании Высшего Евразийского Экономического совета в Ереване призвал государства-членов ЕАЭС сосредоточиться на цифровизации экономик. «Особое внимание предлагается уделить созданию привлекательных условий для развития передовых технологий. Основа успешных экономик — это наукоемкие технологии, которые способствуют освоению передовых методов производства и выпуска конкурентоспособной продукции. Поэтому приоритетным направлением должна стать цифровизация экономик наших стран» [25].

Дальнейшая интеграция цифровых технологий будет иметь для страны решающее значение. Без этого Казахстану будет сложно войти в список 30 наиболее конкурентоспособных экономик мира и повысить благосостояние населения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ахунбаев А. Индустрия 4.0 — гарант конкурентоспособности ГМК Казахстана. *Горно-металлургическая промышленность*. 2017;12(114):48-50.
2. Тулубекова А. Токаев о цифровизации: если будем забалтывать проблемы, мы просто отстанем. 24.01.2020. URL: <https://www.zakon.kz/5004191-tokaev-o-tsifrovizatsii-esli-budem.html> (дата обращения 14.05. 2020).
3. Положихина М.А. Регулирование процесса цифровизации экономики: европейский и российский опыт. *Россия и современный мир*. 2018;4:64-81.
4. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: доклады к XX Апрельской международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апреля 2019 г. Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский, Л. М. Гохберг и др.; Под науч. ред. Л. М. Гохберг. Москва: Высшая школа экономики; 2019. 82 с.
5. Капанова Л. Д. Цифровая экономика в России: состояние и перспективы развития. *Экономика и управление*. 2018;2:58-69.
6. Баймухамедов М. Ф., Баймухамедов Г. С., Аймурзинов М. С. Технологическая модернизация экономики страны на основе реализации государственной программы «Цифровой Казахстан». *Аграрный вестник Урала*. 2019;2(181):42-45.
7. Сапаралиева К. С. Современное состояние цифровой экономики в рамках развития предпринимательства в Республике Казахстан. *Научные стремления*. 2018. 24:143-145
8. Inklaar R., Timmer M.P., Ark B. van, Carlin W., Temple J. Market Services Productivity

- across Europe and the US. *Economic Policy*. 2008;23(53):139-194.
9. Niebel T. ICT and Economic Growth: Comparing Developing, Emerging and Developed Countries. Mannheim: ZEW Centre for European Economic Research; 2014. 29 p.
 10. Zhou Z., Xie S., Chen D. Fundamentals of Digital Manufacturing Science. London: Springer-Verlag London Limited; 2012. 366 p.
 11. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York: McGrawHill; 1995. 342 p.
 12. Ахметов А. О чем говорили на цифровом форуме в Алматы. 2018. 2 февраля. URL: https://www.inform.kz/ru/o-chemgovorili-na-cifrovom-forume-v-almaty_a3141750 (дата обращения 21.07.2020).
 13. Катасонов В. Цифровая экономика — светлое будущее человечества или биржевой пузырь? 2017. URL: <https://www.russiapost.su/archives/100962> (дата обращения 21.07.2020).
 14. Taking leadership in a digital economy / Telstra corporation limited, Deloitte digital. November, 2012. URL: deloitte-au-tmt-taking-leadership-digital-economy-031014.pdf (дата обращения: 21.07.2020).
 15. Щербатенко А. Искусственный интеллект, е-документооборот и тендеры онлайн в ритейле: о чем будут говорить на RDBS. URL: <https://rau.ua/ru/newsrdb/aleksej-shherbatenko-smart-tender/> (дата обращения: 15.08.2020)
 16. Щербатенко А. Чем будет интересен мир в 2017. Четыре основных экономических тренда. URL: <https://www.epravda.com.ua/rus/columns/2016/12/28/616112/> (дата обращения: 15.08.2020)
 17. Михайлов В. В. Трансформация отечественного машиностроения. URL: <https://www.epravda.com.ua/rus/columns/2016/12/28/616112/> (дата обращения: 13.06.2020)
 18. Asir M. Kazakhstan 2020: prospects, aspirations for Connectivity and a Digital Economy. URL: <https://dailytimes.com.pk/28998/kazakhstan-2020-prospects-aspirations/> (дата обращения: 21.08.2020).
 19. In two years of implementing state program „Digital Kazakhstan“. 32.8 billion tenge attracted to innovation ecosystem. 2020. 4 February. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0582:FIN:EN:PDF> (дата обращения 21.07.2020).
 20. Назарбаев Н. Третья модернизация Казахстана: Глобальная конкурентоспособность: Послание Президента Республики Казахстан от 31.01.2017. Астана. 2017. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700002017> (дата обращения: 14.05.2020).
 21. Подробный отчет о рейтинге конкурентоспособности (ГИК ВЭФ) 2019 года. URL: <https://csi.kz/news/09102019> (дата обращения: 14.05.2020).
 22. Жумагалиев А. О реализации программы «Цифровой Казахстан», 04.02.2020. URL: <https://www.zakon.kz/5005749-za-dva-goda-realizatsii-gosprogrammy.html> (дата обращения 21.07.2020).
 23. Токаев К-Ж. Для ЕАЭС приоритетным направлением должна стать цифровизация экономик. 01.10.2019. URL: <https://inbusiness.kz/ru/last/dlya-eaes-prioritetnym-napravleniem-dolzha-stat-cifrovizaciya-ekonomik-kasym-zhomart-tokaev> (дата обращения 01.10.2020).
 24. Чен Р. И., Петров А. Я., Торбеев Е. И., Лимарев П. В. Цифровые технологии в банковской сфере. Российский и зарубежный опыт. *Вестник Московского университета им С.Ю.Витте. Серия 1. «Экономика и управление»*. 2018;2(25):42-49.
 25. Елюбаева А. Экономический эффект от цифровизации составил 803 млрд. тенге. 04.02.2020. URL: <https://kapital.kz/tehnology/84469/ekonomicheskij-effekt-ot-tsifrovizatsii-sostavil-803-mlrd-tenge.html> (дата обращения 21.07.2020).

REFERENCES:

1. Akhunbaev A. Industry 4.0-the guarantor of competitiveness of the MMC of Kazakhstan. *Mining and metallurgical industry*. 2017;12(114):48–50. (In Russ.)
2. Tuleubekova A. Tokaev on digitization: if we swing the problem, we simply fall behind. 2020. January 24. URL: <https://www.zakon.kz/5004191-tokaev-o-tsifrovizatsii-esli-budem.html> [Accessed 14.05.2020] (In Russ.).
3. Polozhikhina M. A. Regulation of the process of digitalization of the economy: European and Russian experience. *Russia and the modern world*. 2018;4:64–81. (In Russ.)
4. What is the digital economy? Trends, competencies, measurement: to the XX April international conference. Scientific conference on problems of economic and social development. Moscow, April 9–12, 2019. G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevsky, L. M. Gokhberg, etc.; under the scientific editorship of L. M. Gokhberg. Moscow: Higher school of Economics; 2019. 82 p. (In Russ.)
5. Kapranova L. D. Digital economy in Russia: state and prospects of development. *Economics and management*. 2018;2:58–69. (In Russ.)
6. Baimukhamedov M. F., Baimukhamedov G. S., Aymurzinov M. S. Technological modernization of the country's economy based on the implementation of the state program "Digital Kazakhstan". *Agrarian Bulletin of the Urals*. 2019;2(181):42–45. (In Russ.)
7. Saparaliev K. S. Current state of the digital economy in the framework of entrepreneurship development in the Republic of Kazakhstan. *Scientific aspirations*. 2018. 24:143–145. (In Russ.)
8. Inklaar R., Timmer M. P., Ark B. van, Carlin W., Temple J. Market Services Productivity across Europe and the US. *Economic Policy*. 2008;23(53):139–194.
9. Niebel T. ICT and Economic Growth: Comparing Developing, Emerging and Developed Countries. Mannheim: ZEW Centre for European Economic Research; 2014. 29 p.
10. Zhou Z., Xie S., Chen D. Fundamentals of Digital Manufacturing Science. London: Springer-Verlag London Limited; 2012. 366 p.
11. Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New York: McGrawHill; 1995. 342 p.
12. Akhmetov A. What was discussed at the digital forum in Almaty. 2018. URL: https://www.inform.kz/ru/o-chemgovorili-na-cifrovom-forume-v-almaty_a3141750 [Accessed 21.07.2020] (In Russ.).
13. Katasonov V. Digital economy-the bright future of humanity or the stock market bubble?. Moscow, 2017. URL: <https://news-front.info/2017/01/08/cifrovaya-ekonomika-svetloebudush-hee-chelovechestva-ili-birzhevoj-puzyr-v> [Accessed 21.07.2020] (In Russ.).
14. Taking leadership in a digital economy / Telstra corporation limited, Deloitte digital. November, 2012. URL: deloitte-au-tmt-taking-leadership-digital-economy-031014.pdf [Accessed 21.07.2020].
15. Shcherbatenko A. Artificial intelligence, e-document management and online tenders in retail: what will be discussed at RDBSURL: <https://rau.ua/ru/newsrdb/aleksej-shherbatenko-smart-tender/> [Accessed 15.08.2020] (In Russ.).
16. Scherbatenko A. What will be interesting about the world in 2017. Four main economic trends. URL: <https://www.epravda.com.ua/rus/columns/2016/12/28/616112/> [Accessed 15.08.2020] (In Russ.).
17. Mikhailov V. V. Transformation of domestic mechanical engineering. Presentation. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fhFvay-biL20> [Accessed 13.06.2020] (In Russ.)
18. M.Asir Noor Kazakhstan 2020: prospects, aspirations for Connectivity and a Digital Economy. URL: [http:// https://dailytimes.com.pk/28998/kazakhstan-2020-prospects-aspirations/](http://https://dailytimes.com.pk/28998/kazakhstan-2020-prospects-aspirations/) [Accessed: 21.08.2020] (In Russ.).

19. In two years of implementing the state program “Digital Kazakhstan”. 32.8 billion tenge attracted to innovation ecosystem. URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0582:FIN:EN:PDF> [Accessed: 21.07.2020].
20. Nazarbayev N. Third modernization of Kazakhstan: global competitiveness: Message of the President of the Republic of Kazakhstan dated 31.01.2017. Astana. 2017. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1700002017> [Accessed: 14.05.2020] (In Russ.).
21. Detailed report on the competitiveness rating (WEF GIC) 2019. URL: <https://csi.kz/news/09102019> [Accessed: 14.05.2020] (In Russ.).
22. Zhumagaliev A. On the implementation of the program “Digital Kazakhstan”, 04.02.2020. The Inclusive Development Index 2018 Summary and Data Highlights. URL: <https://www.zakon.kz/5005749-za-dva-goda-realizatsii-gosprogrammy.html> [Accessed: 14.05.2020] (In Russ.).
23. Tokaev K-Zh. Digitalization of economies should be a priority for the EAEC. 01.10.2019. URL: <https://inbusiness.kz/ru/last/dlya-eaes-prioretnym-napravleniem-dolzha-stat-cifrovizaciya-ekonomik-kasym-zhomart-tokaev> [Accessed: 14.05.2020] (In Russ.).
24. Chen R. I., Petrov A. Ya., Torbeev E. I., Lismarev P. V. Digital technologies in the banking sector. Russian and foreign Experience. *Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series I. “Economics and Management”*. 2018;2(25):42-49. (In Russ.).
25. Elyubaeva A. The economic effect of digitalization amounted to 803 billion tenge. 04.02.2020. URL: <https://kapital.kz/tehnologiy/84469/ekonomicheskij-effekt-ot-tsifrovizatsii-sostavil-803-mlrd-tenge.html> (accessed 21.12.2020) [Accessed: 21.07.2020] (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Олег Г. Карпович, доктор юридических наук, доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;

iskran@yahoo.com

Балташ Н. Карипов, доктор политических наук, Кокшетауский государственный университет имени Ш.Ш. Уалиханова, Кокшетау, Казахстан; 020000, Республика Казахстан, Кокшетау, ул. Абая, д. 76;

jants@yandex.ru

Аделина Ш. Ногмова, кандидат политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;

adelinamid@mail.ru

Oleg G. Karpovich, Doctor of Law, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;

iskran@yahoo.com

Baltash N. Karipov, Doctor of Political Sciences, Sh. Ualikhanov Kokshetau State University, Kokshetau, Republic of Kazakhstan; bld. 76, Abay str., Kokshetau, 020000, Republic of Kazakhstan;

jants@yandex.ru

Adelina S. Nogмова, Candidate of Sciences (Politics), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;

adelinamid@mail.ru



Миграционная политика России: новые точки отсчета

Марк А. Неймарк

Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,

mark.neimark@mail.ru

Аннотация: В статье прослеживается эволюция концептуальных основ миграционной политики России и особенности ее реализации на различных этапах социально-экономического и политического развития страны. В центре анализа — геополитическая специфика миграционной политики России: после распада СССР десятки миллионов граждан страны оказались за рубежом. Обращение к истокам формирования концептуальной базы миграционной политики России, учет недооцененных в тот период факторов имеет важное практическое значение для ее актуализации и оптимизации в наши дни. Выявляются противоречивые тенденции в развитии миграционных процессов, нереализованные возможности, ошибки и просчеты, допущенные в первые постсоветские годы; отмечается все то позитивное, что было привнесено в миграционную сферу на протяжении трех десятилетий. Автор выделяет несколько этапов, имеющих свои особенности, которые характеризуют динамику изменений и эволюцию концептуальных подходов государства к этой очень сложной и многослойной проблеме. И на каждом этапе — трудные поиски ответов на нерешенные старые и новые вопросы, которые ставит перед Россией жизнь с ее противоречиями, алогизмами, парадоксами. Автор заключает, что коронавирусная пандемия, вызвавшая глобальные социально-экономические потрясения в мире, станет форс-мажорным испытанием для миграционной политики России.

Ключевые слова: миграция, Россия, национальная безопасность, геополитика

Для цитирования: Неймарк М. А. Миграционная политика России: новые точки отсчета. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(4):495-507. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-495-507>

Статья поступила 17.09.2020

Принята в печать 26.10.2020

Опубликована 01.12.2020

Russian Migration Policy: New Starting Points

Mark A. Neimark

Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
mark.neimark@mail.ru

Abstract: *The* author traces the evolution of the conceptual foundations of Russia's migration policy and the features of its implementation at various stages of social, economic and political development of the country. The analysis focuses on the geopolitical specifics of Russia's migration policy: after the collapse of the USSR, tens of millions of the country's citizens ended up abroad. Return to the sources of the conceptualization of the Russian migration policy, capture of the underrated factors has a significant practical importance to mainstream and optimize it nowadays. Contradictory tendencies in the development of migration processes, unrealized opportunities, mistakes and miscalculations made in the first post-Soviet years are revealed; all the positive things that have been brought into the migration sphere over three decades are noted. The author identifies several stages that have their peculiarities that characterize the dynamics of changes and the evolution of the conceptual approaches of the state to this very complex and multi-layered problem. And at each stage there is a difficult search for answers to unresolved old and new questions that life poses to Russia with its contradictions, illogisms, and paradoxes. The author concludes that the coronavirus pandemic, which caused global social and economic upheavals in the world, will become a force majeure test for Russia's migration policy.

Keywords: migration, Russia, national security, geopolitics

For citation: Neimark M. A. Russian Migration Policy: New Starting Points. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):495-507. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-495-507>

Received 17.09.2020

Revised 26.10.2020

Published 01.12.2020

ВВЕДЕНИЕ

В миграционной политике России можно выделить несколько этапов. В труднейшие первые постсоветские годы, в силу понятных причин проводилась неопределенно-размытая миграционная политика, удручавшая своей хаотичностью и спорадическими, иногда громкими акциями, ходами и контрходами. Со всей остротой обозначилась тревожная тенденция ее отставания от новых реалий и явлений и в России, и в русской диаспоре. Путаные и противоречивые представления о ней

мешали выработке стройной системы мер в государственном масштабе. Нередко оценки миграционной ситуации предшествовали достоверному знанию о ней. Зачастую использовался, по сути, лозунговый метод, подменяющий реальные дела яркими призывами, никак не обеспеченными материальными ресурсами.

В миграционной сфере делалось немало в сопоставлении с возможностями государства в тот период. Как известно, недостатки всегда выпирают, а достоинства

прячутся за ними. Наступил момент, когда дал о себе знать закон убывающей отдачи: все меньшая эффективность распыленных усилий при все больших затратах на них. Характеризуя политику государства в этот период, В. В. Путин на встрече с руководящим составом МИД России в январе 2001 г. заявил: «Практически в ходе каждого визита в страны Содружества я встречаюсь с представителями русскоязычной общины. И должен сказать, нареканий нашей с вами работы в этой сфере много. Это касается не только дипломатических служб. Это касается усилий государства в этой сфере в целом. И в информационно-политическом плане, и в непосредственной работе с людьми. Мы явно недорабатываем в защите нашей диаспоры, в защите русской культуры и русского языка. Миллионы людей, которые в одночасье оказались оторваны от своей Родины, ни в чем не повинны. Из этого и нужно исходить» [1].

Даже по официальной, дипломатически осторожной, оценке МИД РФ, государственная политика по отношению к зарубежным соотечественникам была в 1990-х годах «довольно инертной». Государство оказалось не готовым к адекватной реакции на проблемы, связанные с диаспорой, их осознание как ключевых для российской внешней политики проходило болезненно [2].

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ

Первый этап — создание Федеральной миграционной службы (1992 г.), призванной в приоритетном порядке заниматься вынужденными переселенцами из стран СНГ. Этот этап отмечен также принятием в 1993 г. законов «О беженцах» [3] и «О вынужденных переселенцах» [4]. Но сколько-нибудь значимых практических результатов они не дали. В тот период заключенные Россией с десятью странами, ранее входившими в состав Советского Со-

юза, международные соглашения по вопросам добровольного переселения и защиты прав переселенцев, остались на бумаге. Более того, некоторые соглашения даже не были ратифицированы.

Второй этап — закрепление курса на поддержку беженцев и переселенцев в Федеральной миграционной программе (1996–2001 гг.) и в федеральной целевой программе «Дети семей беженцев и вынужденных переселенцев» как составной части президентской программы «Дети России». В тяжелых социально-экономических условиях, в которых жила страна, основные положения этих программ не были реализованы.

Особенность этого этапа — законодательное оформление взаимоотношений государства с соотечественниками, оставшимися за его пределами, — принятие впервые в истории нашей страны Федерального закона «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [5] (1999 г.).

На третьем этапе поворотным пунктом в отношении к зарубежным соотечественникам со стороны российских властных структур стала принятая в середине 2006 года «Государственная программа по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом». Представляя ее на международном конгрессе соотечественников в октябре 2006 года в Петербурге, Владимир Путин сделал принципиальную оговорку, что она не ставит своей целью любой ценой «перетасовать» всех соотечественников на территорию Российской Федерации — она должна предоставить только право и возможность выбора тем, кто хочет переехать.

Мобилизующее значение программы было очевидно — заявлена стратегическая платформа государства. В отличие от фе-

дерального закона 1999 года, где зафиксировались общие положения о зарубежных соотечественниках, в нее привнесены содержательно новые, привлекательные для диаспоры установки и предложения. Впервые в нашей стране был разработан пакет мер столь обещающей помощи для соотечественников, уехавших, по выражению классика, от «растрепанной действительности». На таких проектах проверяются масштаб и сила государства.

Вместе с тем программа была объективно сориентирована, прежде всего, на тех, кто рассчитывает на себя и свои силы. Соотечественников, сохраняющих заведомо иллюзорные представления о роли государства как безусловного гаранта их личного благополучия, уповающих на некие перераспределительные общественные проекты, ждало большое разочарование. (Сразу оговоримся, что проблема «утечки мозгов» и возвращения в Россию высококлассных специалистов требует отдельного комплексного рассмотрения, поскольку этой категории соотечественников необходимы особые условия и практические меры, разработкой которых занимаются профильные ведомства).

Постепенно концептуальные новации стали переводиться в практическое русло. К 2007 году государственная поддержка соотечественников возросла по сравнению с 2000 годом в 7 раз, достигнув трети миллиарда рублей. По данным МИД РФ, по линии правительственной комиссии на поддержку соотечественников в 2008 году было выделено 0,03 процента федерального бюджета. При всей микроскопичности суммы, это несопоставимо больше финансирования на эти цели в начале 2000-х годов. Тогда выделялось в 50 (!) раз меньше. В сравнении с масштабностью проблемы эти суммы в реальном исчислении имели, конечно же, символическое измерение, но сама динамика весьма показательна.

Принимаемые государством меры отражают объективное противоречие двух устремлений. С одной стороны, при выработке политики по отношению к соотечественникам государство исходит из того, что диаспоральное сообщество может быть действенным инструментом усиления российского влияния за рубежом, лоббирования интересов России и укрепления «Русского мира» в целом, что предполагает определенную укорененность наших соотечественников в странах проживания. С другой стороны, настойчивый призыв к возвращению, обращенный, прежде всего, к социально активной части диаспоры, к квалифицированным специалистам, обогатившим свой профессиональный опыт за рубежом, означает, что государство рассчитывает на них как на дополнительный ресурс модернизации и инновационного развития России.

Было бы иллюзией рассчитывать на быстрое воплощение в жизнь Программы возвращения, которая требует огромных капиталовложений и организационных усилий. В ходе ее реализации исходно обозначились две опасности. Первая — растянутость по времени, чрезмерная постепенность.

Вторая опасность — попытки чрезмерно форсированной реиммиграции, не обеспеченной полноценным финансированием и инфраструктурными возможностями при четко сбалансированном распределении функций и обязанностей федерального центра и регионов. Это грозило обернуться социально-психологической дезориентацией достаточно большой части соотечественников, не говоря уже о негативных последствиях для международного авторитета и имиджа России.

Начальную фазу эксперимента надо признать мало удавшейся. Затянувшаяся промежуточная пауза создавала предпосылки для размывания всего стратегического

замысла. Мероприятия программы предполагалось осуществить в течение 2006–2012 годов в три этапа: в 2006 году принять нормативно-правовые акты, в 2007–2008 годах начать добровольное переселение соотечественников, в 2009–2012 годах реализовать региональные программы и оценить их эффективность.

Объявленные сроки оказались сорваны. Причин тому много. Среди них — факторы объективного характера, прежде всего, масштабности и беспрецедентности проекта, требующего огромных финансовых средств. Из субъективных причин назовем бюрократические проволочки. Только в октябре 2008, с задержкой в два года, был принят объемный — около 40 актов — пакет правового обеспечения Программы переселения. Соответственно «поплыли» и последующие сроки ее материализации.

Трудно отделиться от ощущения, что архитекторами переселенческой стратегии были чиновники, не обремененные чрезмерными экспертными и практическими знаниями, весьма отвлеченно представляющие глубину и масштаб проблемы. При этом они боязливо относились к самой идее ее широкого публичного обсуждения в диаспоральных кругах хотя бы на предварительной стадии. Нет необходимости особенно подчеркивать, что тогда не проводилось, даже по минимуму, и репрезентативного мониторинга диаспорального информационного поля.

Чрезвычайно важный момент: в Программе не было жестко оговоренного указания на то, что речь идет о материальной помощи в первичном обустройстве переселенцев. Однако подобная непрописанность не мешала появлению обманчивых иллюзий и надежд, чреватых впоследствии разочарованием и раздражением. Не могли не сказаться всегда завышенные социопсихологические ожидания и патерналистская

предрасположенность в оценке любого государственного документа или акта, прямо или косвенно касающихся будущих переселенцев: в глубине души каждый надеется на лучшее.

Переселение не стало для подавляющей части диаспорального сообщества самоочевидной целесообразностью. Поначалу возвращались, в основном, не в обиду им будет сказано, «озабоченные желудочно», по определению Стругацких, для кого иммиграция стала, да исходно и была, объективно говоря, запредельной чужеродностью. По данным Федеральной миграционной службы (на лето 2008 года), высшее образование имели не более 30 процентов соотечественников, которые возвратились в рамках Программы, то есть у подавляющего большинства было лишь среднее и среднее специальное образование.

Вокруг Программы было много разноголосицы и кривотолков. Диапазон реакций на нее в диаспоральных кругах оказался весьма широк — от глумливого ерничанья до серьезных, вдумчивых разборов.

Иммиграционная среда — особый феномен. Оторванный от родной почвы человек диаспоры как никто другой нуждается в устойчивом настоящем. Любое несоответствие с патерналистским ожиданием воспринимается в высшей степени обостренно, а зачастую и с эмоциональными пережестами, связанными, в частности, с надеждой на то, что Программа станет своего рода компенсацией за пережитые разочарования на чужбине. Поэтому в диаспоральной среде Программа возвращения вызвала первоначально скорее своего рода «стерильную возбужденность» (заимствую образное определение философа Г. Зиммеля). Диаспора не воспринимает язык безличных — применительно к каждому — программных абстракций. Дала о себе знать и защитная рефлексия: люди

вообще подозрительно относятся к новому, тем более, если это касается их лично.

Динамичная часть потенциальных переселенцев, тяготеющих к малому бизнесу и чутко реагирующих на малейшие изменения во внутренней жизни нашей страны, не без оснований опасалась жесткой коррупционной среды, которая ожидает их по возвращении. Настороженность соотечественников подпитывалась огромным валом разоблачительных публикаций как в зарубежных, так и в российских (неизвестно, где больше) СМИ. Директор Института Русского зарубежья С. Ю. Пантелеев проанализировал большой массив публикаций о Программе в печатных СМИ и Интернете, причем как в России, так и в странах проживания соотечественников. По его наблюдениям, около 90% публикаций носили тогда критический характер. И это была уже не тенденция, а содержательно нечто большее.

Одних соотечественников не устраивала общая градация переселенческих стандартов. Другие опасались, что по возвращению они могут быть встречены по не столь уж шутиливой приветственной формуле «Москвичи и незваные гости столицы». Многие осознали, что их ожидают трудные поиски точек опоры, не менее жесткая, чем на Западе, конкурентная среда, к ним будут относиться по шкале опознавательных знаков «свой — чужой». То есть предстояло пройти новые университеты выживания. Речь шла о нежелании соотечественников испытывать на себе последствия совсем не исключаемых ими социальных конфликтов между переселенцами и теми, кто живет в России постоянно.

Сценарий возвращения в таком восприятии опирался на обидное для них отождествление понятий «соотечественник» и «трудовой мигрант». В этом — ключ к пониманию перспектив решения многих проблем, связанных с реализацией Программы

переселения. Будут ли на практике эти понятия разделяться, органично соотноситься или отождествляться? Ответ российских властных структур на такой вопрос в значительной степени предопределял судьбу Программы переселения.

Колебания и неуверенность соотечественников за рубежом в принятии решения о возвращении были вызваны не только сугубо индивидуальными мотивациями переезда в другую страну — при всех различиях и схожести категорий и групп соотечественников. Неизбежно сказывались и другие, скорее общие, для диаспор факторы — дихотомичные по культурной и психологической сути последствия эмиграции.

Подлинная интеграция в зарубежное общество предполагает естественный интерес к стране обитания, ее истории и культуре. Утилитарно же зауженная ориентация на социальные проблемы подпитывает межумочное состояние человека: отплыв от одного берега, он не прибил к другому. Возникает трудноразрешимая дилемма: стать носителем чужого культурного стереотипа или оставаться носителем привычного русского культурного генетического кода. Органичное же сочетание обоих доступно далеко не всем. В диаспоре существуют в противоречивом единстве как отношения культурно-информационного взаимопритяжения, так и социально-психологического взаимоотталкивания.

Острейшие заботы выживания за рубежом, с которыми сталкиваются соотечественники-аутсайдеры, их вынужденная податливость чужой социально-психологической среде исподволь вносит в подсознание косную убежденность в «неподъемности» страны, которую они покинули в поисках лучшей доли. Маргинализация бытия автоматически включает «аварийное сознание», отдаляющее человека от исторической родины, а линия духовной

взаимосвязи с ней обозначается в виде затухающей кривой.

Единственная реальная предпосылка и базовая основа для развития контртенденции — глубинные качественные изменения в самой России, стабилизация внутривнутриполитической ситуации, усиление ее экономического потенциала, значительное улучшение условий и качества жизни, укрепление позиций страны в мире.

В последние годы укоренившаяся в сознании многих зарубежных соотечественников инерционно-пассивная логика — «так было, так будет, так должно быть всегда» — стала давать сбой, постепенно уступая место более адекватным представлениям о возможностях возвращения на свою историческую родину. То, что еще совсем недавно в диаспоральных кругах виделось исключительно со знаком минус, в меняющихся условиях уже воспринимается не столь однозначно. Даже среди тех, кто в иммиграции достиг определенного уровня самодостаточности, обозначился ряд признаков и симптомов возрождения интереса к России. Диалогические отношения партнерства между государством и зарубежными соотечественниками, на которых долгое время сказывалась инертность бюрократических подходов и недоверие к властным структурам, становятся все более внятными и конструктивными.

Четвертый этап — в результате существенного обновления самих концептуальных подходов к миграционной политике в ее содержательном наполнении произошли заметные подвижки. Их отражением стал федеральный закон от 23 июля 2010 г. «О внесении изменений в Федеральный закон “О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом”» [6], согласно которому соотечественниками за рубежом являются граждане Российской Федерации,

постоянно проживающие за пределами ее территории. Таковыми также признавались лица и их потомки, проживающие за пределами территории Российской Федерации и относящиеся, как правило, к народам, исторически проживающим на территории Российской Федерации, а также сделавшие свободный выбор в пользу духовной, культурной и правовой связи с Российской Федерацией; лица, чьи родственники по прямой восходящей линии ранее проживали на территории Российской Федерации, в том числе: лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства; выходцы (эмигранты) из Российского государства, Российской республики, РСФСР, СССР и Российской Федерации, имевшие соответствующую гражданскую принадлежность и ставшие гражданами иностранного государства или лицами без гражданства.

Закон постулировал, что граждане Российской Федерации, проживающие за ее пределами, являются соотечественниками в силу гражданской принадлежности, подтверждением которой служит документ, удостоверяющий наличие гражданства Российской Федерации. Признание своей принадлежности к соотечественникам лицами, предусмотренными этим пунктом, является актом их самоидентификации, подкрепленным общественной либо профессиональной деятельностью по сохранению русского языка, родных языков народов Российской Федерации, развитию российской культуры за рубежом, укреплению дружественных отношений государств проживания соотечественников с Российской Федерацией, поддержке общественных объединений соотечественников и защите прав соотечественников либо иными свидетельствами свободного выбо-

ра данных лиц в пользу духовной и культурной связи с Россией.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ

Существенные изменения претерпели концептуальные основы миграционной политики России как важного компонента ее национальной безопасности. Эти изменения нашли отражение в Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. указом Президента РФ от 13 июня 2012 г.) [7]. Ее разработка была вызвана необходимостью обозначения стратегических ориентиров миграционной политики во взаимосвязи с ожидаемыми перспективами экономического, социального и демографического развития России, ее внешней политики, интеграционными процессами в СНГ, а также общемировыми тенденциями глобализации.

Новизну документа определяли три главные целевые установки: обеспечение национальной безопасности России, максимальная защищенность, комфортность и благополучие населения страны; стабилизация и увеличение численности ее постоянного населения; содействие обеспечению потребности национальной экономики в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей.

Среди многих конкретных задач, обозначенных для реализации этих установок, по степени важности можно выделить следующие:

- разработка дифференцированных механизмов привлечения, отбора и использования иностранной рабочей силы;
- содействие переселению на постоянное место жительства квалифицированных специалистов, а также иных иностранных работников, востребованных на российском рынке труда;

- создание условий для миграции в Россию предпринимателей и инвесторов;
- стимулирование миграции в Россию молодежи, имеющей особо востребованные на российском рынке труда профессии и специальности;
- совершенствование механизма квотирования и иных инструментов регулирования привлечения иностранной рабочей силы.

Решение этих и других, связанных с ними, задач были направлены прежде всего на устранение недостатков в миграционной политике, которые были допущены в предшествующие годы. Отмечался невысокий — по сравнению с другими странами — уровень миграционной привлекательности России. Продолжался эмиграционный отток из страны. Ее миграционное законодательство не в полной мере соответствовало потребностям экономического, социального и демографического развития, интересам работодателей и российского общества в целом. Критике подверглось несовершенство самой системы управления миграционными процессами, что ведет к расширению незаконной миграции, питающей рабочей силой теневой сектор российской экономики.

Было признано, что за исключением Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, отсутствуют программы привлечения на постоянное место жительства мигрантов с востребованными в стране профессионально-квалификационными, образовательными, экономическими, демографическими, социокультурными и другими характеристиками, способных успешно адаптироваться и интегрироваться в российское общество. Сложности в получении разрешения на временное проживание и вида на жительство

затрудняют процесс получения гражданства для большинства законопослушных мигрантов.

Принципиально новый момент: участники программы по переселению получили право переселяться во все субъекты РФ. Существуют также и территории приоритетного переселения, которые указаны в отдельном перечне, т.е. представляющие собой стратегически важные территории для России.

Изменения в стране и мире нашли отражение в «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» [8], принятой в октябре 2018 г. Она разработана с учетом обновления положений, затрагивающих вопросы реализации миграционной политики, которые содержатся в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года, Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года.

В скорректированном виде целью миграционной политики является создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере обеспечения безопасности государства, социально-экономического, пространственного и демографического развития страны, повышения качества жизни ее населения, защиты национального рынка труда, поддержания межнационального и межрелигиозного мира и согласия в российском обществе, а также в сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода.

Исходя из современного понимания национальных и глобальных проблем миграции, в документе актуализируются цели,

задачи и основные направления деятельности России в этой сфере в преломлении органичного сочетания национального и глобального в мировой политике и международных отношениях. Это приобретает особое значение в свете резко возросшей миграционной активности вблизи внешних границ России и в зоне ее интересов. Интенсивный миграционный поток из стран Ближнего Востока и Северной Африки в Европу, возникший в последние годы, стал причиной негативных социально-экономических процессов в европейских государствах. И — что особенно важно — это способствует проникновению на их территории членов криминальных, террористических и экстремистских структур. Такие негативные проявления чреваты угрозой как для России, так и для приграничных с ней государств.

Отсюда — установка на совершенствование механизма миграционного контроля в целях обеспечения национальной безопасности России.

В обновленном документе зафиксированы позитивные изменения в миграционной политике России, которые произошли в 2012–2017 гг.

- усовершенствованы инструменты правового регулирования в сфере миграции и меры противодействия незаконной миграции;
- проведена корректировка правил осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности на территории России;
- оптимизированы правила пребывания обучающихся в России иностранных граждан, что способствовало росту их числа (291 тыс. человек на начало 2017/18 учебного года по сравнению с 153,8 тыс. человек на начало 2010/11 учебного года);
- созданы дополнительные условия, спо-

собствующие добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, а также упрощены правила приема в российское гражданство иностранных граждан, являющихся носителями русского языка, инвесторами, предпринимателями или выпускниками российских образовательных организаций;

- разработаны и проходят проверку на практике подходы к социальной и культурной адаптации различных категорий иностранных граждан, в том числе в рамках соответствующих программ и в формате государственно-общественного партнерства, с участием общественных и образовательных организаций, учреждений культуры и спорта;
- установлена угловая ответственность за пересечение государственной границы России иностранными гражданами, въезд которым в страну не разрешен, за фиктивную постановку иностранных граждан на миграционный учет. Ужесточены санкции за организацию незаконной миграции;
- введена административная ответственность приглашающей стороны за неисполнение обязанностей по материальному, медицинскому и жилищному обеспечению приглашенных иностранных граждан, за предоставление заведомо ложных сведений о цели их въезда в Российскую Федерацию при оформлении документов на въезд;
- конкретизирован и расширен перечень оснований, по которым не разрешается или ограничивается въезд иностранных граждан в Российскую Федерацию, а также увеличены сроки таких ограничений.

Документ четко определяет принципы, на которых должна строиться миграционная политика. Это: комплексность решения задач миграционной политики с учетом решения задач социально-экономического,

культурного, демографического развития Российской Федерации; приоритет интересов Российской Федерации и российских граждан, постоянно проживающих на ее территории; учет многообразия региональных и этнокультурных укладов жизни населения Российской Федерации.

Среди этих принципов особое место — в силу значимости и новизны — занимает участие институтов гражданского общества в реализации миграционной политики с оговоркой: «при соблюдении принципа невмешательства в деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов России и органов местного самоуправления» [9].

Вновь поставлена задача корректировки условий добровольного переселения востребованных специалистов (в том числе научных и педагогических работников, инженеров, врачей), фермеров, предпринимателей, инвесторов и выдающихся деятелей культуры и искусства с учетом их ожиданий и запросов, а также поддержка российских организаций, привлекающих таких лиц.

В основные направления миграционной политики в области создания условий для адаптации иностранных граждан выделено формирование институтов и механизмов социальной и культурной адаптации иностранных граждан с учетом их возрастных, профессиональных, национальных, культурных и иных особенностей, а также региональных и этнокультурных укладов жизни населения Российской Федерации.

Особое значение придается принятию мер, препятствующих возникновению странственной сегрегации, формированию этнических анклавов и маргинализации находящихся на территории России иностранных граждан, включая оформление документов, удостоверяющих личность, лицам без гражданства, не имеющим таких документов.

О том, сколь важное значение придается конструктивным нововведениям в миграционной проблематике, можно судить по детальной конкретизации этого документа в утвержденном 6 марта 2020 г. перечне президентских поручений. Они фокусируются на реформировании миграционных режимов и института гражданства Российской Федерации, модернизации механизмов регулирования трудовой миграции, совершенствовании механизмов обеспечения безопасности и правопорядка в миграционной сфере, а также на информатизации всего комплекса управления миграцией [10].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, эволюция концептуальных основ миграционной политики России, обновление и расширение формата ее базовых составляющих наглядно свидетельствует о преодолении тяжелого наследия 1990-х гг., усилении геополитических позиций страны, расширения ее ресурсных возможностей для реализации активной миграционной политики. Ценнейший опыт, включая

и негативный, накопленный в течение почти трех десятилетий, позволил сформировать целостную концепцию миграционной политики с учетом национальных интересов и стратегических приоритетов России.

В обновленном виде современная миграционная политика России приобрела важнейшую черту — адаптационную гибкость, позволяющую ей развиваться дальше не по упрощенно-конъюнктурным лекалам, а на стратегически принципиальной основе, учитывать то новое, что привносит реальная жизнь с ее коллизиями и противоречиями, особенности отнюдь не линейных событийных потоков в глубоко трансформирующемся мире.

Их непредсказуемым отражением стала коронавирусная пандемия, которая внесла в экономику страны и соответственно в реализацию обновленных концептуальных основ ее миграционной политики такие объективно проблемные ограничители и сложности, что они могут на обозримую перспективу существенно снизить заложенный в ней потенциал.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление В. Путина на встрече Президента Российской Федерации с руководящим составом дипломатической службы МИД России. *Дипломатический вестник МИД РФ*. 2001;2:8-13.
2. Карасин Г. Б. Россия и соотечественники. 20 декабря, 2007. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1689> (дата обращения: 11.09.2020)
3. Федеральный закон от 19.02.1993 N 4528-1 (ред. от 26.07.2019) «О беженцах». 31 июля 2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/ (дата обращения: 11.09.2020)
4. Закон РФ «О вынужденных переселенцах» от 19.02.1993 N 4530-1. 19 февраля, 1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4339/ (дата обращения: 11.09.2020)
5. Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05.1999 N 99-ФЗ. 24 мая, 1999. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ (дата обращения: 11.09.2020)
6. Федеральный закон от 23.07.2010 N 179-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом». 23 июля, 2010. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102927/3d0cac60971a511280cbba229

- [d9b6329c07731f7/#dst100009](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/) (дата обращения: 11.09.2020)
7. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ). 8 июня, 2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046/ (дата обращения: 11.09.2020)
 8. Указ Президента РФ от 31.10.2018 N 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы». 31 октября, 2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/ (дата обращения: 11.09.2020)
 9. Указ «О концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы». 31 октября, 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 11.09.2020)
 10. Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019-2025 годы. 6 марта, 2020. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960> (дата обращения: 11.09.2020)

REFERENCES

1. Vladimir Putin's address at the meeting of the President of the Russian Federation with the senior staff of the diplomatic service of the Russian Foreign Ministry. *Diplomatic Herald of the MFA of Russia*. 2001;2:8-13. (In Russ.)
2. Karasin G. B. Russia and compatriots. 20 December, 2007. URL: <https://interaffairs.ru/jaunthor/material/1689> [Accessed: 11.09.2020] (In Russ.)
3. Federal Law of 19.02.1993 N 4528-1 (as amended on 26.07.2019) "On Refugees". 31 July, 2020. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/ [Accessed: 11.09.2020] (In Russ.)
4. Law of the Russian Federation "On internally displaced persons" dated 02.19.1993 N 4530-1. 19 February, 1993. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4339/ [Accessed: 11.09.2020] (In Russ.)
5. Federal Law "On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad" dated 24.05.1999 N 99-FZ. 24 May, 1999. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_23178/ [Accessed: 11.09.2020] (In Russ.)
6. Federal Law dated 23.07.2010 N 179-FZ "Amendments to the Federal Law ' On the state policy of the Russian Federation in relation to compatriots abroad'". 23 July, 2010. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_102927/3d0cac60971a511280cbb229d-9b6329c07731f7/#dst100009 [Accessed: 11.09.2020] (In Russ.)
7. Concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025 (approved by the President of the Russian Federation). 8 June, 2012. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131046/ [Accessed: 11.09.2020] (In Russ.)
8. Decree of the President of the Russian Federation of October 31, 2018 N 622 "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025". 31 October, 2018. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_310139/ [Accessed: 11.09.2020] (In Russ.)
9. Decree "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019–2025". 31 October, 2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> [Accessed: 11.09.2020] (In Russ.)
10. List of instructions on the implementation of the Concept of State Migration Policy for 2019–2025. 6 March, 2020. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/62960> [Accessed: 11.09.2020] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Марк А. Неймарк, Доктор исторических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
mark.neimark@mail.ru

Mark A. Neimark, Doctor of Science (History), Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str. Moscow, 119021, Russia;
mark.neimark@mail.ru



Итоги местных выборов на Украине: переформатирование власти

Сергей С. Жильцов

*Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия,
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия,*

serg.serg56@mail.ru

Аннотация: итоги местных выборов на Украине, которые прошли в октябре 2020 года, зафиксировали изменения в расстановке основных политических сил. Пропрезидентская партия «Слуга народа» утратила поддержку электората. Это еще больше ослабило позиции президента Украины Владимира Зеленского. В то же время, в ходе местных выборов, население поддержало проевропейскую партию бывшего президента Петра Порошенко. Политическая партия «Европейская солидарность» П. Порошенко сумела набрать значительное количество голосов в областных и городских советах практически во всех субъектах Украины. Высокий уровень поддержки получила партия «Оппозиционная платформа — за жизнь», которая ориентировалась на электорат Юго-востока Украины. Отличительной особенностью местных выборов стало снижение интереса у избирателей к радикальным националистическим партиям. Итоги местных выборов отразили изменения в настроениях избирателей. Ключевым фактором стали экономические проблемы, с которыми сталкиваются украинские власти. В результате, президент Украины и его политическая партия утратили поддержку среди населения, что в перспективе усилит соперничество между официальным Киевом и региональными властями.

Ключевые слова: местные выборы, Украина, региональные власти, электорат

Для цитирования: Жильцов С. С. Итоги местных выборов на Украине: переформатирование власти. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(4):508-515. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-508-515>

Статья поступила 02.11.2020

Принята в печать 24.11.2020

Опубликована 01.12.2020

Local elections results in Ukraine: the authorities reframing

Sergey S. Zhiltsov

*Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia,
People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia,*

serg.serg56@mail.ru

Abstract: The local elections results in Ukraine, taken place in October 2020, recorded changes in the main political forces alignment. The pro-presidential «Servant of the People» party has lost the electorate support. This further weakened the Ukrainian President Volodymyr Zelensky standings. At the same time, during the local elections, the popular classes supported the pro-European party of the former President Petro Poroshenko. His political party “European Solidarity” managed to gain a significant number of votes in regional and city councils in almost all Ukraine territorial entities. The «Opposition Platform — For Life» party, oriented towards the South-East Ukrainian electorate, received a high level of support. A distinctive feature of the local elections was the voters’ interest decline in radical nationalist parties. The results of local elections reflected changes in the voters mood. The key factor was the economic problems which the Ukrainian authorities faced. As a result, the President of Ukraine and his political party have lost support among the population, which in the future will increase the rivalry between the official Kiev and regional authorities.

Keywords: local elections, Ukraine, regional authorities, electorate

For citation: Zhiltsov S. S. Local elections results in Ukraine: the authorities reframing. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):508-515. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-508-515>

Received 02.11.2020

Revised 24.11.2020

Published 01.12.2020

ВВЕДЕНИЕ

25 октября 2020 года на Украине прошли выборы в местные органы власти. Они подвели итог политического развития страны за последние полтора года. Так, в 2019 году состоялись выборы президента Украины, на которых победил В. Зеленский. Затем прошли парламентские выборы, в ходе которых пропрезидентская партия «Слуга народа» получила в Верховной раде большинство. С проведением на Украине местных выборов завершился избирательный цикл выборов, в ходе которых определилась расстановка политических сил.

РАДИКАЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ

В феврале 2014 года к власти на Украине пришли представители националистических партий, которые изменили направления внешней и внутренней политики

страны. Период политических дискуссий о путях развития государства, роли русского языка, перспективах сотрудничества с Россией завершился. Борьба за власть, которая с 2004 года приняла острые формы, завершилась победой националистических сил. На первые роли в украинской политике вышли политики, которые нарушили хрупкий баланс, существовавший с момента получения независимости между восточными и западными украинскими элитами.

Отказ правительства Украины подписать соглашение об ассоциированном членстве с ЕС положил начало событиям ноября 2013 – февраля 2014 года. Консолидированные выступления украинской оппозиции позволили организовать выступления против властей. В западно-украинских областях начались выступления представителей оппозиции, которая активно использовала

молодежь В короткие сроки выступления перекинулись на центральные и восточные области, переросли в антиправительственные и антипрезидентские выступления, направленные на захват власти [1]. Действия оппозиции поддержали западные страны, которые сделали ставку на националистов, идеология которых отвергала какое-либо сближение с Россией [2].

Политические события 2014 года стали переломными в политическом развитии Украины. На Украине произошел захват власти оппозицией, что привело к изменению расстановки сил в Верховной раде и формированию нового состава правительства.

Стремление оппозиции придать внешнеполитическому курсу прозападную направленность, ограничить использование русского языка и снизить уровень торгово-экономического сотрудничества с Россией вызвало неприятие у части политической элиты юго-востока страны и населения. В тоже время, проводимые элитами юго-восточных областей консультации и переговоры, дискуссии на круглых столах, направленные на формирование единой позиции относительно происходящих в стране событий, не дали своего результата.

Более решительно действовали власти Крыма. Организованный ими отпор радикальной части оппозиционных сил и проведение референдума на территории полуострова, привели к вхождению Крыма в состав России. Данные действия властей Крыма подтолкнули официальный Киев действовать более решительно. Прежде всего, на востоке страны, который не поддерживал государственный переворот и приход во власть националистических сил. В результате, украинские власти в апреле 2014 года начали на территории Луганской и Донецкой областей антитеррористическую операцию.

В мае 2014 года прошли досрочные выборы президента Украины, на которых победил Петр Порошенко. Новый украинский президент обещал мирными средствами решить конфликт на Донбассе и учитывать интересы его жителей [3].

Политика нового президента и украинского парламента усилили поляризацию настроений общества. Вновь встал вопрос о федерализации Украины. Интерес к этому вопросу возникал на Украине всякий раз, когда Киев пытался ущемить права русскоязычного населения Востока страны [4]. Однако после февраля 2014 года официальный Киев стал жестко пресекать все дискуссии по данному вопросу, предпочитая сохранять Украину в качестве унитарного государства. Власти игнорировали многообразие регионов, настаивая на сохранении унитарного устройства [5].

На протяжении последующих лет, националистические партии усилили свое влияние. Проводился курс на дистанцирование от России. В политической сфере были свернуты дискуссии о федерализации, реализовывался курс на доминирование украинского языка. Президент страны Петр Порошенко и Верховная рада имели близкие позиции по вопросам внутренней политики и внешнеполитического курса.

ПЕРЕЗАГРУЗКА ВЛАСТИ

В 2019 году прошли выборы президента, на которых победил Владимир Зеленский. Победа В. Зеленского стала результатом разочарований большей части населения Украины результатами внутренней политики Петра Порошенко. Несмотря на то, что при П. Порошенко было подписано соглашение об ассоциации с ЕС, проводился курс на создание собственной церкви, расширена антироссийская риторика, а в Основном законе закреплена прозападная курс, эти «достижения» со-

проводились резким ухудшением ситуации в экономике. Это негативно сказалось на социальном уровне жителей Украины.

Приход к власти В. Зеленского продемонстрировал наличие у украинского электората запроса на новые лица, которые могли решать внутренние проблемы и улучшить социально-экономическую ситуацию. Популизм В. Зеленского отодвинул «тяжеловесов» украинской политики. Новые политические проекты, подобные В. Зеленскому, привлекали электорат, который хотел изменений.

Новый президент пришел к власти на волне популистских заявлений, дав избирателям надежды на решение внутренних проблем и изменение подходов к реализации внешней политики. Соответственно население Украины, отдавшее свои голоса за В. Зеленского, ожидало от него кардинального улучшения социально-экономической ситуации. Эти настроения отразились в итогах парламентских выборов, на которых партия «Слуга народа» уровень поддержки, который впервые в современной украинской истории предоставил одной политической силе сформировать большинство в Верховной раде.

За полтора года президент Украины Владимир Зеленский и партия «Слуга народа» прошли путь от триумфальной победы до утраты доверия избирателей. Основная причина снижения популярности президента и его партии была связана с невыполнением главой государства своих предвыборных обещаний. Президент не приступил к урегулированию конфликта на Донбассе, не улучшил социально-экономическую ситуацию в стране. Прежней осталась внешняя политика, ориентирован-

ная исключительно на развитие отношений с западными странами.

В целом, к местным выборам на Украине вновь наблюдалась ситуация, когда население вновь стало ориентироваться на региональные партийные проекты. «Украина, объединенная победой «Слуги народа», начала вновь «расползаться» по политико-географическому принципу»¹.

МЕСТНЫЕ ВЫБОРЫ-2020

Местные выборы состоялись 25 октября 2020 года. Явка избирателей составила 37 %. Данный показатель явки населения на участки для голосования продемонстрировал отсутствие у избирателей интереса к конкретным политическим силам. Так, 63 % граждан, не пришедших на выборы, заявили, что испытывают разочарование относительно ситуации в стране². В условиях сложной социально-экономической ситуации большая часть населения Украины была занята решением социально-экономических проблем. Кроме того, сказывалось разочарование политикой, которую проводил президент и партия «Слуга народа».

Свою роль сыграла и пандемия коронавируса. В условиях неготовности украинской стороны предложить эффективные механизмы борьбы с пандемией, часть населения Украины испугалась идти на избирательные участки.

Партия «Слуга народа» получила на местных выборах незначительный уровень поддержки практически во всех областях страны. Партии не удалось повторить успех, который она имела на парламентских выборах. Количество голосов, полученных на выборах этой партией, позволяло ей

¹ Гушин А. Украина на пороге местных выборов — украинская власть на пороге новых вызовов. 2020. 20 октября. <https://russiancouncil.ru/analitics-and-comments/analitics/ukraina-na-poroge-mestnykh-vyborov-ukrainskaya-vlast-na-poroge-novykh-vyzovov/> (дата обращения: 26.10.2020)

² Названы причины низкой явки на местных выборах. 2020. 27 октября. <https://korrespondent.net/ukraine/4288295-nazvany-prychyny-nyzkoj-yavky-na-mestnykh-vyborakh> (дата обращения: 27.10.2020)

рассчитывать на создание в областных и городских советах фракций, влияние которых будет незначительным. Более того, президентская фракция в областных и городских советах уже не рассматривалась в качестве привлекательного партнера для создания коалиции³.

Расстановка сил, сложившаяся на региональном уровне, ослабила позиции украинского президента, который пообещал «жестко следить за новоизбранными местными властями в стране, от которых зависит качество жизни, и с чем граждане Украина сталкиваются ежедневно»⁴. Однако реальные механизмы воздействовать на областные и городские советы у В. Зеленского практически нет. Кроме того, украинский президент утратил поддержку в обществе, а в Верховной раде возросла вероятность изменения расстановки сил.

Значительный уровень поддержки в юго-восточных областях в ходе выборов получила политическая сила «Оппозиционная платформа — за жизнь». Приверженность данной политической силы мирному урегулированию конфликта на Донбассе и нормализация отношений с Россией сыграли свою роль. По словам одного из лидеров данной политической силы Виктора Медведчука, «результат победы фактически в десяти регионах Украины — свидетельство того, что наша партия наращивает уровень доверия граждан»⁵.

Впрочем, даже значительный уровень поддержки не позволит этой политической силе претендовать на участие в формировании

большинства в областных и городских советах. Присутствие в областных и городских советах Юго-востока представителей других партий, имеющих иные политические предпочтения, сохраняют эту партию в оппозиции. Соответственно, данная ситуация не позволяет ожидать от региональных властей этой части Украины выдвижение альтернативных предложений по реализации комплекса вопросов внешней и внутренней политики.

Во многих областях Украины высокий уровень поддержки получила партия Петра Порошенко «Европейская солидарность». Партия бывшего главы государства отеснила радикальные политические силы, многие из которых потерпели на выборах неудачу. При этом партия Порошенко получила поддержку во всех областных советах⁶, что позволяет ей позиционировать себя в качестве всеукраинской политической силы.

Так, партия бывшего президента Украины получила до трети голосов в западно-украинских регионах и в среднем около 10 % голосов в остальных регионах. Поддержка партии бывшего президента Украины показало, что значительная часть украинского электората, несмотря на экономические проблемы, разделяет проевропейский курс и поддерживает антироссийский вектор внешней политики.

Выборы в местные органы власти зафиксировали сохранение политических предпочтений в различных областях Украины. По словам украинского политолога Костя Бондаренко, «главным итогом местных вы-

³ Гавриленко А. Эксперт: сильные региональные элиты не готовы рассматривать «Слуга народа» даже в качестве младшего партнера. 2020. 29 октября. <https://golos.ua/i/781799> (дата обращения: 29.10.2020)

⁴ Зеленский намерен «жестко следить» за избранными местными властями. 2020. 26 октября. <https://lenta.ru/news/2020/10/26/zhestkiy/> (дата обращения: 26.10.2020)

⁵ Медведчук: на местных выборах ОПЗЖ фактически победила в десяти регионах Украины. 2020. 28 октября. <https://golos.ua/i/781808> (дата обращения: 28.10.2020)

⁶ «Евросолидарность» получила более 100 должностей глав ОТГ и будет представлена в советах всех уровней. 2020. 27 октября. <https://interfax.com.ua/news/election/699106.html> (дата обращения: 28.10.2020)

боров стало фактическое разделение Украины на «25 удельных княжеств»⁷.

Повышенное внимание к результатам местных выборов было связано с усилением политического и экономического веса местных властей. Начатая еще Петром Порошенко реформа децентрализации привела к расширению полномочий мэров городов. При наличии собственной фракции в городском совете, мэры превратились в значительную политическую силу, которая может выдвигать свои требования Киеву. По оценкам эксперта Андрея Вигиринского, «мэр опирается на реальную поддержку... Президент не сможет больше ему тыкать и рассказывать, что мы вас всех перезагрузим, вас всех смели. Они равноценные партнеры с центральными органами исполнительной власти и соответственно, с президентом»⁸.

Главе украинского государства придется мириться с возросшим влиянием региональных элит. В условиях сложной экономической ситуации они могут стать мощной силой, которая будет выдвигать украинскому президенту свои требования.

В отличие от парламентских и президентских выборов, где избирателей привлекают новые лица и яркие политики, на местных выборах электорат выбирает известных политиков, которые показали возможности решения проблем на отдельных территориях. Соответственно, значительный процент голосов в областных и городских советах получили региональные политические проекты. Как правило, они возглавляются политиками, хорошо известными населению.

Итоги выборов, прошедшие в октябре 2020 года, подтвердили, что результаты

парламентских и местных выборов отличаются. В местных выборах принимает участие большое количество политических сил. Как правило, население голосует за «своего» кандидата, которого оно хорошо знает. При наличии у кандидата «заслуг» перед жителями отдельной области или района, его партийная принадлежность отходит на второй план. На парламентских выборах, в отличие от местных, политические силы редко эксплуатируют в предвыборных целях бытовую тематику. В основном акцент делается на вопросы идеологии, внешнеполитический курс, политические ценности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Местные выборы прошли на фоне падения рейтинга президента, а также ослабления позиций пропрезидентской фракции в Верховной раде «Слуга народа». Владимир Зеленский не сумел распорядиться кредитом доверия, который ему выдали избиратели на выборах президента. Электоральные ожидания населения сыграли свою роль на парламентских выборах, на которых пропрезидентская партия «Слуга народа» получила 43 % голосов. Однако к местным выборам рейтинг В. Зеленского и его политической силы значительно снизился.

Прошедшие выборы в местные органы власти показали нарастание разочарования политикой украинского президента и его политической партии. Избиратели фактически отказали партии «Слуга народа» в поддержке, отдав предпочтение другим политическим проектам, имеющим определенную политическую направленность.

⁷ Политолог заявил о разделении Украины на «25 удельных княжеств». 2020. 27 октября. https://iz.ru/1078948/2020-10-27/politolog-zajavil-o-razdelenii-ukrainy-na-25-udelnykh-kniazhestv?utm_referrer=https%3A%2F%2Fzen.yandex.com (дата обращения: 27.10.2020)

⁸ Гавриленко Л. После местных выборов президент уже не сможет конфликтовать с мэрами крупных городов. 2020. 27 октября. <https://golos.ua/i/781476> (дата обращения: 28.10.2020)

В. Зеленский, как и другие украинские президенты, демонстрировали невнимание к вопросам политического развития украинского государства, игнорировал межрегиональные противоречия. Продолжение политики, направленной на сохранение Украины в качестве унитарного государства, пренебрежение интересами населения юго-восточных областей привело к ослаблению позиций В. Зеленского и его политической силы.

Незначительное количество голосов, которые партия «Слуга народа» получила на местных выборах, создала предпосылки для последующего перераспределения

власти. В частности, итоги выборов в местные органы власти могут привести к изменению расстановки сил в Верховной раде. Во фракции «Слуга народа», которая представляет собой отдельные группы, могут усилиться тенденции к распаду. Это приведет к реформатированию сил в украинском парламенте, что еще больше ослабит позиции главы государства. В результате, украинский президент превратится в слабого политика. Первым шагом на этом пути станет утрата поддержки в парламенте. Эта тенденция продолжится в 2021 году, когда свои позиции усилят региональные элиты.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Жильцов С. С. Украина: изменение политического ландшафта. *Геополитический журнал*. 2014; 5: 19-30.
2. Горовая С. Украине уже помогают ... намерениями. *Резонанс*. 2013;88: 12-18.
3. Ворошилов О. Новый украинский Кабмин — «правительство камикадзе»? *Резонанс*. 2014;15: 13-25.
4. Бусол П. А. Проблема федерализации в украинских реалиях: мнения экспертов и политиков. *Украина: события, факты, комментарии*. 2014;9: 43-55.
5. Жильцов С. С. Истоки современного украинского национализма. *Вестник РУДН. Серия политология*. 2014;4: 21-36.

REFERENCES:

1. Zhiltsov S. S. Ukraine: Changes in the Political Landscape. *Geopolitical Journal*. 2014;5: 19-30. (In Russ.)
2. Gorovaya S. Ukraine already help ... Intentions. *Resonance*. 2013;88: 12-18. (In Russ.)
3. Voroshilov O. The new Ukrainian government — «the government of the fateful»? *Resonance*. 2014;15: 13-25. (In Russ.)
4. Busol P. A. A federalization problem in the Ukrainian realities: opinions of experts and politicians. *Ukraine: events, facts, comments*. 2014;9: 43-55. (In Russ.)
5. Zhiltsov S. S. Sources of Modern Ukrainian Nationalism. *RUDN Newletters. Series: Politicalology*. 2014;4: 21-36. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Сергей С. Жильцов, Доктор политических наук, Дипломатическая академия МИД России, Москва, Россия; 119021, Россия, Москва, ул. Остоженка, д. 53/2;
Российский университет дружбы народов, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;
serg.serg56@mail.ru

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 53/2, Ostozhenka str., Moscow, 119021, Russia;
People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russia;
serg.serg56@mail.ru



Правый радикализм на Украине: история и современность

Николай В. Работяжев

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), Москва, Россия,

robotiajev@mail.ru

Аннотация: В статье исследуются идейные истоки украинского радикального национализма, становление и эволюция праворадикальных политических сил на посткоммунистической Украине, идеология современных украинских крайне правых организаций. Украинский праворадикальный национализм зародился в 1920-е – 30-е годы. Его политическим воплощением являлась Организация украинских националистов (ОУН), действовавшая на территории Восточной Польши. Идеологическим фундаментом ОУН был интегральный национализм Д.Донцова, а своей важнейшей целью ОУН провозглашала создание Украинского суверенного государства. Характерными чертами идеологии украинского праворадикального национализма той эпохи были приоритет интересов украинской нации, русофобия, антикоммунизм, антилиберализм, культ силы. Современные украинские радикальные националисты заимствовали многие из этих концептов. В 1990-е годы на Украине возник целый ряд крайне правых организаций, которые провозгласили себя наследниками традиций украинских националистов первой половины XX века. Одни из вновь созданных партий тяготеют к интегральному национализму, другие — к социал-национализму, объединяющему этнический национализм с идеей социальной справедливости. При этом для всех украинских радикал-националистов характерны этническая трактовка нации, стремление к созданию моноэтничного Украинского государства, негативное отношение к России и русским, антикоммунизм, отстаивание «третьего пути» в экономике. Критически относясь к европейским либеральным ценностям, украинские крайне правые все же выступают за вступление Украины в ЕС и НАТО, рассчитывая, что евроатлантическая интеграция Украины отдалит ее от России. Украинские радикальные националисты активно участвовали в Евромайдане 2013–2014 гг. и свержении режима В. Януковича. Однако они никогда (за исключением парламентских выборов 2012 г.) не достигали сколько-нибудь значительных успехов на выборах в Верховную Раду. За них голосует только часть населения Галиции. В то же время некоторые идеи, ранее выдвигавшиеся ультранационалистами, в последние годы до определенной степени вошли в идеологический багаж респектабельных правых проевропейских партий Украины. Таким образом, идейно-политическое влияние украинских крайне правых является более значительным, чем это можно было бы предположить, исходя только из их электоральной поддержки.

Ключевые слова: Украина, украинский национализм, праворадикальные партии, интегральный национализм, социал-национализм, Евромайдан

Для цитирования: Работяжев Н. В. Правый радикализм на Украине: история и современность. *Проблемы постсоветского пространства.* 2020;7(4):516-531. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-516-531>

Статья поступила 20.10.2020

Принята в печать 14.11.2020

Опубликована 01.12.2020

Far-right Radicalism in Ukraine in Past and Present

Nikolai V. Rabotyazhev

*Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
rabotiajev@mail.ru*

Abstract: The article explores the ideological origins of Ukrainian radical nationalism, the formation and evolution of far-right political forces in post-Communist Ukraine, and the ideology of contemporary radical right-wing Ukrainian parties. Ukrainian far-right nationalism originated in the 1920s-30s. Its political embodiment was the Organization of Ukrainian Nationalists (OUN) which operated in Eastern Poland. Ideological foundation of the OUN was the concept of integral nationalism elaborated by Dmytro Dontsov. The OUN proclaimed the creation of Ukrainian sovereign state as its most important goal. The characteristic features of the ideology of Ukrainian radical far-right nationalism of that era were the priority of the interests of the Ukrainian nation, Russophobia, anti-communism, anti-liberalism, and the cult of power. Modern Ukrainian radical nationalists have adopted many of these concepts. In the 1990s, a number of extreme right-wing organizations emerged in Ukraine that declared themselves heirs of the traditions of Ukrainian nationalists of the first half of the XXth century. Some of the newly created parties tend towards integral nationalism, while others tend towards social nationalism, which combines ethnic nationalism with the idea of social justice. At the same time, all Ukrainian radical nationalists are characterized by an ethnic interpretation of the nation, a desire to create a mono-ethnic Ukrainian state, a negative attitude towards Russia and Russians, anti-communism, and commitment to the “third way” in economy. Critical of European liberal values, the Ukrainian far-right radicals are nonetheless in favor of Ukraine joining the EU and NATO, hoping that Ukraine’s Euro-Atlantic integration will distance it from Russia. Ukrainian radical nationalists actively participated in Euromaidan 2013-2014 and the overthrow of Victor Yanukovich’s regime. However, they have never (with the exception of the 2012 parliamentary elections) achieved any significant success in the elections to the Verkhovna Rada. Only a part of the population of Galicia votes for them. At the same time, some ideas previously put forward by the Ukrainian far right have in recent years to a certain extent entered the ideological baggage of respectable pro-European right-wing parties in Ukraine. Thus, the ideological and political influence of the Ukrainian far-right nationalists is more significant than it would be possible to assume based only on their electoral support.

Keywords: Ukraine, Ukrainian nationalism, radical far-right parties, integral nationalism, social nationalism, Euromaidan

For citation: Rabytyazhev N. V. Far-right Radicalism in Ukraine in Past and Present. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):516-531. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-516-531>

Received 20.10.2020

Revised 14.11.2020

Published 01.12.2020

ВВЕДЕНИЕ

На современной Украине праворадикальные партии не обладают заметным политическим весом. Достаточно сказать, что блок националистическо-радикальных организаций под эгидой Всеукраинского объединения «Свобода» получил на парламентских выборах 21 июля 2019 г. лишь около 2 % голосов избирателей и не прошел в Верховную Раду. Однако влияние идеологии праворадикального национализма на Украине намного сильнее, чем можно было бы предположить, исходя из электоральной поддержки крайне правых. Ряд политико-идеологических концептов, сформулированных изначально в ультра-националистическом сегменте украинского политического поля, со временем был в той или иной степени использован другими правыми партиями Украины. Особенно активно этот процесс интеграции элементов праворадикального мировоззрения в идеологию более уважаемых проевропейско-националистических сил развернулся после «революции достоинства» 2014 г. Более того, некоторые идеи украинских ультранационалистов в годы президентства П. Порошенко были воплощены в жизнь. Поэтому, как представляется, изучение идейных истоков украинского правого радикализма, его основных постулатов и идеологии ультраправых партий постсоветской Украины является весьма актуальной задачей.

У ИСТОКОВ УКРАИНСКОГО РАДИКАЛ-НАЦИОНАЛИЗМА

Украинский праворадикальный национализм зародился в Восточной Польше в 20-е – 30-е годы прошлого века. Его политическим воплощением была Организация украинских националистов (ОУН), идеологическим фундаментом которой выступал интегральный национализм Дмитро Донцова. Современные украинские национал-радикалы заимствовали у своих довоенных предшественников ряд идейно-политических концептов и, помимо того, провозглашают себя наследниками их традиций. Поэтому для понимания того, что представляет собой украинский правый радикализм, необходим краткий экскурс в его историю.

Организация украинских националистов (ОУН) была создана в 1929 г. в Вене на конгрессе (Сборе) украинских националистов в результате объединения нескольких националистических организаций, важнейшими из которых были Украинская войсковая организация (УВО) и Союз украинской националистической молодежи. Лидер УВО Евгений Коновалец стал главой ОУН (и возглавлял ее до 1938 г., когда был убит агентом НКВД). Руководитель же Союза украинской националистической молодежи Д. Донцов стал ведущим теоретиком и идеологом ОУН. Своей целью ОУН провозгласил создание Украинского суверенного соборного государства, которое

должно было включать в себя все территории, населенные этническими украинцами. Это государство должно было быть моноэтническим и монокультурным, провозглашался лозунг «Украина для украинцев!». Формой правления в независимом Украинском государстве должен был стать жестко авторитарный режим («национальная диктатура»). Украинское суверенное государство, по мысли руководства ОУН, должно было возникнуть в результате национальной революции, так что не исключались насильственные методы политической борьбы. Хотя ОУН в восточных районах Польши действовала нелегально, она имела определенное влияние в Галиции и на Волыни.

Д. Донцовым была разработана мировоззренческая основа ОУН — украинская версия концепции интегрального национализма. Стоит отметить, что изначально основные идеи интегрального национализма были сформулированы французским ультраконсервативным публицистом Ш. Моррасом (основателем монархической организации Action française), а в 1920–30-е годы интегральный национализм лег в основу идеологии многих европейских праворадикальных движений. Д. Донцов, впрочем, заимствовал свои идеи не столько у Морраса, сколько у немецких романтиков XIX века, трактовавших нацию как органическое сообщество. На его взгляды оказал также заметное влияние социал-дарвинизм (Донцов, в частности, отстаивал тезис об извечной борьбе наций [1]).

Для интегрального национализма, в соответствии со взглядами Донцова, характерны следующие основные черты: вера в нацию как высшую ценность и подчинение всех иных интересов интересам нации; органическое понимание нации; выражение «национальной воли» харизматическим лидером и элитой (орденом) национали-

стических энтузиастов, объединенных в единую партию; волонтаризм, приоритет воли и действия перед разумом, воспевание насилия и войны, культ героев [2]. Разум, эволюционизм и космополитизм Донцов считал фундаментальными заблуждениями XIX века [1]. Неотъемлемой частью его мировоззрения были расизм и ксенофобия, в частности русофобия. В произведениях Донцова провозглашались лозунги «Киев против Москвы», «Прочь от России». Таким образом, можно вполне согласиться с мнением американского политолога Дж. Армстронга, что идеология ОУН была «полуфашистской по природе» [2].

Антилиберализм ОУН распространялся и на сферу экономики. Будучи жесткими антикоммунистами, украинские националисты в то же время отвергали и либеральный капитализм. В этом мировоззрении ОУН было сходно с идеологией других европейских фашистских и праворадикальных движений 1920-х – 30-х годов, считавших, что «капитализм, как и социализм, способствует усилению влияния материалистических ценностей, которые противоречат национальному духу» [3]. Украинские националисты выступали за модель государственно-капиталистического типа, в рамках которой государство регулирует и направляет развитие экономики, а государственный сектор сосуществует с мелкими и средними частными и кооперативными предприятиями.

В августе 1939 г. в Риме на II Большом Сборе украинских националистов новым главой организации был избран близкий соратник Е. Коновальца Андрей Мельник. В 1940–41 гг. организация пережила раскол. В ней возникли две фракции, одна из которых возглавлялась Степаном Бандерой (ОУН (бандеровцы), ОУН (б)), другая — Мельником (ОУН (мельниковцы), ОУН (м)). ОУН (б) в дальнейшем домини-

ровала в националистическом движении на Западной Украине.

В конце 30-х – начале 40-х годов ОУН достаточно тесно сотрудничала с германскими нацистами, что объяснялось как существовавшей между ними идеологической общностью, так и верой руководства ОУН в то, что нацистская Германия поддержит создание Украинского государства. Как отмечает Дж. Армстронг, «зависимость от немцев вела к усилению фашистских тенденций в организации» [2]. После нападения Германии на СССР оуновцы прибывали на Украину вместе с немецкими войсками, причем на оккупированных территориях боевики ОУН принимали участие в терроре против еврейского населения Украины.

30 июня 1941 г. в оккупированном Львове ОУН (б) провозгласила создание Украинского суверенного государства, что вызвало крайне негативную реакцию руководства Германии. Бандера и его ближайшие соратники были немедленно арестованы. Попытки украинских националистов проявлять активность независимо от оккупационной администрации привели к тому, что осенью 1941 г. немецкие власти развернули репрессии против активистов обеих фракций ОУН. В 1943 г. руководство ОУН (б) сформировало Украинскую повстанческую армию (УПА¹), формирования которой на территории Волыни и Полесья вели борьбу против советских и польских партизан, наступавшей Красной армии, отдельных подразделений немецких войск. Отряды УПА также проводили этнические чистки против польского населения, пиком которых стала Волынская резня 1943 г. После окончания войны УПА оказывала вооруженное сопротивление восстановлению советского режима на территории Западной Украины, которое продолжалось до середи-

ны 1950-х годов. Антикоммунистическая борьба ОУН и УПА в последующие годы стала одним из важных компонентов западноукраинской идентичности и региональной политической мифологии.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ПРАВОГО РАДИКАЛИЗМА НА ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ УКРАИНЕ

Возрождение радикального национализма на Украине началось на рубеже 80-х – 90-х годов, причем ему в немалой степени способствовала сохранявшаяся в Галиции и на Волыни память о борьбе вооруженных отрядов «бандеровцев» против советского режима. Важно отметить, что украинские правые радикалы посткоммунистической эпохи провозгласили себя продолжателями традиций ОУН и УПА и широко используют идеологические постулаты и символику этих организаций. Так, популярное среди украинских националистов приветствие «Слава Украине! — Героям слава!» было изначально лозунгом ОУН. Стоит также отметить, что при разработке своих политических концепций и программ современные национал-радикалы черпают идеи из трудов теоретиков ОУН — Д. Донцова, Н. Сциборского, Я. Стецько.

Как и их предшественники, современные правые радикалы стремятся к созданию моноэтничного украинского государства. Как и для ОУН-УПА, интересы украинской нации для них имеют приоритет перед любыми другими интересами («Украина превыше всего!»). Они — безоговорочные антикоммунисты, но отвергают также и либерализм (который трактуется ими как антинациональное, космополитическое мировоззрение), а в сфере экономики стремятся найти «третий путь». Характерной чертой современного украинского правого радикализма (тоже во многом уна-

¹ Запрещена в РФ.

ледованной от ОУН-УПА) является крайне негативное отношение к России и русским, «антимоскальство» и русофобия. Россия обвиняется едва ли не во всех прошлых и нынешних бедах Украины. При этом, как правило, не проводится различий между Россией и Советским Союзом. Пребывание Украины в составе Российской империи и СССР рассматривается украинскими ультраправыми как период «тяжелого колониального ига, одного из самых мрачных в истории человечества». Националисты утверждали даже, что «ни один народ в мире не пострадал так жестоко от своих злейших врагов, как украинский народ от российского “брата”»².

Первой крупной праворадикальной организацией, возникшей на Украине в годы перестройки, стала Украинская национальная ассамблея — Украинская народная самооборона (УНА-УНСО)³. История ее появления такова. 30 июня 1990 г. была создана Украинская межпартийная ассамблея (УМА), объединившая несколько националистических партий и общественных организаций. Лидером ее стал Юрий Шухевич — сын главнокомандующего УПА в 1944–50 гг. Романа Шухевича. В сентябре 1991 г. УМА была переименована в Украинскую национальную ассамблею (УНА) и провозгласила себя партией. После начала августовского путча 1991 г. в Москве УМА стала создавать вооруженные формирования для отражения возможного военного вмешательства ГКЧП, которые получили название «Украинская национальная самооборона» (УНСО).

Идеологией УНА-УНСО является интегральный национализм с присущей ему

ксенофобией, в особенности русофобией. Своими важнейшими целями партия провозгласила борьбу против «русского империализма» и создание Украинской империи, которая должна включать в себя все земли бывшего СССР, на которых украинцы составляют большинство населения (в том числе и те территории, которые входят в состав России, Белоруссии, Казахстана и т. п.) [4]. Лидер киевского отделения УНА-УНСО И. Мазур заявлял, что украинские националисты намерены бороться с «вечным врагом — Российской Федерацией... до того момента, пока Россия не распадется и не сузится до радиуса 70 км от Москвы»⁴.

В начале 1990-х годов УНА-УНСО также считала одной из своих ключевых задач борьбу с «пророссийским сепаратизмом» на Украине. Ее активисты не только проводили «воспитательные беседы» с представителями местной власти на Юго-Востоке, но использовали и насильственные методы борьбы — разгоняли пророссийские организации, избивали неудобных журналистов, нападали на приходы Украинской православной церкви (Московского патриархата), участвовали в драках с русскими националистами в Киеве. В годы Первой чеченской войны (1994–96 гг.) добровольцы из УНА-УНСО воевали на стороне Чечни против федеральных войск. В середине 1990-х годов партия насчитывала около 20 тыс. членов.

В октябре 1992 г. при участии действовавших в эмиграции членов ОУН (б) в Киеве был основан Конгресс украинских националистов (КУН), который возглавила вернувшаяся из Мюнхена Ярослава Стець-

² «ЗА» и «ПРОТИВ». Во всем виноваты «москальи». Аргументы и Факты, 29.06.1994.

³ Запрещена в РФ.

⁴ Организация УНА-УНСО. Досье. ТАСС, 17.11.2014. URL: <https://tass.ru/info/1578152> (дата обращения: 11.10.2020).

ко — вдова Ярослава Стецько (соратника С. Бандеры и его первого заместителя в ОУН (б); именно Стецько провозгласил 30 июня 1941 г. во Львове создание независимого Украинского государства). КУН позиционирует себя в качестве продолжателя традиций национально-освободительной борьбы ОУН, считает своими предшественниками Е. Коновальца, С. Бандеру, Р. Шухевича, Я. Стецько, а идеология Конгресса во многом базируется на трудах Д. Донцова. КУН выступает за создание Украинского национального государства, за «власть украинского народа на украинской земле». При этом Конгресс, согласно его программе, «противодействует деятельности представителей тех национальных меньшинств, которые чинят препятствия национально-культурному возрождению украинской нации, укреплению ее государственности, пренебрегают украинским языком и культурой. Конгресс выступает против доминирования прав национальных меньшинств над правами коренной украинской нации»⁵. Как это имеет место и у других крайне правых партий Украины, в идеологии КУН сильна антироссийская составляющая. Так, в декабре 2014 г. в Киеве представители националистических партий Украины (КУН и Народного руха Украины), Грузии, Белоруссии, Латвии и Литвы создали Альянс Балто-Черноморских наций, цель которого, по словам лидера КУН С. Брацюна, состоит в том, чтобы «бороться с имперской политикой России»⁶.

При этом стоит отметить, что КУН декларирует приверженность демократии

и верховенству права. Конгресс считает, что формой политического устройства Украинского национального государства должна быть президентско-парламентская республика с широкими полномочиями местного самоуправления. Этим КУН заметно отличается от своих предшественников из ОУН, которые были привержены корпоративно-«солидаристским», близким к фашизму формам организации политической власти. Вообще, в сравнении с программными документами ОУН программа КУН является более либеральной. Это касается также и экономической сферы — КУН выступает за социальную рыночную экономику, в то время как исторические «бандеровцы» тяготели к этагизму. КУН также подчеркивает, что Украинское национальное государство должно быть европейским, поскольку «Украина исторически принадлежит к сообществу европейских государств»⁷. В 2004 г. Конгресс вступил в качестве ассоциированного члена в пан-европейскую политическую партию Альянс европейских наций, объединяющую национал-консервативные партии европейских стран. В начале XXI в. КУН входил в избирательный блок «Наша Украина», лидером которого был В. Ющенко, и на парламентских выборах 2002 и 2006 гг. провел в Верховную Раду по три депутата.

Крупная ультраправая организация — Социал-национальная партия Украины (СНПУ) — была основана в октябре 1991 г. Ее идеологией был объявлен социал-национализм — разновидность интегрального национализма, объединяющая

⁵ Конгрес українських націоналістів. Програма. URL: <http://cun.org.ua/pro-partiyu/programa/> (дата обращения: 01.06.2020).

⁶ У Києві створили Альянс Балто-Чорноморських націй для боротьби з агресією Росії. Радіо Свобода, 05.12.2014. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/26727502.html> (дата обращения: 19.10.2020).

⁷ Конгрес українських націоналістів. Програма. URL: <http://cun.org.ua/pro-partiyu/programa/> (дата обращения: 01.06.2020).

этнический национализм с идеей социальной справедливости. Разрабатывая идеологию партии, теоретики СНПУ опирались на труды идеологов ОУН Я. Стецько и Н. Сциборского (последний сформулировал основные принципы политического режима нациократии, альтернативного либеральной демократии). СНПУ декларировала, что ее целью является «содействие развитию независимого Украинского Государства на принципах социальной и национальной справедливости, гармоничного сочетания интересов общества и государства» [5]. Своим приоритетом партия считала построение национального государства, в котором субъектом государственности является автохтонная украинская нация. СНПУ заявляла, что Российское государство является причиной всех бед в Украине, и объявила одной из своих первоочередных задач борьбу с промосковскими настроениями и московским влиянием (правда, для того чтобы получить регистрацию в Минюсте Украины в 1995 г., социал-националистам пришлось исключить эти пункты из своей официальной программы [6]. Во внешней политике СНПУ ориентировалась на создание «Великой Украины» и разрыв связей с Россией.

Более того, СНПУ приписывала себе едва ли не мессианскую роль в судьбах человечества. В 1995 г. ее лидер Ярослав Андрушків заявлял: «В связи с перспективой массовой деградации людей и целых народов, мы являемся последней надеждой белой расы и человечества вообще...» [5]. К этому стоит добавить, что эмблема партии вызывала ассоциации с символикой фашистских организаций.

Для идеологии СНПУ был характерен жесткий антикоммунизм. Партия призвала к запрету коммунистической идеологии и люстрации управленческих кадров на Украине. Впрочем, СНПУ безоговороч-

но отвергала не только «интернационалистический марксизм», но и «космополитический либерализм» [6].

В 2004 г. СНПУ была переименована во Всеукраинское объединение «Свобода», а ее лидером был избран Олег Тягнибок. Ребрендинг партии должен был сделать ее более уважаемой и «рукопожатной». Хотя в целом программные установки партии после ее переименования мало изменились.

«Свобода» выступает за построение Украины как государства украинской нации, которая понимается в сугубо этническом смысле. Ее лидеры нередко делают ксенофобские — чаще всего русофобские и антисемитские — заявления, но при этом партия является прежде всего противником украинско-русской бикультурности. Само двуязычие на Украине рассматривается не как естественное явление, но как «следствие более чем 300-летнего имперско-русского террора», а русскоговорящие украинцы — как «жертвы оккупационного московско-советского режима» (так утверждает идеолог «Свободы» Ирина Фарион [3]).

В общих чертах основные требования «Свободы» таковы: возвращение в украинские паспорта и свидетельства о рождении графы «национальность»; соблюдение процентных норм представительства этнических групп во всех областях жизни; все государственные учреждения, в том числе все школы, должны функционировать исключительно на украинском языке; доля украинского языка в СМИ должна соответствовать доле этнических украинцев в населении страны; принятие закона о защите украинского языка; запрет «антиукраинской деятельности, «антиукраинских партий» и любых произведений «антиукраинского содержания»; жесткое ограничение иммиграции; реабилитация ОУН-УПА; введение уголовного наказания за отрицание Голо-

домора как геноцида украинской нации; декоммунизация и ликвидация на Украине «имперско-большевистской» символики. По мнению «Свободы», на Украине необходима сильная президентская власть, в связи с чем она выступает за переход к президентской республике. Партия также отстаивает консервативные моральные и семейные ценности⁸.

Важно отметить, что «Свобода» позиционирует себя в качестве наиболее ревностного наследника традиций ОУН-УПА. Ветеранов ОУН-УПА партия призывает признать участниками национально-освободительной борьбы за независимость Украины. Более того — в преамбуле проекта конституции Украины, подготовленного «Свободой», одним из предшественников современной независимой Украины названо «Украинское государство, возроденное Актом 30 июня 1941 года»⁹.

Что касается социально-экономической программы «Свободы», то она является в значительной степени левой, социально-популистской. Партия позиционирует себя как сила, выступающая против господства крупного (олигархического) капитала. Она отстаивает национализацию стратегических предприятий, введение прогрессивного налогообложения, запрет купли-продажи земель сельскохозяйственного назначения, государственный контроль над естественными монополиями и банковским сектором¹⁰.

Другой организацией, исповедующей социал-национализм, является «Социал-на-

циональная ассамблея — Патриот Украины». Изначально «Патриот Украины» был молодежным крылом СНПУ, ее возглавлял Андрей Парубий. Позднее, в 2006 г. эта организация была реанимирована Андреем Билецким и превратилась в силовое крыло Социал-национальной ассамблеи. По словам Билецкого, основной мистической идеей социал-национализма является «создание вместо кучи разрозненных индивидуумов, механически объединенных названием “украинцы” и наличием украинского паспорта, Национального сверхобщества — единого биологического организма, который будет складываться из Новых Людей — физически, интеллектуально и духовно развитых лиц. Из массы индивидуумов должна явиться Нация, а из слабого современного человека — Сверхчеловек» [7]. Тремя базовыми принципами социал-национализма, согласно Билецкому, являются расовость, социальность и великодержавность [8]. СНА-ПУ выступает «за монорасовое мононациональное общество, построенное на принципах Украинского национального величия и социальной справедливости» [6]. Ассамблея считает своей целью создание новой Киевской Руси от Карпат до Урала, что, с их точки зрения, будет способствовать спасению Европы и белой расы. Для идеологии СНА-ПУ характерны расизм (установка на защиту белой расы), антикапитализм (допускается существование только мелких и средних частных предприятий при полном неприятии «интернационально-сионистского

⁸ Програма ВО «Свобода» — Програма захисту українців. URL: <https://svoboda.org.ua/party/program/> (дата обращения: 18.10.2020).

⁹ Проект конституции Украины (объединение «Свобода», 2007 г.) URL: <https://constitutions.ru/?p=1710> (дата обращения: 18.10.2020).

¹⁰ Програма ВО «Свобода» — Програма захисту українців. URL: <https://svoboda.org.ua/party/program/> (дата обращения: 18.10.2020).

спекулятивного капитала»¹¹), а также антимарксизм и антикоммунизм.

СНА-ПУ выступает против либеральной демократии (которая отождествляется с безответственностью и непрофессионализмом [8] и за нациократию в духе идей Н. Сциборского. Государством, с точки зрения Ассамблеи, должен руководить «национальный вождь» с огромными полномочиями, парламент же должен формироваться в соответствии с сословно-корпоративными принципами. В сущности, их политический идеал — корпоративное государство итальянского фашизма.

На Украине сложилась и еще одна версия радикал-национализма, также претендующая на наследие С. Бандеры, но по-иному расставляющая акценты, — «“Триzub” имени Степана Бандеры»¹². Изначально «Триzub» был силовым крылом КУН, но в 1999 г. он выделился в отдельную организацию во главе с Дмитрием Ярошем. В идеологии «Триzubа» нет расизма и антисемитизма, партия не использует нацистскую символику. Она является в большей степени национально-консервативной организацией, выступающей в защиту традиционных религиозных и семейных ценностей. «Триzub» утверждает неразрывную связь христианства и национализма. По сути это клерикальная организация, ее девиз «Бог! Украина! Свобода!» [9]. Важно отметить, что политический идеал «Триzubа» далек от фашистских представлений, он выступает за своеобразную демократию («демократию для украинцев», «украинское национальное народовластие») [6].

Но при этом в его идеологии присутствуют такие элементы наследия С. Бандеры, как стремление создать «государство укра-

инской нации на украинской земле» [6], русофобия, требование разорвать все связи с Россией, обличение «московского империализма». Важно отметить, что «Триzub» не считает возникшее в 1991 г. Украинское государство подлинно национальным. Оно рассматривается как «наднациональное» или «космополитическое» государство, оккупированное агентурой транснационального космополитического капитала. Таким образом, руководство «Триzubа» «пытается совместить характерные для “традиционного” украинского национализма русофобию, антикоммунизм и антилиберализм с более современными антиглобалистскими, антикапиталистическими и право-анархистскими идеологемами» [6].

С точки зрения «Триzubа», национальное украинское государство должно быть моноэтничным и монокультурным, и в нем не должно быть места украинско-русской бикультурности. Его активисты считают, что проживающие на Украине русские «либо должны пройти процедуру “украинизации”, т. е. отказаться от родного языка и “имперского”, “шовинистского” наследия (читай: родной истории), либо покинуть пределы Украины» [6]. «Триzub», впрочем, не питает симпатий не только к русским, но и к другим национальным меньшинствам, проживающим на Украине.

УКРАИНСКИЕ УЛЬТРАПРАВЫЕ В 2010-е ГОДЫ

На протяжении первых двух десятилетий украинской независимости праворадикальные организации на Украине не имели заметного влияния. Они оставались политическими маргиналами, популярными лишь среди части населения Западной Украи-

¹¹ Ньюман Д. Что делает шведский снайпер в украинском батальоне. BBC News, 16.07.2014. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2014/07/140716_ukraine_swedish_sniper.shtml (дата обращения: 19.10.2020).

¹² Запрещена в РФ.

ны и не способными составить реальную конкуренцию национал-демократическим правым партиям. Во время парламентских выборов 1990-х и 2000-х годов ультранационалисты, как правило, проводили в Раду нескольких своих кандидатов, которые входили в депутатские фракции умеренно правых (национал-демократических) партий. Так, например, О. Тягнибок в Раде входил в состав фракции «Наша Украина» В. Ющенко, откуда был исключен в 2004 г. после того, как сделал резкое ксенофобское (русофобское и антисемитское) заявление.

Значительный успех пришел к «Свободе» во время парламентских выборов 2012 г., когда эта партия набрала 10,44 % голосов при голосовании по партийным спискам, что дало ей возможность впервые за всю историю независимой Украины сформировать собственную парламентскую фракцию. В результате этих выборов впервые региональная (галицийская) ультраправая партия вышла на общеукраинский уровень. Причем «Свобода» была поддержана не только в Галиции, что было вполне естественно, но и в Киеве, где получила 17 % голосов (в столице за нее голосовала преимущественно молодежь). Одной из важных причин столь высокого результата партии Тягнибока стало то, что на фоне кризиса традиционных «оранжевых» прозападно-националистических партий «Свобода» воспринималась проевропейским электоратом как самый последовательный и принципиальный противник режима Януковича. Есть также основания полагать, что администрация Януковича оказывала скрытую поддержку «Свободе», рассчитывая, что она расколется правый электорат, отберет голоса у «Батькивщины» Юлии Тимошенко и тем самым обе-

спечит первое место Партии регионов при голосовании по партийным спискам.

Ультраправые партии были активными участниками Евромайдана (ноябрь 2013 – февраль 2014 г.) и свержения режима Януковича в феврале 2014 г. В событиях на Майдане участвовала «Свобода» и более радикальные группы — мелкие ультранационалистические партии и организации, активисты которых объединились в конце 2013 – начале 2014 гг. в организацию «Правый сектор»¹³. В «Правый сектор» влились члены таких организаций, как УНА-УНСО, «“Тризуб” имени Степана Бандеры», «Социал-национальная ассамблея — Патриот Украины», «Самооборона Майдана» и др., а также фанаты украинских ультраправых рок-групп и футбольные ультрас. Возглавивший «Правый сектор» Д. Ярош был руководителем «Тризуба», а красно-черный флаг «Правого сектора» символизировал связь между «Тризубом» и исторической ОУН-УПА. В январе 2014 г. «Правый сектор» насчитывал около 300 человек, которые принимали наиболее активное участие в столкновениях с милицией в январе–феврале 2014 г. Стоит отметить, что во время Майдана «Свобода» стремилась дистанцироваться от «Правого сектора», который был для «свободовцев» чрезмерно радикальным; в свою очередь, активисты «Правого сектора» считали «Свободу» слишком либеральной и конформистской организацией.

Позднее, в марте 2014 г. «Правый сектор» был преобразован в политическую партию на юридической и кадровой базе «Украинской национальной ассамблеи» (УНА), в него вошли УНА-УНСО и другие радикально-националистические организации. Причем «Правый сектор» включил в свой состав как и организации национал-консервативного, традиционалистско-правого

¹³ Запрещена в РФ.

направления («Тризуб»), так и партии, близкие по своей идеологии классическому фашизму («Социал-национальная ассамблея — Патриот Украины»).

«Правый сектор» и «Свобода», как уже говорилось, отличались активностью на киевском Евромайдане (ноябрь 2013 – февраль 2014 гг.) и принимали непосредственное участие в свержении власти В. Януковича. Именно с их подачи приветствие ОУН «Слава Украине! — Героям слава!» получило на Майдане столь широкое распространение. При этом важно отметить, что, хотя подавляющее большинство участников Евромайдана выступало за европейскую интеграцию Украины, радикал-националисты принимали европейскую перспективу без особого энтузиазма. Они вышли на Майдан не столько для борьбы за евроинтеграцию, сколько для того, чтобы совершить «национальную революцию», которая привела бы к созданию «украинского национального государства». Единственным плюсом евроинтеграции крайне правые считали то, что она отдалит Украину от России. Но при этом они опасались, что интеграция страны в структуры ЕС приведет к навязыванию ей западных либеральных ценностей и стандартов (которые, с точки зрения крайне правых, чужды украинцам) и размыванию украинской национально-культурной идентичности. «Подписывать Ассоциацию с ЕС надо, это открывает определенные возможности и отдаляет от России, — говорил Д. Ярош в феврале 2014 г. — Но мы категорически против полноправного членства в Евросоюзе. Бюрократический брюссельский монстр слишком много негатива навязывает народам! Антихристианскую политику, нивелирование национальной идентичности, разрушение традиционной

семьи и так дальше»¹⁴. Этим национализм «Правого сектора», «Свободы» и подобных ультраправых организаций отличается от национализма украинских прозападных национал-демократических партий, таких как «Батькивщина», «Европейская солидарность», «Голос», «Самопомощь» и др. Национализм умеренных правых носит проевропейский характер, в то время как национализм крайне правых — изоляционистский и более автохтонный.

После победы «революции гидности» члены «Правого сектора» участвовали в расправах с пророссийскими активистами и карательных акциях на Юго-Востоке Украины, Правые радикалы приняли активное участие в формировании т. н. добровольческих батальонов для подавления сопротивления непризнанных республик Донбасса. Были созданы батальон «Азов» (которым командовал А. Билецкий), «Донбасс», «Айдар», «Шахтерск», «Днепр», Добровольческий украинский корпус «Правого сектора», Добровольческий батальон УНСО и др., а «Свобода» сформировала для участия в АТО батальон «Сич».

Участие правых радикалов в парламентских выборах в октябре 2014 г. не принесло им особых лавров. «Свобода» получила 4,71 % голосов, «Правый сектор» — 1,80 %. Результат «Правого сектора» являлся, в общем, предсказуемым — эта партия возникла незадолго до выборов, мало известна за пределами Галицко-Волинского региона, а ее экстремизм казался чрезмерным даже националистическому электорату. Поддержка же избирателями «Свободы» заметно упала по сравнению с выборами 2012 г. Главной причиной этого было то обстоятельство, что во время парламентских выборов 2012 г. «Свобода» была единственной партией, отра-

¹⁴ Цит. по: Мусафарова О. «Украина сейчас напоминает ничейную страну...» Новая газета. 19.02.2014.

жавшей настроению радикально-националистического электората. Однако осенью 2014 г. жесткую националистическую и антироссийскую риторику использовали уже все партии прозападного (национал-демократического) направления, в результате чего к ним перешла часть голосов избирателей, ранее голосовавших за «Свободу». Вполне естественно, что «Свобода» и «Правый сектор» пользуются поддержкой главным образом в западных областях страны (Тернопольской, Львовской, Ивано-Франковской).

В октябре 2016 г. на съезде партии «Патриот Украины» она была переименована в «Национальный корпус», а ее лидером стал А. Билецкий. В своей программе эта партия ставит задачу восстановления ядерного статуса Украины и выступает за разрыв дипломатических, торгово-экономических и культурных связей с Россией [10]. 16 марта 2017 г. «Правый сектор», «Свобода» и «Национальный корпус» подписали «Национальный манифест» об объединении усилий. Манифест украинских правых радикалов провозглашал, что национальные интересы должны стать приоритетом государственной политики Украины, и призывал формировать новый вектор украинской геополитики — ориентированный не на Запад или Восток, а на создание нового европейского объединения — Балто-Черноморского союза. При этом одобрялся курс на интеграцию Украины в НАТО и ЕС. В «Национальном манифесте» содержались требования признать РФ государством-агрессором, разорвать дипломатические отношения с Россией, изгнать с Украины российский бизнес и социальные сети, законодательно признать не контролируемые официальным Киевом

районы Донецкой и Луганской областей оккупированными территориями и разработать реальный план «освобождения» Крыма и Донбасса. Радикальные националисты также требовали противодействовать нелегальной миграции, культивировать традиционные ценности, укрепить институт традиционной семьи, создать единую церковь с центром в Киеве. В сфере экономики предлагалась национализация стратегических предприятий, незаконно приватизированных после 1991 г., ликвидация частных монополий, запрет на куплю-продажу земель сельскохозяйственного назначения. Манифест подписали также лидеры и других, более мелких ультраправых организаций — ОУН, КУН, «С14»¹⁵.

На досрочных парламентских выборах 21 июля 2019 г. «Свобода» не преодолела пятипроцентный барьер и не прошла в Верховную Раду. Она получила 2,15 % голосов избирателей (и лишь один кандидат от этой партии был избран в Раду по одномандатному округу в Ивано-Франковской области). Собственно, в предвыборный список «Свободы» входили лидеры и других идеологически близких ей организаций; сами националисты заявляли, что идут на выборы единым националистическим блоком. Возглавил список лидер ВО «Свобода» О. Тягнибок. На 2-м месте стоял лидер партии «Национальный корпус» (созданной на базе полка «Азов», участвовавшего в боях с ополченцами Донбасса) А. Билецкий, на 3-м — экс-лидер партии «Правый сектор» Д. Ярош, на 4-м — председатель «Правого сектора» А. Тарасенко, на 5-ом — заместитель главы ВО «Свобода» Р. Кошулинский.

«Свобода», как и блок сплотившихся под ее эгидой ультраправых организаций,

¹⁵ Национальный Манифест. URL: <https://www.facebook.com/ihor.stepura/photos/a.1468241766818962/164773091536712/?type=3> (дата обращения: 20.10.2020).

выступает за продолжение украинизации образования, культуры, государственной службы, вытеснение русского языка из информационного пространства Украины, лишение СМИ лицензии за «антиукраинскую информацию». При этом важной установкой украинских крайне правых является борьба против «антиукраинских организаций» и «реванша пророссийских сил», а также продолжение декоммунизации. Партия призывает к конфискации всей собственности РФ на Украине. «Свобода» поддерживает курс на интеграцию Украины в ЕС и НАТО. В сфере экономики партия выступает за национализацию естественных монополий и энергетики, запрет приватизации прибыльных предприятий, запрет на введение рынка сельскохозяйственных земель. «Свобода» также отстаивает прогрессивную шкалу налогообложения и государственную поддержку малого и среднего бизнеса¹⁶.

Националистический блок под эгидой «Свободы» получил на парламентских выборах 2019 г. некоторую поддержку главным образом в Галиции. Конечно, двумя процентами голосов, которые получила «Свобода» 21 июля 2019 г., электоральный потенциал радикально-националистических сил не исчерпывается. Некоторые эксперты полагают, что он составляет до 10 % от общего числа избирателей. Невысокий результат «Свободы» на выборах 2019 г. объясняется главным образом тем, что часть этнонационалистического электората голосовала за другие правые партии — «Европейскую солидарность», «Голос», Радикальную партию Олега Ляшко, которые в ходе избирательной кампании широко использовали националистическую и антироссийскую риторику.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, современные украинские крайне правые организации претендуют на то, чтобы быть продолжателями традиций ОУН-УПА. Однако наследие ОУН-УПА, идеи «революционного» и «интегрального национализма» интерпретируются различными радикал-националистическими партиями неодинаково.

Все эти партии объединяет определенный набор идеологием, установок и ценностей:

- стремление к созданию национального Украинского государства;
- это государство должно быть моноэтничным и монокультурным, украинско-русская бикультурность должна быть преодолена;
- приоритет интересов нации перед любыми личными и групповыми интересами;
- акцент на защите украинской национальной идентичности;
- русофобия, основанная на отрицании многовековой совместной с Россией истории;
- стремление уйти из сферы влияния России, курс на разрыв любых связей и отношений с РФ;
- жесткий антикоммунизм;
- антилиберализм (поскольку либерализм трактуется украинская правыми радикалами как антинациональная и космополитическая идеология).

В то же время в сфере представлений о желаемом политическом и социально-экономическом устройстве Украинского национального государства между радикал-националистами существуют определенные расхождения. Одни из них тяготеют больше к интегральному национализму Д. Донцова, другие — к социал-национализму Я. Стецько. В этой

¹⁶ Предвыборная программа ВО «Свобода». 2019. URL: <https://www.zvedeno.info/ru/предвыборная-программа-во-свобода/> (дата обращения: 21.10.2020).

части политического спектра есть и силы, идеологически близкие к фашизму, и те, которые в большей степени сфокусированы на защите традиционных религиозных и семейных ценностей и по сути являются традиционалистскими правыми. Часть радикал-националистов привержена расизму, другие никогда не делают расистских заявлений. Некоторые партии привержены христианскому фундаментализму («Тризуб» им. Степана Бандеры»), но вместе с тем в праворадикальном движении участвует и некоторое число неоязычников. Одни из радикал-националистов выступают за авторитарно-корпоративное государство,

другие — за республиканскую форму правления с сильной президентской властью. Одни ориентируются на государственный капитализм, другие на социальную рыночную экономику. Различна степень их радикальности: «Свобода», которая участвует в парламентских и региональных выборах и даже имела свою фракцию в Верховной Раде, менее радикальна, чем более мелкие группировки. Таким образом, даже при том, что украинские праворадикальные националисты апеллируют к одной и той же «бандеровской» политической и идейной традиции, между ними по ряду вопросов сохраняются разногласия.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Донцов Д. Націоналізм. Лондон–Торонто: Українська видавничка спілка; 1966. 363 с.
2. Армстронг Дж. Истоки самостийного нацизма. К чему пришла Украина в XXI веке. Пер. с англ. Москва: ЗАО Центрполиграф; 2014. 368 с.
3. Crampton R. J. Eastern Europe in the Twentieth Century. London and New York: Routledge; 1994. 475 pp.
4. Секачев В. Р. Украинский национализм и украинцы. Л.Я. Дадиани, Г.М. Денисовский (отв. ред.). *Социальное согласие против правого экстремизма*. Вып. 3-4. Москва: Изд-во Института социологии РАН; 2005. с. 313-343.
5. Андрусечко П. Шлях Тягнибока до Свободи. *Український журнал*. 2009;5:36-39.
6. Бышок С. О., Кочетков А. В. Евромайдан имени Степана Бандеры. От демократии к диктатуре. 2-е изд. Москва: Книжный мир, ФРИГО «Народная дипломатия»; 2014. 480 с.
7. Неменский О. Б. Неонацизм на современной Украине. *Вопросы национализма*. 2019;1(32):125-142. DOI: 10.24411/2218-1229-2019-13207
8. Білецький А. Є. Слово Білого Вождя. Харків: 2013. 41 с. URL: <https://web.archive.org/web/20140924041340/http://rid.org.ua/knigarnya/AB/slovo.pdf> (дата обращения 19.10.2020).
9. Погребинский М. Б., Толпыго А. К. (ред.). Кризис мультикультурализма и проблемы национальной политики. Москва: Весь Мир; 2013. 400 с.
10. Бабенко В. Н. Правый радикализм в государственной политике современной Украины. Шаншиева Л. Н. (отв. ред.). Правый радикализм в Восточной Европе. Москва: ИНИОН РАН; 2018. С. 134-151.

REFERENCES:

1. Dontsov D. I. Nationalism. London–Toronto: The Ukrainian Publishers; 1966. 363 pp. (In Ukrainian)
2. Armstrong J. The Origins of Ukrainian Nazism. What Has Ukraine Come to in the XXI Century.

- Transl. from English. Moscow: ZAO Centrpoligraph; 2014. 368 pp. (In Russ.)
3. Crampton R. J. Eastern Europe in the Twentieth Century. London and New York: Routledge; 1994. 475 pp.
 4. Sekachyov V. R. Ukrainian Nationalism and Ukrainians. Dadiani L.Ya., Denisovsky G.M. (eds.). Social Consent against Right-wing Extremism. Issue 3-4. Moscow: Institut of Sociology RAS Publishing; 2005. pp. 313-343. (In Russ.)
 5. Andruschko P. Tyahnybok's Way to Svoboda. *Ukrainian Journal*. 2009;5:36-39. (In Ukrainian).
 6. Byshok S. O., Kochetkov A. V. Euromaidan Named after Stepan Bandera. From Democracy to Dictatorship. 2nd ed. Moscow: World of Books, FRIGO "People's Diplomacy"; 2014. 480 pp. (In Russ.)
 7. Nemensky O. B. Neo-Nazism in Contemporary Ukraine. *Problems of Nationalism*. 2019;1(32):125-142. DOI: 10.24411/2218-1229-2019-13207 (In Russ.)
 8. Biletsky A. E. Word of the White Leader. Kharkiv: 2013. 41 pp. (In Ukrainian). URL: <https://web.archive.org/web/20140924041340/http://rid.org.ua/knigarnya/AB/slovo.pdf> [Accessed: 19.10.2020].
 9. Pogrebinsky M. B., Tolpygo A.K. (eds.). The Crisis of Multiculturalism and Problems of National Policy. Moscow: Ves' Mir; 2013. 400 pp. (In Russ.) (9)
 10. Babenko V. N. Radical Right in State Politics of Modern Ukraine. Shanshieva L.N. (ed.). Right-wing Radicalism in Eastern Europe. Moscow: INION RAS; 2018. pp. 134-151. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Николай В. Работяжев, кандидат политических наук, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН (ИМЭМО РАН), Москва, Россия; 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23;
rabotiajev@mail.ru

Nikolai V. Rabotyazhev, Candidate of Political Science, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 23, Profsoyuznaya str., Moscow, 117997, Russia;
rabotiajev@mail.ru



Влияние украинского фактора на политическую элиту и гражданское общество Приднестровья

Алексей К. Сквиков¹, Ольга В. Леонтьева², Владимир В. Ястребчак³

¹ *Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия,*

skovikov@yahoo.com

² *Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика,*

lov_pmr@mail.ru

³ *Тираспольская школа политических исследований, Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика,*

vladhawk@rambler.ru

Аннотация: рассматриваются политические, социальные и иные предпосылки формирования политической элиты и гражданского общества Приднестровья как самостоятельных политических феноменов. Данные институты развивались не изолированно, а в рамках тех политических процессов, которые были характерны для региона в процессе его становления и существования в различных социально-политических условиях. Обобщены и проанализированы различные аспекты влияния на данные процессы украинского фактора как с точки зрения прямого влияния украинской политической элиты и гражданского общества, так и в контексте идеологических концепций, сформулированных в украинском политическом дискурсе в течение длительного периода времени.

Представлены конкретные методы влияния украинского политического класса на политическую элиту и гражданское общество Приднестровья. Особая активность украинской стороны наблюдалась в период до 2014 года, когда приднестровская политэлита рассматривалась в Киеве как самостоятельный субъект со своими интересами, что обуславливало выбор тех или иных форм влияния. Одной из наиболее значимых форм такого влияния выступала прямая межэлитная коммуникация, позволявшая на высшем и высоком уровне идентифицировать интересы сторон и находить взаимоприемлемые решения.

После 2014 года ситуация драматическим образом меняется. Украинская политическая элита отказывается признавать статус самостоятельного субъекта за приднестровской политической элитой и рассматривает ее в качестве инструмента реализации российских интересов. При этом особую роль начинает играть фактор границы как ключевой ресурс воздействия украинской стороны на приднестровскую политэлилу, ее бизнес-интересы, возможности передвижения и т. д. Аналогичным образом украинская сторона сводит к минимуму контакты с приднестровским гражданским обществом, оставляя за собой, однако, опцию мониторинга приднестровской политической системы.

В украинском политическом нарративе складывается противоречие, когда украинская власть не может использовать символический потенциал целого ряда приднестровских локаций, актуальный для современной политической идеологии Украины, только потому,

что они находятся на подконтрольной приднестровской политической элите территории, контактов с которой украинская власть избегает.

Ключевые слова: политическая элита, гражданское общество, Приднестровье, Украина, «украинство», фактор границы, межэлитная коммуникация

Для цитирования: Сквиков А. К., Леонтьева О. В., Ястребчак В. В. Влияние украинского фактора на политическую элиту и гражданское общество Приднестровья. *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(4):532-549. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-532-549>

Статья поступила 25.10.2020

Принята в печать 24.11.2020

Опубликована 01.12.2020

The Impact of the Ukrainian Factor Over the Political Elite and the Civil Society of Transdnistria

Alexei K. Skovikov¹, Olga V. Leonteva², Vladimir V. Yastrebchak³

¹ Russian Presidential Academy of National Economy
a Public Administration Science, Moscow, Russia,

skovikov@yahoo.com

² Transdnistrian State University named after T. Shevchenko,
Tiraspol, Transdnistria,

lov_pmr@mail.ru

³ The Tiraspol School of Political Studies,
Tiraspol, Transdnistria,

vladhawk@rambler.ru

Abstract: there are studied political, social and other grounds of formation of the Transdnistrian political elite and civil society as self-sustained political phenomena. These institutes have been developing not isolatedly but in the framework of those political processes that were typical for the region during the period of its establishment and existence in different social and political conditions. There are summarized and analyzed different aspects of the Ukrainian factor impact over these processes as by direct influence of the Ukrainian political elite and civil society, as well as in the context of ideological concepts formulated in the Ukrainian political discourse during a long period of time.

Concrete methods of the Ukrainian political class impact over the Transdnistrian political elite and civil society are also presented. A very special activity of the Ukrainian side could be seen up to 2014, when the Transdnistrian political elite had been considered in Kiev as an independent subject with its own interests that in its turn determined the choice of certain forms of impact. Direct inter-elite communication used to be one of the most meaningful forms of such impact,

that allowed to identify the sides' interests and to find mutually acceptable decisions on the highest and high levels.

Since 2014 the situation has changed dramatically. The Ukrainian political elite refuses to recognize the Transdnestrian political elite's status of a separate (independent) subject and considers it to be a tool for the Russia's interests' implementation. There appears a special role of the border factor as of a key resource for pressure over the Transdnestrian political elite, its business interests, options for traffic etc. The same way the Ukrainian side minimized contacts with the Transdnestrian civil society. But at the same time Ukrainians keep for themselves the option for monitoring the Transdnestrian political system.

In the Ukrainian political narrative there appears a contradiction, when the Ukrainian political authorities can't use a symbolic potential of a number of Transdnestrian locations, actual for the modern political ideology of Ukraine only because that these locations are situated on the territory controlled by the Transdnestrian political elite whilst Ukrainians avoid any contacts with the latter.

Keywords: political elite, civil society, Transdnestria, Ukraine, Ukrainian studies, border factor, inter-elite communication

For citation: Skovikov A. K., Leonteva O. V., Yastrebechak V. V. The Impact of the Ukrainian Factor Over the Political Elite and the Civil Society of Transdnestria. *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):532-549. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-532-549>

Received 25.10.2020

Revised 24.11.2020

Published 01.12.2020

ВВЕДЕНИЕ

Проблема политической элиты и гражданского общества, их взаимодействия является актуальной для любого государства, поскольку от уровня и качества этого взаимодействия в значительной степени зависит эффективность реализации государством своих функций, уровень развития демократических институтов, уровень вовлеченности граждан в управление делами государства и степень развитости институтов общественного контроля и другие параметры социально-политического развития государства.

В самоопределившихся государствах постсоветского пространства, в частности, в Приднестровье, проблематика контактов политической элиты и гражданского об-

щества имеет не меньшую актуальность, чем в государствах, пользующихся полной международной правоспособностью. От эффективности взаимодействия политэлиты и гражданского общества в таких государствах в значительной степени зависит внешняя и внутренняя легитимность государственности, обоснованность правопритязания элиты на представление населения и действия в совокупном общественном интересе, возможности политической элиты эффективно реализовывать свои функции, в том числе по ситуативному реагированию (это особенно значимо в условиях глобальной пандемии COVID-19) и межэлитной коммуникации, которая для политэлиты самоопределив-

шихся государств имеет дополнительный легитимизирующий фактор.

В самих самоопределившихся государствах как политическая элита, так и гражданское общество по своим параметрам в принципе соответствуют аналогичным политическим институтам в других государствах. В настоящей работе мы исходим из понимания политэлиты как относительно закрытой социально-политической группы, в состав которой входят лица, которые по своему функциональному статусу могут принимать решения общегосударственного уровня, участвовать в их реализации и контроле за их исполнением, а также влиять на принятие таких решений. Под гражданским обществом мы понимаем совокупность социальных, политических и иных институтов, обеспечивающих участие граждан в различных общественно-политических, экономических и иных процессах (политические партии, СМИ, общественные организации, НКО, экспертно-аналитические центры, этнокультурные объединения, научные центры и учреждения образования, бизнес-ассоциации и другие структуры), а также в той или иной степени осуществляющие контроль за деятельностью органов власти.

Вместе с тем, статус самоопределившихся государств в значительной мере обуславливает их зависимость от внешнего фактора, который так или иначе влияет как на политическую элиту, так и на гражданское общество. Внешний фактор может становиться как фактором стабильности, так и дестабилизирующим фактором; он может влиять на политическую элиту и гражданское общество в интересах конкретного субъекта, прямо или косвенно участвовать в формировании политэлиты, укреплять гражданское общество или, напротив, ослаблять его.

Как представляется, в случае с Приднестровьем украинский фактор влияния на местную политическую элиту и гражданское общество можно рассматривать в качестве одного из наиболее значимых как в свете политических процессов в Приднестровье, так и в контексте современной ситуации на Украине. Украина является политико-географическим соседом Приднестровья, в Приднестровье проживают десятки тысяч граждан Украины и более 150 тысяч этнических украинцев, многие представители политэлиты Приднестровья получали высшее образование в украинских вузах и т. п.

При этом под «украинским фактором» мы понимаем совокупность форм и методов воздействия, осуществляемых как государственными (политическими) институтами Украины (вне зависимости от этапа и формы государственности) и структурами украинского гражданского общества (негосударственными структурами), так и в рамках идеологического концепта «украинство». Применительно к политико-идеологической сфере мы исходим из тех подходов, которые были сформулированы «классиками» украинского национализма разных периодов, к примеру, «одна, единая, неделимая, свободная, самостоятельная Украина от Карпат до Кавказа» [1], хотя некоторые авторы и отрицают наличие на Украине собственной национальной элиты вплоть до начала процессов демократизации и обретения независимости, поскольку «административные должности в оккупационных администрациях» не могли обеспечить «утверждение украинства» [2], однако с этим утверждением сложно согласиться, по крайней мере, исходя из некоторых этапов существования Украинской ССР. При оценке политико-идеологической составляющей влияния украинского фактора мы также исходим из его преимуществен-

но этно-идеологического содержания, хотя в литературе нередко подчеркивается спорность этнической составляющей данного термина вплоть до второй половины XIX века, хотя и отмечается его использование в качестве обозначения политической самоидентификации [3].

**ПОЛИТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПРЕДПОСЫЛКИ ВЛИЯНИЯ УКРАИНСКОГО
ФАКТОРА НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ
ЭЛИТУ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО
ПРИДНЕСТРОВЬЯ**

Территория современного Приднестровья включает земли, исторически входившие в состав сразу трех губерний Российской Империи: Херсонской, Подольской и Бессарабской, причем основная территория входила в состав Херсонской губернии. В значительной степени такой политико-географический феномен, связанный с формированием в регионе «особенной культуры», в которой органично сплелись самые яркие и самобытные черты русских и украинцев [4] (добавим — еще и молдаван, евреев, немцев, армян и представителей других национальностей), предопределило формирование ряда политических традиций в Приднестровье, которые в дальнейшем обусловили активность местного гражданского общества. Формированию структуры населения на основе этнического разнообразия, обусловившего особенности местного политического процесса в будущем, способствовало и то, что в середине XIX века именно в Херсонскую губернию и в Тираспольский уезд в частности чаще всего бежали крестьяне внутренних губерний; отмечалась также миграция крестьян из сопредельных районов Подольской губернии и Бессарабии [5].

Вплоть до революции 1917 г. сложно говорить о каком-либо влиянии украинского фактора на приднестровскую политиче-

скую элиту (в силу отсутствия на данной территории таковой как отдельной самостоятельной социально-политической группы), а также заметного влияния на гражданское общество того периода (если рассматривать в таком качестве образовательные учреждения и средства массовой информации). Территория современного Приднестровья входила единый социально-экономический и политический комплекс Юга России, включая различные аспекты, связанные с региональным разделением труда и некоторыми национальными особенностями хозяйствования [5].

При этом можно говорить не столько о влиянии украинского фактора на приднестровские социально-политические процессы, сколько о влиянии в определенные периоды времени приднестровского фактора на украинский политический нарратив, который сохраняется и в настоящее время. С Приднестровьем неразрывно связаны некоторые имена, без которых невозможно представить современную политическую традицию Украины.

Так, рядом с приднестровским городом Бендеры (правый берег Днестра) скончался гетман И. Мазепа, находившийся там после Полтавской битвы. Как отмечается некоторыми авторами, в тот период Бендеры сами по себе были весьма значимым региональным центром из-за нахождения в нем резиденции турецкого сераскира; прибытие в район Бендер шведского короля Карла XII и И. Мазепы, возникшая из-за этого иностранная дипломатическая активность обусловила формирование «прослойки элиты», пусть и «большинство украинцев не поддержало Мазепу» [6].

Кроме того, с приднестровскими Бендерами связано имя преемника И. Мазепы — П. Орлика, который после смерти Мазепы, по согласованию с представителями казачьей старшины, утвердил т. н. «Бендерские

конституции», которые в современной украинской политико-правовой науке рассматриваются как «первая европейская конституция», в которой, однако, «не содержится каких-либо концептуальных открытий, новых государственных моделей, а достаточно творчески обработан опыт отцов и дедов и положено на бумагу то, что сложилось на практике» [7], хотя, как нам представляется, сложно в этом плане оспаривать «пальму первенства» у Великой Хартии вольностей, имевшей схожее содержание. Есть сведения и о том, что приднестровское село Рашков имеет прямое отношение к судьбам сына Богдана Хмельницкого — Тимофея (Тимуша) и его жены, ожидавшей там его возвращения из похода. Менее известно то обстоятельство, что в конце XVIII века в Слободзее (неподалеку от будущего Тирасполя) располагался «Генеральный кош Черноморского казачьего войска» [8], который являлся фактическим преемником Запорожской Сечи, и этот факт отразился в национальном самосознании и политической идеологии приднестровского населения.

По сути, есть основания говорить о том, что в украинской политической науке есть определенный запрос на сакрализацию памятных мест, так или иначе связанных с современной политической идеологией. Вместе с тем, взаимосвязь именно с Приднестровьем этих мест не позволяет украинской политэлите в полной мере использовать их политический потенциал, поскольку для этого пришлось бы так или иначе поддерживать и развивать контакты с приднестровской политэлитой и гражданским обществом, что для украинской политической элиты после 2014 г. весьма затруднительно, о чем подробнее будет сказано ниже.

Октябрьская революция 1917 г. радикально изменила подходы к национально-государственному устройству. Ключевым событием для региональных

процессов становится формирование в 1924 году на территории нынешнего Приднестровья (за исключением правобережных Бендер) самостоятельной государственности — Молдавской Автономной Советской Социалистической Республики в составе УССР. Вследствие этого на территории Приднестровья впервые формируется самостоятельная административно-бюрократическая элита, которая структурно входила в состав административной элиты Советской Украины. В период до 1940 года (образования новой союзной Молдавской ССР) политэлита на территории Приднестровья имела самостоятельный статус и участвовала (в установленных рамках) в осуществлении межэлитной коммуникации. Вместе с тем, говорить о влиянии украинского фактора на местную политэлиту в данный период также затруднительно в силу того, что местная элита по сути являлась частью украинской политэлиты, а взаимодействие осуществлялось на принципах, присущих взаимодействию центральных и местных элит, с вертикальной мобильностью и ротацией кадров. Точно так же, как и в УССР, политэлита МАССР была подвержена кадровым чисткам и репрессиям этого периода.

С образованием государственности на территории Приднестровья в 1924 г. украинский фактор проявился в «классических» сферах, присущих современному гражданскому обществу, прежде всего в сфере науки, образования, СМИ. Так, на территории МАССР к 1938 г. находилось порядка 500 начальных и средних школ, три высших учебных заведения, отделение Украинской академии наук, Государственный театр, более 20 газет (при этом, однако, 9 газет издавалось на молдавском языке), более 500 библиотек [9].

Важнейшим аспектом этого периода, имевшим значение как для административ-

ной элиты, так и для гуманитарной сферы, стала украинизация как основа национально-государственного строительства в УССР. Украинизация, «воспитание местных кадров», «всемерное развитие украинской культуры» и пр. стала частным проявлением общего процесса коренизации государственных аппаратов, который активно претворялся в жизнь в течение практически всего периода существования СССР, а уже в мае 1923 г. был разработан и утвержден «широкий план развития украинской советской культуры, украинского языка и украинизации государственного и хозяйственного аппарата» [9].

Однако в Молдавской Автономной ССР этот процесс носил значительную специфику, поскольку, наряду с «украинизацией», осуществлялась и «молдовенизация». Как отмечалось в политических и правовых документах партийных и государственных органов УССР, «создание МАССР дало значительный толчок политическому и культурному росту одной из самых отсталых наций Украины — молдавской», а благодаря созданию МАССР «молдавский народ осуществил свою мечту об обретении национальной советской государственности, которая стала надежным залогом успешного развития его экономики и культуры в братской семье народов СССР» [10]. Таким образом, в рамках первой самостоятельной государственности на территории Приднестровья в период до 1940 г. наблюдались два процесса: «украинизации» и «молдовенизации», причем, с учетом ориентации советской политики на внешний периметр, т. е. на аннексированную Румынией Бессарабию, «молдовенизация» носила более выраженный характер.

После создания Молдавской ССР в составе СССР и ликвидации самостоятельной государственности на территории Левобережья Днестра влияние украин-

ского фактора постепенно было сведено к минимуму. Отчасти это было связано с тем, что административно-бюрократическая элита надрайонного уровня перестала существовать, а «центром» стала столица Молдавской ССР — Кишинев. Кроме того, к началу 1950-х годов были закрыты последние школы с преподаванием на украинском языке; украинский язык был сведен к уровню бытового общения в семьях и в населенных пунктах с преимущественно украинским населением. Тем не менее, сохранялись несколько каналов, связанных с формированием местной административно-хозяйственной элиты городского и районного уровней: речь идет о горизонтальной мобильности элиты (перемещения руководителей предприятий, редкие переводы на аналогичные должности из украинских структур), а также об образовательном канале рекрутирования политэлиты: после 1940 года в Тирасполе остался только педагогический вуз, который не был ориентирован на подготовку управленческих кадров; высшее образование по медицинским и сельскохозяйственным специальностям получали, как правило, в кишиневских вузах, в то время как иные специальности, имевшие, в частности, значение для деятельности правоохранительных и иных административных органов, получали зачастую в вузах Одессы, Киева, Харькова, что в дальнейшем позволило приднестровской политэлите осуществлять межэлитную коммуникацию с украинской политэлитой.

Следует отметить, что в период после 1917 г. и вплоть до распада Советского Союза наблюдался резкий политический антагонизм между советской и зарубежной украинистикой, представленной преимущественно эмигрантскими центрами в западных странах. Западные исследования носили в основном националистический

характер и исходили из необходимости бороться за украинскую независимость в обширных этногеографических границах, что позволило бы стать «сильным стабилизирующим фактором в поддержании европейского политического баланса» и выступить «барьером против Москвы» [11]. Применительно к настоящей работе заслуживает внимания то, что на протяжении десятилетий зарубежные исследования по «украинству» исходили из того, что практически вся территория современного Приднестровья включалась в состав Украины, что нередко сопровождалось фактическими ошибками: к примеру, утверждалось, что граница УССР и МССР проходила по Пруту или же по течению Днестра вверх от Рыбницы (Приднестровье), и при этом отмечалось, что государственная граница УССР на «румынском» сегменте в целом совпадает с этнографическим [12]. В других изданиях тенденция сохраняется: к примеру, Тирасполь и Дубоссары рассматриваются как «торговые города и пристани Херсонщины», а Бендеры — это «крепость и торговый город украинской Бессарабии» [13]. Позднее появляются исследования, где авторы более склонны придерживаться установленных границ УССР, однако в них особо отмечается то, что национально-культурные потребности украинского населения в Молдавии игнорируются [8].

Можно с уверенностью говорить, что зарубежные политические, этногеографические, социальные, идеологические и иные исследования сформировали ту систему взглядов и оценок, которая в настоящее время может в известной степени считаться «мейнстримом» как для политических подходов первых лет украинской независимости в отношении Приднестровья. Это же касается современных украинских политических исследований и прикладной поли-

тики, однако со значительными корректировками после 2014 г.

ВЛИЯНИЕ УКРАИНЫ НА ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПРИДНЕСТРОВЬЕ ДО 2014 ГОДА

Демократизация политической системы, распад Советского Союза и обретение независимости союзными республиками и Приднестровьем обусловили формирование качественно новых политических феноменов и процессов.

В Приднестровье идут активные процессы становления политической элиты и оформления гражданского общества. Так, для политической элиты первых лет приднестровской независимости характерны следующие черты:

- 1) формирование местной политической элиты практически «с нуля», поскольку после 1940 г. на территории Приднестровья отсутствовали надрайонные структуры и самостоятельный опыт управленческой деятельности;
- 2) центром формирования приднестровской политэлиты стали лидеры протестного движения конца 1989-х годов, связанного с борьбой за соблюдение прав человека, в особенности в языковой, а позднее — и в иных сферах, а также представители депутатского корпуса (местных советов, Верховного Совета Молдавской ССР), избранные по обновленному общесоюзному законодательству, позднее — депутаты Временного Верховного Совета Приднестровья, избранному в 1990 г. Как следствие, в Приднестровье к власти пришла «контрэлита», не ставшая преемником политической элиты МССР или же местной партийно-государственной элиты, которая в основной массе не поддержала курс на независимость;
- 3) укрепление статуса политической элиты

после вооруженного конфликта 1992 г.;

- 4) стремление политэлиты к развитию межэлитной коммуникации, включая форматы переговорного процесса с Республикой Молдова, как ключевого способа внешней легитимизации;
- 5) особое внимание формам непосредственной демократии как базовому формату обеспечения внутренней легитимности;
- 6) многонациональный этнический состав, причем многие представители политэлиты были выходцами с Украины, имели родственные связи с жителями Украины, имели опыт получения образования или профессиональной деятельности на Украине;
- 7) заинтересованность политэлиты в укреплении и развитии местной региональной (территориальной) и гражданской (политической) идентичности.

В свою очередь, приднестровское гражданское общество как отдельный целостный политический институт на начальном этапе развития приднестровской государственности обладало следующими чертами:

- 1) Высокий уровень самоорганизации и коллективных действий, не связанный только с действиями властей, в значительной степени объясняемый общественно-политическими процессами в регионе на протяжении многих десятилетий, включая опыт казачества, самоорганизации в период гражданской войны и т. п.
- 2) Отсутствие значимых межэтнических противоречий, обусловленный более чем двухсотлетним опытом совместного проживания в регионе представителей различных этнических и социальных групп, как стихийного, так и поощрявшегося властями в различные периоды и т.п.
- 3) Высокий уровень урбанизации населения и концентрации достаточно крупных промышленных предприятий, представивших весьма сплоченные коллективы,

готовые к массовой мобилизации для защиты своих прав, в том числе в период боевых действий 1992 г.

- 4) Приоритет непосредственным формам демократии для решения ключевых вопросов общественно-политического развития, включая выражение доверия представителям политического руководства, а также регулярное проведение референдумов, причем с традиционно высоким уровнем явки.
- 5) Слабая «укорененность» в Приднестровье института политических партий; несмотря на достаточное динамичное развитие этого института, он и в настоящее время мало востребован в приднестровском политическом процессе, одной из причин чего является отсутствие в Приднестровье нормы об избрании представительных органов любого уровня по партийным спискам.
- 6) Регулярное рекрутирование политэлитой представителей гражданского общества; по сути, первые составы приднестровской политической элиты состояли преимущественно из представителей гражданского общества.
- 7) Большая роль института традиционных ценностей, с учетом приднестровской специфики (сплоченность, интернационализм, ориентация на формирование собственной идентичности — приднестровского народа, семейные и духовные ценности, уважение исторического опыта и памяти и др.).
- 8) Высокий уровень активности гражданского общества Приднестровья во внешних контактах в рамках «народной дипломатии» и в других форматах, ориентированных на создание позитивного имиджа республики за ее пределами и установление взаимовыгодных связей, в том числе по линии образования, науки, культуры и в других сферах.

Таким образом, в силу сложившихся в Приднестровье политических традиций именно гражданское общество, обособившее в своем составе «протестное ядро», сумело стать первоосновой формирования местной политической элиты. В дальнейшем, как и во многих других государствах постсоветского пространства, в приднестровской политической элите наметились тенденции к большей закрытости и самовоспроизводству, к формированию политической элиты на основе персональной лояльности и профессиональной принадлежности ее представителей, а по мере укрепления официальных политических институтов роль гражданского общества и степени его влияния на политэлисту стала ослабевать. Тем не менее, политические процессы в Приднестровье, особенно различные избирательные кампании, показывают, что роль гражданского общества по-прежнему остается достаточно значимым и оно по-прежнему сохраняет свои основные характеристики, выработанные на протяжении многих десятилетий.

Формирование независимых государств на постсоветском пространстве обусловило появление у них собственных внешних интересов, в том числе связанных с политическими процессами в сопредельных государствах. В этом контексте вполне закономерен интерес Украины к приднестровской проблематике, причем на разных уровнях и по различным направлениям.

В самом общем виде вовлеченность украинского фактора в региональный политический процесс и стремление оказать влияние на приднестровскую политическую систему обусловлено следующими факторами:

- 1) наличие в украинском политическом дискурсе, особенно в зарубежном, восприятия Приднестровья как «своей» территории;
- 2) прохождение через регион стратегиче-

ских транспортных и энергетических коммуникаций, от которых зависит «экономическая безопасность украинского государства» [14];

- 3) наличие «зон нестабильности» вдоль границ Украины в связи с сохранением неурегулированного конфликта между Молдовой и Приднестровьем;
- 4) стремление политической элиты Украины обеспечить свою субъектность в региональных политических процессах исходя из закрепленной различными документами роли Украины в таких процессах;
- 5) интересы бизнес-элит Украины, связанные с развитием региональной торговли, а также некоторыми экспансионистскими устремлениями украинского бизнеса на различных этапах;
- 6) наличие большого числа украинских граждан и этнических украинцев, постоянно проживающих на территории Приднестровья;
- 7) риски, связанные с возможными «имиджевыми потерями Украины», в том числе среди «автохтонного украинства Приднестровья» [15].

Безусловно, приведенный перечень не является исчерпывающим, но он дает представление о причинах вовлеченности Украины в политические процессы в Приднестровье и ее стремление в той или иной форме повлиять на ключевые приднестровские политические институты.

Одним из самых первых примеров, связанных с «влиянием» Украины на приднестровскую элиту можно считать опыт 1991 г., когда украинские власти передали молдавским силовикам задержанного в Киве лидера Приднестровья И. Смирнова (по другой версии — был задержан непосредственно молдавскими силовиками возле здания Верховной Рады с санкции украинского руководства), который прие-

хал в украинскую столицу по приглашению депутатов Верховной Рады на переговоры о ситуации вокруг Приднестровья [16].

В дальнейшем подобных прецедентов не было, и уже в 1992 г. украинские военизированные националистические формирования участвовали в боевых действиях в Приднестровье в качестве «составной части непризнанной республики», причем содействие в размещении штаба украинских добровольцев в Тирасполе и тыловой базы в Рашкове способствовали уже существовавшие на тот момент общественные организации украинцев Приднестровья и местные проукраинские активисты [17]. Впрочем, и в данном случае не обошлось без неоднозначных попыток повлиять на приднестровскую политэлиту: помимо успешного формирования «проукраинского лобби» в приднестровском парламенте, украинские добровольцы при поддержке некоторой части местного населения попытались «взять под контроль» часть территории Приднестровья севернее Рыбницы, т. е. в районе расположения тыловой базы [17], что ускорило разоружение и вывод украинских подразделений с территории Приднестровья. Аналогичное требование о выводе было выдвинуто и тогдашним руководством Украины.

В целом в период вплоть до 2014 г. взаимодействие украинской и приднестровской политических элит развивалось достаточно динамично, хотя были и весьма сложные периоды (к примеру, действия Киева и Кишинева по введению нового таможенного обеспечения в обход позиции Тирасполя были однозначно восприняты приднестровской политэлитой и гражданским обществом крайне негативно, как попытка установления экономической блокады и раскола между политической и бизнес-элитой Приднестровья).

Способы влияния на приднестровскую политэлиту в данный период можно услов-

но разделить на «формальные», «субстантивные» и «гипотетические».

К первым мы относим прямую межэлитную коммуникацию, включая регулярный диалог на высшем и высоком уровне. Сам факт таких контактов, вне зависимости от их реального содержания, традиционно имел (и имеет) большое значение для укрепления субъектности приднестровской политэлиты. Более того, украинская сторона периодически подчеркивала, что возможность прямых контактов между политическими элитами Украины и Приднестровья, в том числе в бизнес-сфере, и самостоятельность Киева в отношении осуществления своих таможенных и иных административных процедур не должна ставиться под сомнение и оспариваться третьими странами, включая Республику Молдова [18]. В значительной степени именно фактор прямых личных контактов между руководством Приднестровья и Украины способствовал возобновлению официальных встреч в переговорном формате «5+2» в 2011 г. после более чем пятилетнего перерыва.

Стоит отметить, что факт прямой межэлитной коммуникации между Приднестровьем и Украиной вызывал крайне резкие оценки в Молдове. Украинская политэлита регулярно обвинялась в «лоббировании» приднестровских интересов и, соответственно, способствовании «нелегальной» торговле за вознаграждение: так, «лоббисты» приднестровской политэлиты в Киеве в период президентства Л. Кучмы якобы «ежемесячно получали от приднестровских лидеров 2 млн долл. ежемесячно», а П. Порошенко, занимавший в 2005 г. пост Секретаря Совета национальной безопасности и обороны, не только якобы был акционером ряда приднестровских предприятий, но и вообще был «агентом влияния России» [19]. Естественно, что такого рода выпады в экспертных и публицисти-

ческих изданиях нередко имели обратный эффект.

К субстантивным методам мы, в частности, предлагаем отнести восприятие приднестровской политэлиты на Украине. В Киеве традиционно очень внимательно следили за высказываниями представителей приднестровской политэлиты по тем или иным вопросам, соответственно, из этого нередко делался вывод о «проукраинском» характере приднестровской элиты. При этом определяющим зачастую выступал фактор бизнес-интересов той или иной группы в приднестровской политэлите. Именно поэтому впервые получившее на парламентских выборах 2005 г. большинство республиканское движение «Обновление» (позднее трансформированное в политическую партию, которую часто связывают с самой крупной в Приднестровье финансово-промышленной группой «Шериф») рассматривалось как «более украинско-ориентированная политэлита» [20]. Авторы справедливо обратили внимание на происходившие тогда в политической системе Приднестровья процессы: действительно, приднестровский крупный бизнес, начинавший играть всё более значимую роль, стремился к политическому доминированию [20]. Естественно, что наличие у приднестровской политэлиты бизнес-интересов, связанных с Украиной, рассматривалось как внушительный инструмент влияния на саму элиту.

Кроме того, к субстантивным методам можно отнести и использовавшиеся Украиной попытки «экспорта электоральной демократии в Приднестровье и инициирования “помаранчевой революции”», в сочетании с «идеей патроната над приднестровским регионом в какой-либо форме» [21]. Впрочем, последнюю идею следует, скорее, считать не методом, а целью воздействия.

Наконец, к гипотетическим формам воздействия мы предлагаем отнести фактор границы, но при этом особо подчеркнем: речь идет исключительно о пересечении границы представителями приднестровской политэлиты в данном периоде. Как правило, пересечение границы осуществлялось беспрепятственно, однако иногда украинские эксперты считали, что использование хотя бы общего, а не привилегированного, режима пересечения границы могло бы помочь более оперативному решению актуальных для Украины вопросов [22].

Впрочем, условность деления методов влияния на предложенные нами подгруппы подтверждается именно фактором границы: если речь заходила о факторе границы как способе воздействия на бизнес-интересы политэлиты, то этот метод становился субстантивным и нередко весьма действенным.

Что касается воздействия на приднестровское гражданское общество, то в этот период оно также осуществлялось достаточно динамично, хотя и нередко достаточно противоречиво. В число основных форм и направлений такого влияния, по нашему мнению, входят:

- 1) Поддержка национально-культурных организаций украинцев. Первые такие структуры были зарегистрированы в Приднестровье уже в 1991 г. на уровне отдельных городов и населенных пунктов, позднее был создан республиканский Союз украинцев Приднестровья. Украина по разным направлениям поддерживала украинские общины («громады») Приднестровья, обеспечивала участие их представителей в работе различных международных форумов и т. п. Однако уже в середине 2000-х в украинских общинах произошел раскол, который не преодолен в полной мере до настоящего времени, и на территории Приднестровья существуют две нацио-

- нально-культурные общереспубликанские организации украинцев.
- 2) Предоставление квот для обучения в украинских вузах для приднестровских выпускников. Число таких квот регулярно увеличивалось, однако из-за особенностей украинского законодательства ими не могли воспользоваться граждане Украины, проживающие в Приднестровье: граждане Украины должны были поступать в украинские вузы на общих основаниях.
 - 3) Поддержка среднего образования на украинском языке в Приднестровье. Выше нами было отмечено, что в начале 1950-х годов на приднестровской территории была закрыта последняя школа с преподаванием на украинском языке; с 1991 г. ситуация изменилась, обучение украинскому языку как одному из трех официальных языков доступно во всех школах Приднестровья; кроме того, функционируют три полностью украинские школы.
 - 4) Взаимодействие с Приднестровским государственным университетом им. Т. Г. Шевченко. В Университете был открыт Центр украинского языка и культуры, сам вуз имел несколько десятков соглашений о сотрудничестве с ведущими образовательными центрами Украины, а представители украинских вузов регулярно участвовали в итоговой аттестации выпускников университета.
 - 5) Поддержка культурных мероприятий, проводимых в Приднестровье (фестивалей и т. п.), а также приглашение национально-культурных коллективов из Приднестровья на аналогичные мероприятия на Украине.
 - 6) Контакты по линии СМИ (в Приднестровье издается газета на украинском языке), регулярные визиты украинских корреспондентов СМИ в Приднестровье, хотя

украинскими экспертами высказывалось мнение о том, что приднестровское руководство могло бы способствовать «расширению приднестровского медиа-пространства за счет телеканалов Украины» [23].

- 7) Регулярные контакты по линии торгово-промышленных палат, бизнес-ассоциаций, взаимное участие в форумах на территории Украины и Приднестровья.
- 8) Регулярный экспертный обмен: украинская сторона часто организовывала разного рода экспертные форумы для обсуждения различных аспектов молодежной, социально-гуманитарной, культурной, образовательной политики, а также непосредственно политической проблематики. На Украине сформировались два основных центра исследования внутривосточной ситуации в Приднестровье: Киев и Херсон, кроме того, поддерживались интенсивные контакты с общественными организациями Винницы, Тернополя, Одессы.

Вместе с тем, нельзя не отметить, что в Киеве не избегали и «негативного дискурса», в частности, провоцирования напряженности между политэлитой и гражданским обществом Приднестровья в случаях, когда от приднестровской политэлиты требовались те или иные уступки.

ПОСЛЕ 2014 ГОДА

С началом украинского кризиса ситуация резко меняется — как в отношении приднестровской политической элиты, так и в отношении гражданского общества.

Во-первых, украинская сторона практически отказывает приднестровской политэлите в самостоятельной субъектности. Органы власти Приднестровья именуют «марионеточными», проводившиеся референдумы — «фейковыми», инициированными и поддержанными Россией для создания «видимости легитимности» [24].

Во-вторых, приднестровская политэлита в условиях отсутствия субъектности представляет, по мнению украинских авторов, «проводника» российских интересов, предоставляя возможности для влияния на внутривнутриполитические процессы на Украине [24], и, как следствие, якобы начинает представлять угрозу для национальной безопасности Украины.

В-третьих, межэлитная коммуникация сводится практически к нулю, равно как и значительная часть двусторонних контактов, и ограничивается преимущественно участием Украины в переговорном процессе в формате «5+2», где позиция украинской политэлиты крайне сложно назвать нейтральной.

В-четвертых, приднестровская политэлита перестает быть объектом влияния, а становится объектом воздействия. В отношении ряда представителей административно-бюрократической элиты Приднестровья вводятся запреты на пересечение границы с Украиной (вне связи с пандемией COVID-19).

При этом украинская сторона осуществляет постоянный мониторинг действий и заявлений приднестровской политэлиты, связанных с «Крымской весной» и событиями на Донбассе, а также весьма болезненно воспринимает участие некоторых бывших представителей приднестровской политэлиты в противостоянии на стороне народных республик.

Сведя к минимуму межэлитную коммуникацию и осуществляя лишь фрагментарный мониторинг внутривнутриполитических процессов в Приднестровье, украинские власти, по-видимому, будут наращивать воздействие на приднестровскую политэлиту, избегая прямого взаимодействия с ней.

Как следствие, в приднестровской политэлите нарастают мобилизационные настроения и понимание хрупкости нынешней си-

туации. Приднестровская политэлита пока не использует украинский фактор для консолидации населения и необходимости противодействия внешней угрозе с новой стороны, однако при сохранении нынешнего уровня контактов нельзя исключить его дальнейшей деградации.

Аналогичная ситуация складывается в сфере гражданского общества. Украинский национальный сегмент гражданского общества в Приднестровье в значительной степени дезориентирован, хотя его представители инкорпорированы политэлитой в некоторые официальные механизмы, в частности, в Общественную палату Приднестровья. В то же время сотрудничество между вузами заморожено; украинские вузы отказываются от контактов, ссылаясь на позицию центральных властей. Украинские власти отказались от идеи консолидации украинских национально-культурных объединений Приднестровья в единую республиканскую структуру, и в настоящее время ограничиваются пассивным наблюдением.

Имеющие место отдельные визиты украинских деятелей науки и культуры в Приднестровье, предоставление в дар приднестровским учебным заведениям некоторых объемов украинской литературы остаются единичными прецедентами, которые не меняют общий тренд на дистанцирование Украины от внутривнутриполитических процессов в Приднестровье. До событий 2014 г. было бы сложно ожидать, что такие знаковые, почти сакральные политические юбилеи, как 210 лет смерти И. Мазепы в Бендерах (2019 г.), 210 лет «Бендерских конституций» (2020 г.) останутся без внимания и политической элиты Украины, и ее гражданского общества.

Взаимодействие по иным каналам также ограничивается Киевом или же сопровождается негативным нарративом в отношении Приднестровья, как это происходит

в украинских СМИ. Аналогичным образом без представителей Приднестровья проводятся различные экспертные форумы.

Полагаем, что ключевым мотивом для таких действий Украины как в отношении политэлиты Приднестровья, так и в отношении гражданского общества республики является восприятие в украинском политическом дискурсе ситуации на Донбассе и ситуации в Приднестровье как аналогичных, а тезис о недопустимости «приднестровизации» Донбасса стал неотъемлемой частью современного украинского политического мифа.

В то же время было бы неверным полагать, что украинская политэлита и гражданское общество Украины полностью дистанцировались от внутривнутриполитических процессов в Приднестровье. Такой мониторинг продолжается, но пока, по нашему мнению, не для лоббирования украинских интересов в Приднестровье и национально-культурного развития приднестровских украинцев, а для того, чтобы в случае «неверных» шагов иметь возможность на те или иные формы жесткого реагирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приднестровская политическая элита и гражданское общество Приднестровья являются современными политическими институтами, развивающимися в соответствии с широко распространенными тенденциями и местными особенностями. Политэлита Приднестровья, формируемая в ходе регулярных свободных выборов, стремится к большей закрытости, к монополизации возможности директивного управления всеми сферами социально-политической жизни. При этом приднестровская политическая элита стремится создавать условия для укрепления и развития приднестровской идентичности, поскольку справедливо рассматривает эту идентичность как одну

из ключевых предпосылок своей легитимности. В свою очередь, приднестровское гражданское общество, имеющее давние традиции народовластия, самоорганизации и самовыражения, старается сохранить инструменты общественного контроля и возможности коллективной защиты гражданами своих прав, даже если политическая элита не всегда согласна с этим.

В своём развитии и политэлита, и гражданское общество Приднестровья испытали серьезное воздействие внешних факторов. Они традиционно оказывали консолидирующее воздействие, причем форма консолидации могла быть как негативной (фактор Молдовы), так и позитивной (фактор России). Украинский фактор также оказал существенное влияние на формирование и развитие ключевых политических институтов Приднестровья в силу целого ряда причин — многочисленных родственных, историко-политических, культурно-гуманитарных, социально-экономических связей между Приднестровьем, его населением, и Украиной. На территории Приднестровья также находятся знаковые для современной украинской политики места.

На протяжении длительного времени Украина так или иначе влияла на внутривнутриполитические процессы в Приднестровье, поддерживая при этом межэлитную коммуникацию с соответствующими социально-политическими группами в Приднестровье. Однако после 2014 г. и украинская политэлита, и институты гражданского общества сводят к минимуму взаимодействие с политическими институтами Приднестровья, ограничиваясь спорадическими культурными акциями и сводя политические контакты к участию в многостороннем политическом процессе. Попытки увязать такие решения с событиями на Донбассе выглядят малоубедительными с точки зрения политической науки и практики.

Приднестровская политическая элита, тем не менее, не может игнорировать украинский фактор по причине протяженной границы, вследствие того, что примерно треть приднестровского населения составляют этнические украинцы, а также по иным причинам. Как представляется, на данном этапе важно определить те приоритеты, которые могут быть востребованы

в межэлитной коммуникации, и реализовать их через призму базовых функций политической элиты. Гражданское общество Приднестровья, в свою очередь, могло бы оказать в этом посильное содействие, а возможно, и стать главной движущей силой в возобновлении политически оправданного и взаимовыгодного сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Міхновський М. І. Самостійна Україна. Київ: Діокоп; 2002. 80 с.
2. Лук'яненко Л. Національна ідея і національна воля. Київ: МАУП; 2003. 296 с.
3. Гайда А. Ф. Грани и рубежи: понятия «Украина» и «украинцы» в их историческом развитии. Москва: Модест Колеров; 2019. 200 с.
4. Жильцов С. С. История становления украинского государства (до распада СССР). *Проблемы постсоветского пространства*. 2018;5(3):309-328.
5. Дружинина Е. И. Южная Украина в период кризиса феодализма 1825-1860 гг. Москва: Наука; 1981. 216 с.
6. Рендюк Т. Г. Гетьман Иван Мазепа — відомий і невідомий. Київ: АДЕФ-Україна; 2010. 480 с.
7. Конституція незалежної України. Кол. авт. За ред. В. Ф. Погорілка, Ю. С. Шемшученка, В. О. Євдокимова. Київ: Інститут держави і права ім. В. М. Корецького НАН України, Спілка юристів України; 2000. 428 с.
8. Марунчак М. Г. Українці в СССР поза кордонами УРСР. Вінніпег: Українська вільна академія наук в Канаді; 1974. 248 с.
9. Подейский Н. А. Советская Молдавия. *Наша страна*. 1938;5:13-17.
10. Бабій Б. М. Українська радянська держава в період відбудови народного господарства (1921–1925 pp.). Київ: Видавництво Академії Наук Української РСР; 1961. 384 с.
11. Sciborsky M. Stalinism. *The Trident*. 1940;IV(5):22-41.
12. Тесля І. Географія України й українських поселень. Третє змінене видання. Торонто: Нью-Йорк: Видавництво об'єднання українських педагогів; 1957. 240 с.
13. Рудницький С. Початкова географія України. Друге поправлене видання. Нью-Йорк: Філадельфія: Український конгресовий комітет Америки. Видання Шкільної Ради; 1957. 136 с.
14. Кулик В. А. К вопросу о роли Украины в приднестровском урегулировании. В: Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. Тирасполь: ЦСПИ «Перспектива»; 2002. С. 58-67.
15. Єнін Є. В. Забезпечення національних інтересів України у процесі врегулювання приднестровського конфлікту. Автореф. дисс. ... канд. політ. наук. Київ: Національний інститут проблем міжнародної безпеки при РНБОУ України; 2010. 20 с.
16. Смирнов И. Н. Жить на нашей земле. Москва: Советский писатель; 2001. 240 с.
17. Кравченко М. Придністровська кампанія УНСО¹ Київ: Орієнтир, 2017. 36 с.
18. Мозер С. В. Организация совместного контроля в пунктах пропуска на украинско-мол-

¹ Запрещенная в России организация.

- давской государственной границе (приднестровский фактор). Тирасполь: 2009. 176 с.
19. Munteanu I. and others. Moldova on its way to democracy and stability. From the post-soviet space into the world of democratic values. Chisinau: Cartier; 2005. 264 с.
 20. Коробов В.К., Бянов Г.Н. Обновление Приднестровья. Херсон: Надднепряночка; 2006. 28 с.
 21. Коробов В.К. Desiringmachine (машина желаний) и образы будущего Приднестровья. *Вестник Центра исследований южно-украинского пограничья*. 2007;1-2:8-22.
 22. Кулик В.А. Упущенный «конек» украинского председательства в ОБСЕ. *Зеркало недели*. 2013. 8-15 ноября.
 23. Гетьманчук А., Єнін Є. та ін. Сценарії розвитку придністровського конфлікту. Виклики європейській безпеці. Київ: Інститут світової політики; 2011. 138 с.
 24. Serdiuk O. Instability belt. *Ukrainian Defense Review*. 2019;3:12-15.

REFERENCES:

1. Mikhnovsky M.I. Independent Ukraine. Kyiv: Diokor; 2002. 80 p. (In Ukr.)
2. Lukianenko L. The National Idea and the Political Will. Kyiv: IAPM; 2003. 296 p. (In Ukr.)
3. Gaida A.F. Borders and Frontiers: the Terms “Ukraine” and “Ukrainians” in Their Historical Development. Moscow: Modest Kolerov; 2019. 200 p. (In Russ.)
4. Zhiltsov S.S. History of the Ukrainian State Formation (Prior to the USSR Breakup). *Post-Soviet Issues*. 2018;5(3):309-328. (In Russ.)
5. Druzhinina E.I. Southern Ukraine at the Period of the Feudalism Crisis in 1825-1860. Moscow: Science; 1981. 216 p. (In Russ.)
6. Rendiuk T.H. Hetman Ivan Mazepa — Known and Unknown. Kyiv: ADEF-Ukraine; 2010. 480 p. (In Ukr.)
7. The Constitution of Independent Ukraine. Editors: V.F. Pohorilko, Iu.S. Shemshuchenko, V.O. Yevdokimov. Kyiv: The Institute of State and Law named after V.M. Koretsky of the NAS of Ukraine, the Union of Lawyers of Ukraine; 2000. 428 p. (In Ukr.)
8. Marunchak M.G. The Ukrainians in the Soviet Union out of the Borders of the Ukrainian SSR. Winnipeg: The Ukrainian Free Academy of Sciences in Canada; 1974. 248 p. (In Ukr.)
9. Podeisky N.A. Soviet Moldavia. *The Our Country*. 1938;5:13-17. (In Russ.)
10. Babii B.M. The Ukrainian Soviet State at the Period of Recovery of National Economy (1921–1925). Kyiv: Publishing House of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR; 1961. 384 p. (In Ukr.)
11. Sciborsky M. Stalinism. *The Trident*. 1940;IV(5):22-41.
12. Teslya I. The Geography of Ukraine and of the Ukrainian Settlements. The Third Revised Edition. Toronto: New-York: The Publishing House of the Ukrainian Educators’ Union; 1957. 240 p. (In Ukr.)
13. Rudnitskyi S. The Elementary Geography of Ukraine. The Second Revised Edition. New-York: Philadelphia: The Ukrainian Congress Committee of America. The Edition of the School Council; 1957. 136 p. (In Ukr.)
14. Kulik V.A. About the Question of Ukrainian Role in the Transdnistriian Settlement. In: Transdnistria in the Geopolitical System of Coordinates in the XXI Century. Tiraspol: CSPS “Perspective”; 2002. PP. 58-67. (In Russ.)
15. Yenin E.V. Securing of the National Interests of Ukraine in the Transnistrian Settlement Process: autoref. sis. ... cand. polit. sciences. Kyiv: the National Institute of the Problems of International Security at the CNSD of Ukraine; 2010. 20 p. (In Ukr.)
16. Smirnov I.N. To Live on Our Land. Moscow: The Soviet Writer; 2001. 240 p. (In Russ.)

17. Kravchenko M. The Transnistrian Campaign of UNSD² Kyiv: Orientir, 2017. 36 p. (In Ukr.)
18. Mozer S.V. The Arrangement of Joint Control at the Checkpoints at the Ukraine — Moldova State Border (the Transnistrian Factor). Tiraspol: 2009. 176 p. (In Russ.)
19. Munteanu I. and others. Moldova on its way to democracy and stability. From the post-soviet space into the world of democratic values. Chisinau: Cartier; 2005. 264 c.
20. Korobov V.K., Byanov G.N. Renewal of the Transnistria. Kherson: Naddneprianochka; 2006. 28 p. (In Russ.)
21. Korobov V.K. Desiring Machine and Images of the Transnistrian Future. The *Bulletin of the Center for Southern Ukrainian Borderland Studies*. 2007;1-2:8-22. (In Russ.)
22. Kulik V.A. Missed Fortune of the Ukrainian Chairmanship in OSCE. *Weekly Mirror*. 2013. 8-15 Nov. (In Russ.)
23. Getmanchuk A., Yenin Y. and oth. Scenarios for the Development of the Transnistria Conflict. Challenges to European Security. Kyiv: Institute of World Policy; 2011. 138 p. (In Ukr.)
24. Serdiuk O. Instability belt. *Ukrainian Defense Review*. 2019;3:12-15.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Алексей К. Сквиков, кандидат политических наук, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр.1;
skovikov@yahoo.com

Ольга В. Леонтьева, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика; Приднестровская Молдавская Республика, 3300, Тирасполь, ул. 25 Октября, д. 128;
lov_pmr@mail.ru

Владимир В. Ястребчак, Тираспольская школа политических исследований, Тирасполь, Приднестровская Молдавская Республика; Приднестровская Молдавская Республика, 3300, Тирасполь, ул. 25 Октября, д. 104;
vladhawk@rambler.ru

Alexei K. Skovikov, PhD in political science, Russian Presidential Academy of National Economy a Public Administration Science, Moscow, Russia; bld. 82, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia;
skovikov@yahoo.com

Olga V. Leonteva, Transnistrian State University named after T. Shevchenko, Tiraspol, Transnistria; bld. 128, str. October 25, Tiraspol, 3300, Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika;
lov_pmr@mail.ru

Vladimir V. Yastrebnchak, The Tiraspol School of Political Studies, Tiraspol, Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika; bld. 104, str. October 25, Tiraspol, 3300, Pridnestrovskaja Moldavskaja Respublika;
vladhawk@rambler.ru

² Organization prohibited in Russia



Геополитические подходы к исследованию понятия «Центральная Азия»

Елена Г. Гарбузарова

Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек,

Кыргызская Республика,

play_elenag@mail.ru

Аннотация: В статье рассматриваются методологические подходы, на основе которых раскрывается суть термина «Центральная Азия». После распада СССР пятью постсоветскими государствами, расположенными в центре Евразии, было принято решение использовать вместо советского понятия «Средняя Азия и Казахстан» международное название региона «Центральная Азия». Однако на современном этапе принятый постсоветский геополитический термин вызывает много вопросов и требует детальной характеристики. В статье анализируется понятие «Центральная Азия» через призму историко-географического и геополитического подходов. Делается вывод, что историко-географические границы региона не совпадают с границами политического понятия «Центральная Азия». Ведущие западные и российские геополитики представляют регион в более широких геополитических границах. Это обусловлено географическими особенностями региона и его углеводородным потенциалом. В итоге, понятие «Центральная Азия» трактуется различными исследователя по-разному.

Ключевые слова: Центральная Азия, Средняя Азия и Казахстан, Туркестан, Большая Центральная Азия, геополитические подходы, географические границы

Для цитирования: Гарбузарова Е. Г. Геополитические подходы к исследованию понятия «Центральная Азия». *Проблемы постсоветского пространства*. 2020;7(4):550-558. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-550-558>

Статья поступила 28.07.2020

Принята в печать 17.09.2020

Опубликована 01.12.2020

Geopolitical Approaches to the Term Study of the “Central Asia”

Elena G. Garbuzarova

Kyrgyz-Russian Slavic university,

Bishkek, the Kyrgyz Republic,

play_elenag@mail.ru

Abstract: The article is devoted to the methodological approaches that reveal the essence of the term «Central Asia». After the collapse of the USSR, five Post-Soviet States located in the center of Eurasia, adopted the international name of the region «Central Asia» instead of the soviet term «Central Asia and Kazakhstan». However, at the present stage, the accepted Post-Soviet geopolitical term raises many questions and requires a detailed description. The author analyzes the essence of the term «Central Asia» through the prism of historical, geographical and geopolitical approaches. It is concluded that the historical and geographical borders of the region do not coincide with the borders of the political term «Central Asia». Famous Western and Russian geopolitics are trying to present the region within broader geopolitical boundaries which is due to the geographical features of the region and its hydrocarbon potential. As a result the term «Central Asia» is interpreted differently by researchers.

Keywords: Central Asia, Central Asia and Kazakhstan, Turkestan, Greater Central Asia, geopolitical approaches, geographical borders

For citation: Garbuzarova E. G. Geopolitical Approaches to the Term Study of the «Central Asia». *Post-Soviet Issues*. 2020;7(4):550-558. DOI: <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2020-7-4-550-558>

Received 28.07.2020

Revised 17.07.2020

Published 01.12.2020

ВВЕДЕНИЕ

Геополитическая трансформация, произошедшая в Евразии в 1991 г. (распад СССР), стала результатом появления в центре этой части мира пяти новых независимых государств (ННГ) (Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана, Туркменистана). Отпущенные в «свободное плавание» [1], пять суверенных государств, расположенные в одном регионе, принялись выстраивать самостоятельно свою государственность и разрабатывать основы независимой внешней политики. Надеясь создать в перспективе аналог европейской интеграции, ННГ решили предстать на международной арене как особый политический регион. В 1992 г. по инициативе первого президента Казахстана Н. Назарбаева отказались от советского понятия — «Средняя Азия

и Казахстан» в пользу нового названия региона «Центральная Азия». Для выделения Центральной Азии в единый геополитический и геоэкономический регион существовали не только географические предпосылки — наличие общих границ. Большую роль сыграл фактор экономической взаимозависимости, подкрепленный созданной в советское время развернутой сетью транспортных коммуникаций и топливно-энергетических систем.

ПОНЯТИЕ «ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ»

Понятие «Центральная Азия» можно рассматривать с разных методологических позиций, учитывая географические, этнические, религиозные, культурно-цивилизационные особенности региона. Под углом зрения того или иного подхода границы Центральной Азии будут меняться.

Геополитическое понятие «Центральная Азия», принятое пятью независимыми государствами в 1992 г. для идентификации региона на международной арене, отличается от историко-географического понятия «Центральная Азия», впервые введенного в оборот немецким географом А. фон Гумбольдтом в XIX в. Наиболее четкую характеристику понятию «Центральная Азия» дал немецкий географ Ф. Рихтгофен. Он понимал под регионом «область замкнутых водных бассейнов, в отличие от периферийных частей Азиатского материка, характеризующихся внешним стоком водных источников в мировой океан» [2]. В центре этого обширного пространства он выделял отдельно Среднюю Азию, которая «простирается от Алтайских гор на севере до Тибетского нагорья на юге, и от Памирского горного узла до Большого Хингана на востоке» [2].

Для российских ориенталистов XIX в. такие понятия как «Средняя Азия» и «Центральная Азия» также не являлись тождественными. В своей статье «Туркестанский край в XIII в.» известный историк В. В. Бартольд опирался на понятие «Туркестан», имея в виду географическую территорию Средней Азии, границы которой начинаются по реке Чу. Следовательно, река Чу служит началом определения границы между Средней и Центральной Азией [3]. Этот подход к определению региона в дальнейшем закрепился в советской научной историографии.

В соответствии с традициями советской географии на этом обширном географическом пространстве, именуемом «Центральной Азией» отдельно выделялся политико-географический регион — «Средняя Азия и Казахстан». В представлениях советских географов этот регион рассматривался как внутриматериковый район Азии (Внутренняя Азия), характе-

ризующийся сходством природных условий, исторических судеб, хозяйственной деятельности и расселения [4]. При этом Казахстан рассматривался как отдельная политико-географическая единица в силу его экономической самостоятельности и историко-экономической близости к Южной Сибири и южному Приуралью. В рамках географического подхода Среднюю Азию (Туркестан) и соответственно Казахстан считали составной частью большого природно-географического региона — Центральной Азии. Последняя с историко-географической точки зрения занимает пространство от Каспийского до Японского моря [5]. Известный российский геополитик Р. Т. Мухаев также отмечал, что «историко-географическое определение Центральной Азии охватывает более широкое территориальное пространство, чем бывшие советские республики Средней Азии» [6]. Таким образом, современные геополитические границы региона не совпадают с географическими границами, которые очерчивают страны Центральной Азии. При этом стоит понимать, что если с физико-географической точки зрения границы региона являются величиной постоянной, то историко-политические рубежи региона могут постоянно колебаться под воздействием геополитических процессов, происходящих в регионе [7].

Геополитические подходы, являясь производными от географических, но с другими акцентами и фокусами, широко применяются к исследованию сути понятия «Центральная Азия». После распада СССР большинство ведущих западных и российских ученых стали отождествлять регион с пятью постсоветскими государствами, используя такое устоявшееся политологическое понятие как «Центральная Азия».

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ» В США

Особенно популярными стали варианты идентификации Центральной Азии, которые были разработаны на Западе. В 2005 г. американский политолог Ф. Старр предложил объединить страны Центральной Азии с Афганистаном в один регион под названием «Большая Центральная Азия». В этой связи Ф. Старр критиковал правительство США, в частности Государственный департамент, который «объединяет пять бывших республик СССР в одну группу с Россией, а Афганистан считает частью Южной Азии, в то время как Центральное командование Министерства обороны рассматривает эти шесть стран как одно целое» [8].

В свете продвигаемого атлантистами однопольного мирового порядка Центральноазиатский регион представлял особую ценность для укрепления мирового лидерства США. В 2000-х гг. Вашингтон стал разрабатывать проекты по расширению геополитического пространства Центральной Азии и вывода региона из-под влияния России. Речь шла о проектах, предполагающих оказание помощи пяти постсоветским государствам в решении их внутренних проблем. Одновременно применяемое понятие «Центральная Азия» было нацелено на усиление роли США в стратегически важном регионе.

Идея привязки Афганистана к Центральной Азии, которая впоследствии прочно закрепилась в американской внешнеполитической концепции на Центральноазиатском треке, так и осталась нереализованной. Причины несостоятельности данной идеи объяснялись не столько культурными различиями Афганистана и государств Центральной Азии, сколько внутренними проблемами этих государств. Соединение их в одном геополитическом проекте могло

еще больше ухудшить их положение и стать катализатором деструктивных тенденций в регионе.

В Стратегии США в Центральной Азии, принятой на 2019–2025 гг., пять независимых государств рассматриваются как важный для американских национальных интересов геостратегический регион, отдельный от Афганистана [9]. В документе отмечается, что одной из ключевых внешнеполитических задач США в регионе, является необходимость развивать и укреплять сотрудничество Центрально-Азиатских государств с Афганистаном.

Средством реализации американских интересов в регионе стали усилия по продвижению ценностей демократии. Такие подходы, применяемые в процессе достижения глобального лидерства и ущемления интересов геополитических противников, не являлись новыми. Еще в начале XX в. английский геополитик Х. Маккиндер, отождествлявший страны Центральной Азии и Кавказа с географической осью истории, полагал, «что союз демократических государств будет лучшей защитой от супердержавы в центре Евразии» [10]. Так, посредством технологий проведения «цветных революций» США стремились трансформировать политические режимы на всем постсоветском пространстве, тем самым создавая подконтрольные государства у границ России.

Заметно употребление на Западе в отношении пяти постсоветских государств англоязычного термина «стан». В своей книге, опубликованной в 2018 г., норвежский антрополог Э. Фатланд собирательно именуется страны Центральной Азии термином «Советистан» [11]. Интересна этимология слова «стан», которое с персидского языка переводится как «страна» или «земля» [11]. В XIX в. это слово «стан» было составной частью названия

«Туркестан» («страна тюрков»), под которым понимали территории, расположенные в Центральной Азии. Справедливо акцентирует внимание на геополитической составляющей данного термина российский политолог Казанцев А.А. отмечал, что это наименование можно рассматривать как разновидность концепции «Большой Центральной Азии», имеющей потенциал интегрировать вокруг себя китайский Уйгуристан (Синьцзян), а также многие тюркско-исламские регионы России (Татарстан, Башкортостан, Дагестан и т. д.) в случае усиления центростремительных тенденций [12].

РОЛЬ УГЛЕВОДОРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Геополитический ландшафт Центральной Азии расширяется, если рассматривать регион с позиции углеводородных богатств. В этом случае фокус смещается в сторону Каспийского моря, выход к которому имеют Казахстан и Туркменистан. Следовательно, Центральную Азию можно рассматривать как часть Каспийского региона, куда также входит Россия и государства Кавказа [13]. Таким образом, в рамках энергетического дискурса к региону Центральной Азии можно причислить Азербайджан. В частности французский ученый О. Рой, не представляет регион без шестой мусульманской страны, имеющей выход к Каспийскому морю [14]. Не случайно известный американский геополитик З. Бжезинский подчеркивал важную геополитическую роль Азербайджана, считая его «воротами» к богатствам бассейна Каспийского моря и Средней Азии [15].

Географическое положение и значительные углеводородные запасы обусловили попадание государств Центральной Азии (Казахстана, Узбекистана и Туркменистана) в «стратегический энергетиче-

ский эллипс» [13], который после распада СССР стал центром геополитической борьбы между ведущими государствами Запада и Евразии. На современном этапе страны Запада и Китай лоббируют свои трансазиатские транспортно-коммуникационные проекты — ТРАСЕКА, ЭПШП и т. д. — с целью получить расширенный доступ к евразийским углеводородам и стратегическим маршрутам их транспортировки.

РОССИЙСКИЙ ПОДХОД

Ряд российских ученых считает современное понятие «Центральная Азия» преемницей, но не эквивалентом советской Средней Азии [16]. В современном употреблении под Центральной Азией можно понимать не только пять постсоветских государств, включая Казахстан, но и относить к этому региону части Северного Афганистана и Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) Китая [16]. Известный российский ученый-востоковед В. Наумкин акцентирует внимание на элементах «многоконфессиональности центральноазиатского сообщества» и рассматривает Центральную Азию как уникальный феномен «философской эквивалентности цивилизаций, которая защищает ее народы от исчезновения и создает условия для развития межкультурной версии развития мира» [17].

Среди российских ученых особого внимания заслуживает геополитическое толкование понятия «Центральная Азия», выдвинутое А. Дугиным [18]. По его мнению, Центральная Азия расположена между двух центров силы — России и Ирана, и представляет собой геополитический ромб. В этот ромб входят страны Южного Кавказа, Центральной Азии и Афганистан. Последний выделяется А. Дугиным как «совершенно отдельное

явление» вследствие оккупации этой территории войсками НАТО [18]. А. Дугин рассматривал это геополитическое пространство, вокруг которого постоянно повышается градус соперничества, как широкое поле для маневра России и Ирана, результатом которого должно стать появление стратегических моделей сотрудничества, удовлетворяющих интересам Москвы и Тегерана. Любые инициативы по созданию «Большой Центральной Азии» или «Великого шелкового пути» должны быть нейтрализованы этими евразийскими центрами силы.

ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ» В КИТАЕ И ИРАНЕ

Интересным представляется рассмотрение сути понятия «Центральная Азия» в представлениях китайских и иранских ученых. И те и другие придерживаются общепринятого после распада СССР политологического термина «Центральная Азия». В китайской терминологии Центральная Азия именуется единым термином «Чжун-я» [19].

В иранской терминологии термины «Средняя Азия» и «Центральная Азия» считаются идентичными [20;5]. Однако известный иранский политик и политолог М. Санаи подчеркивал, что разграничивая понятия «Средняя Азия» и «Центральная Азия», необходимо учитывать следующие особенности [20]:

- национальность и менталитет не являются определяющими факторами, так как в различных регионах Центральной Азии живут многочисленные нации (в том числе тюрки, тибетцы, таджики, монголы);
- если не учитывать буддистов Тибета и китайцев Манджурской низменности, то Центральная Азия ограничивается с севера казахскими степями, с юга —

Северным Афганистаном и Ираном, с запада — Каспийским морем и с востока — Синьцзянским бассейном;

- исследования, проводимые после распада Советского Союза, охватывают пять республик с основным мусульманским населением государств Центральной Азии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, геополитические границы Центральной Азии не являются до конца сформировавшимся явлением. Не произошло и задуманной региональной консолидации. Многие региональные проблемы не позволяют странам Центральной Азии выработать единую стратегию общерегионального развития. Между тем, два претендента на региональное лидерство — Казахстан и Узбекистан, выдвигали инициативы по консолидации региона. В ноябре 2019 г. выступая на второй консультативной встрече глав государств Центральной Азии, первый президент Казахстана Н. Назарбаев выдвинул идею сделать регион «безбарьерным», что позволило бы снять имеющиеся преграды между государствами региона на пути движения капитала, услуг, товаров и рабочей силы [21]. С целью культурной сплоченности региона Н. Назарбаев предложил учредить новый праздник — День Центральной Азии [21]. Однако различные факторы тормозят процессы интеграции и регионализации. Среди этих факторов — борьба за лидерство в регионе, разный уровень экономического развития, межэтнические и территориальные конфликты и т. д.

Политический термин «Центральная Азия», принятый пятью постсоветскими государствами после демонтажа СССР, не является эквивалентом историко-географическому понятию «Центральная Азия», так как последний интегрирует

в своих граница более широкое территориальное пространство. Повышенный интерес к региону со стороны глобальных и региональных акторов обуславливает постоянные попытки изменить намеченные суверенными постсоветскими государствами геополитические контуры региона после распада СССР. На про-

тяжении последних десятилетий такой тренд четко обозначился в практических внешнеполитических действиях США в Евразии. В итоге, в зависимости от тех или иных принципиальных соображений геополитическое содержание понятия «Центральная Азия» может сужаться или расширяться.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Тренин Д. Post-imperium: евразийская история. Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); 2012. 326 с.
2. Худяков Ю. С. Понятие «Внутренняя Азия» в историко-культурном и рекреационном аспектах. *Гуманитарные исследования Внутренней Азии*. 2008;2(3):6-12.
3. Бураев А. И. К вопросу о применении термина «Центральная Азия» в исторических исследованиях. *Вестник Бурятского государственного университета*. 2011;8:142-146.
4. Алексеева Н. Н., Иванова И. С. Средняя или Центральная Азия? URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200302804> (дата обращения: 15.06.2020)
5. Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования. Москва: ЗАО Издательство Центрполиграф; 2010. 576 с.
6. Мухаев Р.Т. Геополитика. Москва: ЮНИТИ-ДАНА; 2013. 839 с.
7. Ануфриев К.С. Политика России и Китая в Центральной Азии. Томск: Изд-во Том. ун-та; 2011. 200 с.
8. Старр Ф. Партнерство для Центральной Азии. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/partnerstvo-dlya-czentralnoj-azii/> (дата обращения: 25.06.2020)
9. United States Strategy for Central Asia 2019-2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview). URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> (дата обращения: 03.07.2020)
10. Каплан Р. Месть географии. Что могут рассказать географические карты о грядущих конфликтах и битве против неизбежного. Москва: КоЛибри, Азбука-Аттикус; 2015. 384 с.
11. Фатланд Э. Советистан. Одиссея по Центральной Азии: Туркменистан, Казахстан, Таджикистан, Киргизстан и Узбекистан глазами норвежского антрополога. Москва: РИПОЛ классик; 2018. 528 с.
12. Казанцев А. А. «Большая игра» с неизвестными правилами: мировая политика и Центральная Азия. Москва: МГИМО-Университет; 2008. 382 с.
13. Жильцов С. С., Зонн И. С. США в погоне за Каспием. Москва: Международные отношения; 2009. 200 с.
14. Roy O. The New Central Asia. Geopolitics and the Birth of Nations. London-New York: I.B.TAURIS; 2011. 222 p.
15. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Москва: АСТ; 2019. 256 с.
16. Богатуров А. Д., Дундич А. С., Коргун В. Г. Международные отношения в Центральной Азии: События и документы. Москва: Аспект Пресс; 2018. 560 с.
17. Мальшева Д. Б. Центральноазиатский узел мировой политики. Москва: ИМЭМО РАН; 2010. 100 с.
18. Дугин А. Геополитика. Москва: Академический Проект, Гаудеамус; 2011. 583 с.

19. Цзюнь Ч. Значение государств Центральной Азии в мировой политической системе. *Управленческое консультирование*. 2017;3:164-171.
20. Санаи М. Взаимоотношения Иран и стран Центральной Азии: история и современность (политологический анализ). Алматы: Акыл кітабы; 1997. 144 с.
21. Назарбаев предлагает сделать Центральную Азию «безбарьерной». URL: <https://vlast.kz/novosti/36239-nazarbaev-predlagaet-sdelat-centralnuu-aziu-bezbarernej.html> (дата обращения: 18.06.2020)

REFERENCES:

- Trenin D. Post-Imperium: Eurasian History. Moscow: Russian political encyclopedia (ROSSPEN); 2012. 326 p. (In Russ.)
- Khudyakov Y. S. The Concept of “Inner Asia” in Historical, Cultural and Recreational Aspects. *Humanitarian Studies of Inner Asia*. 2008;2(3):6-12. (In Russ.)
- Buraev A. I. On the use of the term «Central Asia» in historical research. *Bulletin of the Buryat state University*. 2011;8;142-146. (In Russ.)
- Alekseeva N. N., Ivanova I. S. Middle or Central Asia? URL: <https://geo.1sept.ru/article.php?ID=200302804> [Accessed: 15.06.2020] (In Russ.)
- Glushchenko E. A. Russia in Central Asia. Conquests and Transformations. Moscow: ZAO publishing house Tsentrpoligraph; 2010. 576 p. (In Russ.)
- Mukhaev R. T. Geopolitica. Moscow: UNITY-DANA; 2013. 839 p. (In Russ.)
- Anufriev K. S. Policy of Russia and China in Central Asia. Tomsk: Publishing House of Tomsk University; 2011. 200 p. (In Russ.)
- Starr F. Partnership for Central Asia. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/partnerstvo-dlya-czentralnoj-azii/> [Accessed: 25.06.2020] (In Russ.)
- United States Strategy for Central Asia 2019–2025: Advancing Sovereignty and Economic Prosperity (Overview). URL: <https://www.state.gov/united-states-strategy-for-central-asia-2019-2025-advancing-sovereignty-and-economic-prosperity/> [Accessed: 03.07.2020]
- Kaplan R. The Revenge of Geography. What can Geographical Maps Tell Us about Future Conflicts and The Battle against the Inevitable? Moscow: Kolibri, Azbuka-Atticus; 2015. 384 p. (In Russ.)
- Fatland E. Sovietistan. Odyssey through Central Asia: Turkmenistan, Kazakhstan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Uzbekistan through the Eyes of a Norwegian Anthropologist. Moscow: RIPOL Classic; 2018. 528 p. (In Russ.)
- Kazantsev A. A. «Big Game» with Unknown Rules: World Politics and Central Asia. Moscow: MGIMO-University; 2008. 251 p. (In Russ.)
- Zhiltsov S. S., Sonn I. S. USA in Pursuit of the Caspian Sea. Moscow: International relations; 2009. 200 p. (In Russ.)
- Roy O. The New Central Asia. Geopolitics and the Birth of Nations. London-New York: I.B.TAURIS; 2011. 222 p.
- Brzezinski Z. The Great Chessboard. Moscow: AST; 2019. 256 p. (In Russ.)
- Bogaturov A.D., Dundich A.S., Korgun V.G. International Relations in Central Asia: Events and Documents. Moscow: Aspect Press; 2018. 560 p. (In Russ.)
- Malysheva D. B. Central Asian Knot of World Politics. Moscow: IMEMO RAS; 2010. 100 p. (In Russ.)
- Dugin A. Geopolitica. Moscow: Academic Project; Gaudeamus; 2011. 583 p. (In Russ.)
- Jun Ch. The Significance of the Central Asian States in the World Political System. *Management consulting*. 2017;3;164-171. (In Russ.)

20. Sanai M. Relations between Iran and the Countries of Central Asia: History and Modernity (Political Analysis). Almaty: Akyl Kitaby; 1997. 144 p.
21. Nazarbayev proposes to make Central Asia “barrier-free”. URL: <https://vlast.kz/novosti/36239-nazarbaev-predlagaet-sdelat-centralnuu-aziu-bezbarernoj.html> [Accessed: 18.06. 2020] (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Г. Гарбузарова, Кандидат исторических наук, Кыргызско-Российский Славянский университет, Бишкек, Кыргызская Республика; 720065, Кыргызская Республика, Бишкек, ул. Киевская, 44;
play_elenag@mail.ru

Elena G. Garbuzarova, candidate of historical science, Kyrgyz-Russian Slavic university, Bishkek, the Kyrgyz Republic; bld. 44, Kievskaja str., Bishkek, 720065, the Kyrgyz Republic;
play_elenag@mail.ru